

На боевом посту

ВД

4-5'92

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

СПАСЕНИЕ - В ПОДЛИННОЙ ДЕМОКРАТИИ

КОНТРОЛЕР В КОЛОНИИ: СТЕПЕНЬ РИСКА

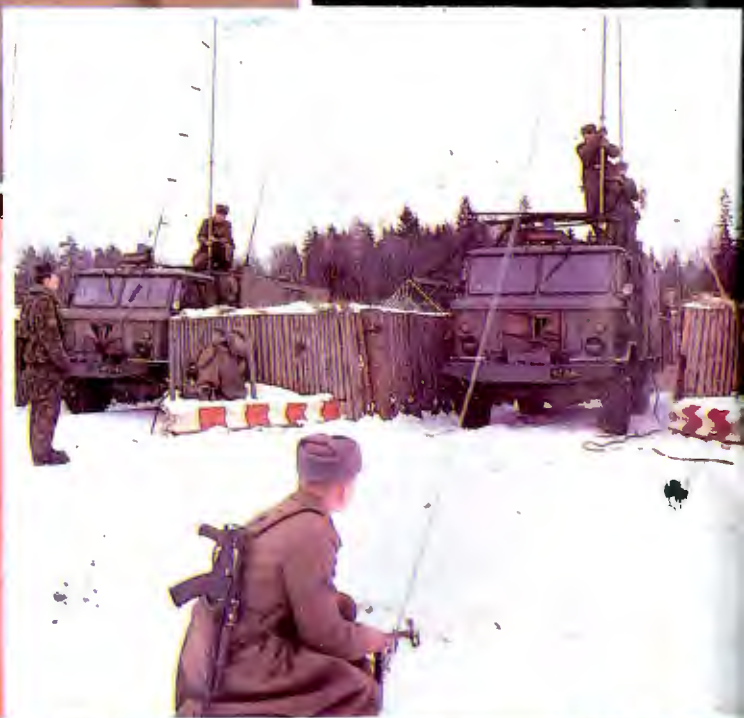
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О КАРАБАХЕ

Аксиома: черновая, выжимающая семь потов работа – единственный способ обрести мастерство высокой пробы, без которого связист – не связист. Поэтому на занятиях в поле у лейтенанта Виталия Медведева и его подчиненных ни одна минута не проходит вхолостую.

Трудно выдержать напряженный ритм учебы, особенно начинающим специалистам. Но каждый солдат с молниями на петлицах прилагает все силы, чтобы стрелка секундомера не пересекла "пятерочной" границы норматива. А наградой – чувство полного хозяина эфира. И молодецкий аппетит за обедом.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ ИЗ КАРАБАХСКОГО БЛОКНОТА

КИСЛЫЙ Ю. Хлеб войны 4

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

БОЛШИН В. Не выходи из боя, командир... 20
 ШЕВЧЕНКО В. Кто защитит контролера? 23
 ТОРИН В. «На дальней станции сойду...» 25
 Письма читателей 27
 БОЛДИН И. «Изыщная» словесность и... «семечки» 28
 ШТУТМАН С. Бригада особого назначения 29
 ДРЕСВЯНИН С. Крылатые командос Альбиона (зарубежные коллеги спецназа) 30

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Стихи (подборка) 8
 МУЧАК И. «Черное кольцо» (повесть, начало) 9
 ДРУЖИНИН И. Стихи 46
 КУЗЬМИН Н. Ночные беседы (эссе, окончание) 47

■ ПУБЛИЦИСТИКА

КУРКИН Б. Дело Ленина живет? И побеждает? 33
 КОСОЛАПОВ Р. «Он наш вполне» 37
 ЗАНИН В. Спасение в подлинной демократии 41
 БАЛАКШИН Р. Кто рулевой? 42
 ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Прорубим ли в Европу дверь? 43

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

РОНИН Р. Черные демоны 57
 Рыболовам и охотникам 61
 Шахматный клуб 62
 Клуб знакомств «Возможна встреча» 63

На первой странице обложки: «Историю не переписывай»

Фото А. Александрова.

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications handles: o subscriptions o back issues o advertising for Na boevom postu	For further details, please contact us at: EAST VIEW PUBLICATIONS, 12215 North 28th Place, Minneapolis, MN 55441 USA voice: (612) 550-0961 fax: (612) 559-2931
---	--

Адрес редакции:
 107120, Москва, В-120,
 Сыромятинский проезд, 8

Телефоны:
 361-82-57,
 361-81-71.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Сдано в набор 5.02.92 г. Подписано к печати 8.04.92 г.
 Формат бумаги 70x108/16. Усл. печ. л. 5,6.
 Уч.-изд. л. 8,8. Зак. № 539. Тираж 50 000 экз.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
 123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

За нашу Советскую Родину!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
 ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
 ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ЖУРНАЛ ВСУПРЕННИХ ВОЙС

4-5'92

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД
 Российской
 Федерации

Редакционная
 коллегия:

В. Ш. АМЕРХАНОВ

[зам. главного редактора],

В. В. АФАНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

[ответственный секретарь],

О. Л. ВОЛКОВ,

В. П. ВОРОЖЦОВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

Б. В. КАРПОВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Л. Л. СМИРНОВ,

В. Н. УСКОВ

[зам. главного редактора],

А. Г. УШАР,

В. С. ФРОЛОВ,

А.-А. ШЕМАЕНКОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

Художественное
 оформление

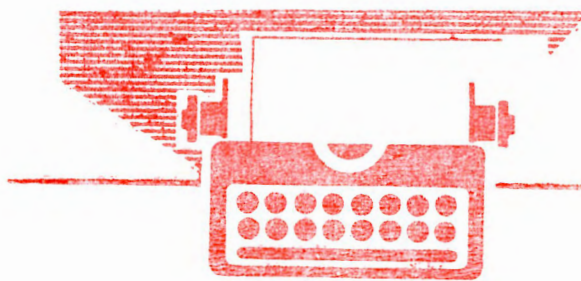
Э. П. Нопылова,

Е. К. Селиковой.

Корректоры

Е. Ю. Гаврилова,

И. Ю. Семибратова.

СТРАНИЦА
ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С НАМИ

День Победы... Не удивлюсь, если кто-то из нынешних умных, демократичных и сверхсовременных сторонников идеи общеевропейского дома предложит вообще отменить этот праздник. Чего, дескать, праздновать, если побежденные не только числятся друзьями, но и помогают кормить ветеранов армии победителей! Молодому поколению, озабоченному поиском уже не исторической правды, а работы и пропитания, старательно напечатывают: мол, победители так не живут. Какая же это Победа, если за нее заплачено таким количеством человеческих жизней [цифры приводят невообразимые и невероятные — вплоть до 70 миллионов]. И верх кошмара: мол, Гитлер и Сталин, фашисты и коммунисты — одного поля ягоды, а значит, ответственность за неисчислимые жертвы и страшные разрушения надо разделить поровну: на немцев и русских...

Деятели, заговорившим вдруг о равной ответственности за развязывание второй мировой войны, не мешало бы спросить у солдат пограничных и внутренних войск НКВД СССР: «Кто первый начал!» Уцелевшие никогда этого не забудут. Встретив агрессоров на границе, части и подразделения внутренних войск, вооруженные винтовками и небольшим количеством пулеметов, без артиллерии и танков защищали Брест, участвовали в обороне Ленинграда, Киева, Севастополя, Москвы, Воронежа, Сталинграда... Обороняли железнодорожные мосты и промышленные объекты, большие города и маленькие населенные пункты — места дислокации. Войска, внутренние даже по названию, по функциям, могли встретиться с врагом только на своей территории и ни пяди ее не уступали без боя.

Ветераны знают: массовый героизм советского народа — не миф, не «пропагандистский трюк идеологической машины». Еще до Александра Матросова закрыл своим телом амбразуру вражеского дота командир роты автоматчиков, воин внутренних войск младший сержант Петр Барбашев. Люди, способные на самопожертвование, не могли не победить.

Тогда, в сорок пятый, наша страна еще раз доказала — с мечом на Руси делать не-

чего, в открытом бою ее не одолеть. Взглянув на нас по-другому: через подставных лиц разобчили, развели по медвежьим углам и сочувственным шепотом напомнили о мнимых и действительных обидах. И снова, как и сотни лет назад, стали братья спорить, о малом говорить — это великое. В ходе междоусобиц «из-за стакана клубники» мы растеряли былые единство, из многочисленных горячих точек, спровоцированных недальновидными «политиками на сезон», армия вышла в изрядно заплеванном мундире. За чечевичную похлебку наши деятели не просто отдали кровью оплаченные итоги отцовской Победы, но и назвали это «крупным внешнеполитическим успехом». Ничего не скажешь, легко достаются такие «победы».

Сегодня, когда страна без войны развалена некомпетентным руководством и фактически побеждена в «холодной войне», память о победном майском салюте нам еще нужнее. Неужели мы, наследники настоящих победителей, не справимся с экономикой, не совладаем с разрухой — ведь никто не бомбил наши города и заводы! Неужели забудем о немногих оставшихся в живых участниках Великой Отечественной войны, солдатах Победы, и заставим их унижаться подачками от побежденных!

Опыт Победы поможет нам выстоять и сегодня. Надо только вспомнить, как шли к ней наши отцы и деды. Они были едины и не были эгоистами. В одном окопе билась с врагом русский и украинец, армянин и азербайджанец, узбек и киргиз, татарин и казах. Если мы не перестанем сегодня тащить одеяло на себя, шантажировать друг друга правом собственности на уголь, нефть, хлеб и сахар, картошку и комбайны, если поставим в каждой республике по печатному станку для поточного производства суверенных тугриков, вряд ли мы сумеем повторить подвиг военного и послевоенного поколений.

А если нам удастся прозреть, вспомнить, что настоящие победители себя не жалели и сильны были дружбой, взаимовыручкой, верой в правоту своего дела — будет и на нашей улице праздник. Праздник Победы.

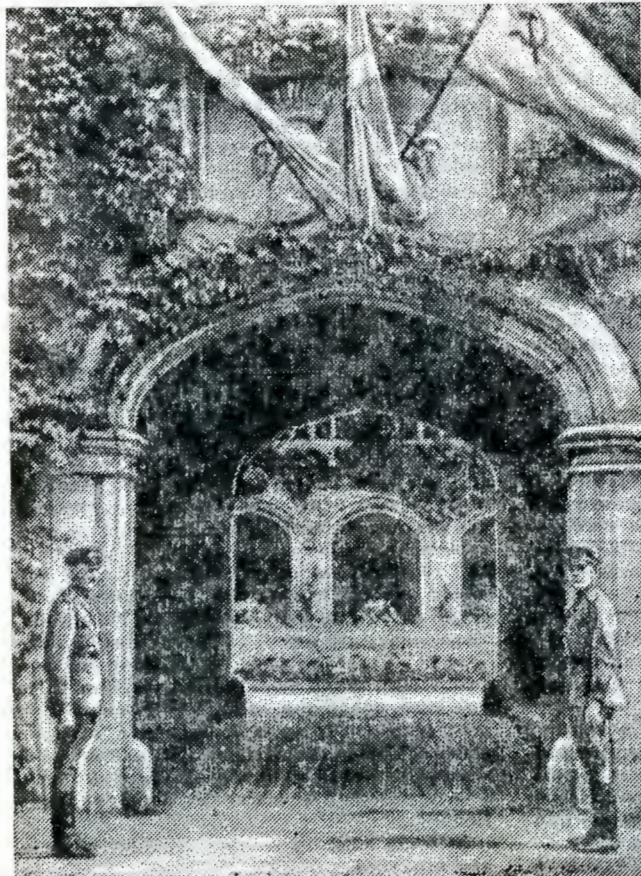
В ЯНВАРЕ 1945 года, когда началось наступление советских войск на Сандомирском плацдарме и мы пошли вперед, охраняя тыл действующей армии, ведя борьбу с группами оставшихся там гитлеровцев, все чувствовали, что победа не за горами. Так и вышло.

Маневренная группа нашего полка войск НКВД была в небольшой деревушке южнее Берлина, когда в ночь на 9 мая радист «поймал» сообщение со словом «победа». Салютовали все, из всех видов оружия. Настроение праздничное, вокруг смеющиеся лица, погода чудная, сады в цвету. Солдаты стали прихорашиваться, все чаще

Берлинская (Потсдамская) конференция 1945 года закрепила в своих решениях историческую победу, одержанную народами СССР и союзных стран над фашистской Германией, выработала программу справедливого и прочного мира в Европе.

КАРАУЛ

У ЦЕЦИЛИЕНХОФА

говорили о скором возвращении домой. Победную эйфорию развеял приказ на передислокацию пешим маршем...

Это был двухдневный переход в Потсдам. Тогда мы еще не знали, что готовилось мероприятие, секретно именуемое «Терминал» — встреча глав правительств СССР, США и Великобритании. А пока нас переодели в новенькое, с иголки, обмундирование (мы-то уж думали, что к параду Победы готовят), сформировали караулы, усиленно тренировали.

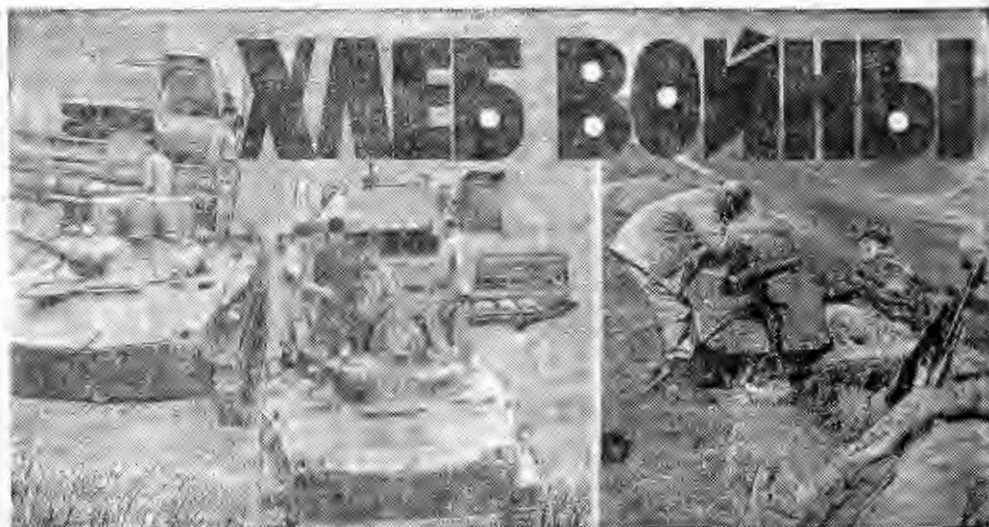
Я был назначен начальником офицерского караула № 1 по охране старинного замка Цецилиенхоф. Именно там заседали Ста-

лин, Трумэн и Черчилль со своими делегациями. Выполняя нехитрую, на первый взгляд, службу, мы осознавали, что здесь, в двух шагах от нас во многом решается судьба послевоенного мира. И потому ни на секунду не теряли бдительности, чувства ответственности. Ни малейшего эксцесса не произошло, весь личный состав полка был поощрен министром.

Навыки, полученные за годы войны, да и в том памятном для меня карауле № 1 у Цецилиенхофа, здорово пригодились мне, когда продолжал службу в частях внутренних войск по охране важных объектов. Конечно, караул караулу рознь. Но в любом выполняешь боевую задачу — эту истину я усвоил на всю жизнь.

Смотрю на фотографию. Среди флагов держав-победителей — наш, советский, который крепко уважали во всем мире. И горько становится на душе от того, что под другими флагами приходится сегодня служить нашим сыновьям и внукам.

Подполковник в отставке
К. ЗАБОТНОВ.

В конце прошлого года по решению парламента и МВД России внутренние войска покинули Карабах. Но в селах пылающего региона еще не раз будут вспоминать добрым словом военных, которые честно выполняли миссию защитников. Об одном из таких офицеров — наш рассказ.

— **В** АГАН МИХАЙЛОВИЧ, в приемной много посетителей. Время идет, люди нервничают... Что сказать им? — поставив на стол маленькие чашки с крепким, источающим мятный аромат чаем, секретарша, немолодая, аристократической анешности армянка, вопросительно посмотрела на председателя райисполкома.

— Извинитесь за меня, ради Бога, пусть немного подождут, — спохватился Ваган Михайлович Габриелян. — Надо решить неотложные вопросы с командиром части. — И добавил, обращаясь ко мне: — В любом учреждении Мардакертского района перед подполковником Гуртовым все двери широко открыты. Люди перед ним в неоплатном долгу: и защитил, и хозяйство поднял. Благодаря ему села Сейсулан и Кармираван первыми в области собрали урожай. Началась страда — Николай Иванович сажает трех солдат на комбайн. На ферме впервые за многие годы — порядок. И это еще не все. Раньше с хлебом были постоянные перебои: блокада. Теперь в Сейсулане каждый день можно купить свежую лепешку: командир части наладил работу пекарни.

— Скоро, Ваган Михайлович, белый хлеб выпекать будем. Настоящий лаваш! — размешивая в чашке сахар, сказал подполковник Гуртовой. — Но мы отвлеклись... Насчет бензина, значит, проблему снимаем — подсобите. Теперь вот такая просьба...

Когда мы, попрощавшись с председате-

лем, вышли на улицу, солнечный диск яростно сверлил небо за полуденной чертой. Стояла липкая духота, особенно мучительная после продуваемого кондиционером кабинета. Будто в прозрачную духовку поместили городок. Гуртовой достал носовой платок и смахнул с выцветших бровей тяжелые росинки.

— Так, дальше у меня запланирована проверка службы в Сейсулане. Затем — пекарня, ферма, надо посмотреть, как там без меня управляются: два дня отсутствовал, проверял тальшскую заставу. Неделями оттуда не выезжал бы, честное слово. Природа в Тальше красоты неопишуемой. Туристом бы с фотоаппаратом туда приехать, в гости к добрым людям, — в глазах комбата блеснул юношеский задор. — Живописные горы, древняя земля, каждый камень дышит историей... За селом — развалины старовинного (невольню вырвавшимся украинизмом он обозначил и свои родовые корни) армянского монастыря Урек, который начали строить еще в пятом веке. Неподдалеку сохранились стены княжеского замка. Века прошли, а раствор крепче камня. Вот ведь как раньше строили! На родовом кладбище похоронено много людей, оставивших заметный след в истории нашего Отечества. Например, генерал Шамирхан, начальник штаба армии Ермолова, а впоследствии — секретарь Грибоедова в Персии...

Заметив мое удивление, Николай Иванович пояснил:

— Я, скажу по секрету, с детства к истории неравнодушен. Как только забросит судьба к новому месту службы, обязательно выкрою время, чтобы побывать с семьей в музеях, посмотреть памятники архитектуры. И офицеров своих к этому приучаю. Зачем? Афганский опыт; знание истории, народных традиций выручают порой в самых безвыходных ситуациях. Люди ценят, когда проявляешь искренний интерес к их прошлому, обычаям, нравам. И платят сторицей.

Слушая рассуждения Гуртового, вспомнил недавний разговор в комендатуре с офицерами Главного управления командующего внутренними войсками, которые проверяли мардакертский батальон. По долгу службы менее всего склонные к восторженным оценкам «состояния дел на местах», на этот раз они не скрывали восхищения: «В расположении части образцовый уставной порядок, заставы — как игрушки, а главное, обеспечивается безопасность в населенных пунктах, взятых под охрану, возрождается порушенное войной хозяйство. По личной инициативе Николай Иванович организовал встречу представителей национальных общин соседних сел, начал наводить мосты к перемирию в районе дислокации своих подразделений».

После этого разговора, заинтересовавшись неординарными делами комбата, с первой же оказией отправился в Мардакерт.

ДВОР школы-интерната, где размещался милицейский батальон, был чист и ухожен, как усадьба доброго хозяина. Такая же чистота — в импровизированной казарме. Не преувеличивали офицеры главка, расхваливая Гуртового за любовь к порядку.

Хотел спросить у дневального, у себя ли командир. Но в этот момент скрипнула дверь, из класса с аккуратно заправленными койками вместо парт неторопливо вышел подполковник в ладно сидящей милицейской форме.

Кряжистая, могучая стать. Бронзовое от загара лицо с выразительными, крестьянской лепки чертами. Прямой, открытый взгляд... Таким и представлялся мне Гуртовой: сплав черт, отражающих внутреннее духовное устройство воина и оратая.

Бог дает человеку лицо и никогда не ошибается, говорят испанцы.

Знакомимся.

Вырос Николай в селе Шелестово, что в Харьковской области. По преданию, здесь осела часть казаков, когда Екатерина разогнала Запорожскую Сечь. Род Гуртовых вроде от них идет.

После школы получил специальность механизатора-полевода. В 67-м окончил Орджоникидзевское командное училище, через двадцать лет — Академию имени Фрунзе. Служба? Обычная, как у всех. И конвойной каши хлебнул, и общественный порядок охранял. Два года — в Афганистане советником. Боевой орден. Вот и вся биография...

«Деятельность офицера должна доказывать любовь Отчезтва к солдату. В этом залог победы войску», — писал Андрей Платонов. К сим золотым словам я бы добавил: офицера и державного руководителя, политика. Ибо непосильный груз лег нынче на плечи военных, вынужденных подменять собой в горячих точках советы и парламенты всех уровней и рангов, нередко занимаясь тем, чем призваны заниматься «слуги народа», давным-давно просрочившие оплату по векселям доверия.

Но это — к слову. Что касается Гуртового, то у него солидный опыт работы соиздательной (на десяток депутатств хватит) — и в нашенских державных уделах, и там, вдали за рекой, «за речкой», на «ридной Афганщине».

...Выбросили подразделение царандою с советником Гуртовым на голое место. Ни кустика, ни деревца, чтоб в тени укрыться. Пылища едкая да горы вокруг, точно воблы, высохшие от зноя. Разбили палаточный лагерь. А напротив, не так чтобы очень далеко — кишлак. По данным разведки, душманы там гнездышко свили. «Будем менять место дислокации», — сказал Гуртовой. — Хватит в палатках париться, антисанитарию разводите». Ночью, сняв охрану, тихо вошли в кишлак. Моджахеды постреляли немного и сложили оружие, когда увидели, что силы неравны.

А на следующий день начали царандоевцы с помощью мушавера обживать на новом месте. Возле большого глинобитного дома, облюбованного под казарму, построили кухню, баню, туалет... Воевать — так в человеческих условиях.

— Если чужих людей сумел неплохо устроить, да еще под душманскими пулями, то для своих и подвон обязан постараться. Принцип один: не жалей сил для бойцов, и они пойдут за тобой и в огонь, и в воду, — в словах комбата слышатся назидательные нотки. Сейчас он напоминает мне несуетливого, умудренного жизнью деревенского философа из хозяйновитых украинских мужиков — любителя порассуждать вслух о разных разностях, опробовать практический закал своих убеждений на оселке нехитрого афоризма, поверяющего нравственность пользой. Но предмет разговора обнажал в глазах моего собеседника иную сущность. Естественно сочетаясь с его селянским природой, эта сущность состояла из боевого опыта, помноженного на военные знания, готовности защитить слабого и постоять за правду; требовала неустанно заботиться об уставном порядке воинского уклада, крепкой дисциплине и ратном искусстве бойцов.

«Козацькому роду нэма пэрэаоду!», — подумал я, глядя на комбата.

У КПП ждал командирский «уазик». Направляясь к машине, обратил внимание на стоявший неподалеку «ЗИЛ» без одного заднего колеса.

— Специально на прикол поставил, — проворчал комбат. — Достала, понимаешь, местная мафия. Так и норозят командира части под себя подмять. То «бэтр» им дай

семью из блокады вывезти — такса пять тысяч рэ, ну и офицеру, ясное дело, за содействие немалую мзду сулят. То грузовик — из Мир-Башира газовые баллоны доставить, там их заправляют за три рубля, а в Мардакерт с людей двенадцать за привезенный баллон дерут, командиру за машину — спать же бакшиш. Во как, подлцы, наживаются на народном горе. Посмотрел я на это дело и думаю: «Нет, братцы, совестью на старости лет торговать не буду, мы — бедное, но гордое племя». Одну машину отогнал на заставу, с другой велел снять колесо — капремонт (как только понадобится — в момент поставим). Нет у меня техники.

Хитрющий хохол, такого голыми руками не возьмешь!

Выезжаем за ворота. Глазам своим не верю: по холмистому полю за оградой «форта» цпочкой бегут бойцы: с шоколадными от загара и пыли торсами. Кросс!

— Не жалко солдат в такую жару тренировать?

— Жалко будет, если он в бою пропадет из-за того, что силенок и выносливости не хватило. Сегодня здесь тишь да благодать, а завтра, может быть, заваруха начнется. Не хочу казаться банальным, но напомню: тяжело в учении... Так что расписание занятий в батальоне — закон. И тактическая, и физо, и строевая — все по плану. На заставах солдаты выпадают из учебного ритма: ночью — на постах, днем — в кроватях. Поэтому службу приходится организовывать по «вахтовому» методу. Неделя — в окопах, неделя — в пункте дислокации батальона. Приводим в порядок внешний вид, дисциплинку подтягиваем, направляем молодую энергию бойцов в учебную колею, ну и отдых, конечно, по распорядку.

Николай Иванович на глазах преобразается, даже в голосе — другие оттенки. Теперь это не рачительный хозяйственник, озабоченный по воле обстоятельств проблемами тыла, а строгий, придирчивый командир, думающий о том, как вернуть свой батальон из горячей точки без потерь.

— Между прочим, такой же методы придерживался и в Афганистане, — упрямо повел плечами Гуртовой. — Перво-наперво своего пузатого подсоветного научил падать на землю, передвигаться ползком и перебежками, пристреливать оружие. Три недели гонял царандовцев на полигоне, пока на солдат стали похожи.

Николай Иванович замолчал, вспомнив свои афганские пути-дороги, потом снова заговорил, на этот раз с плохо скрываемым раздражением:

— Я бы и своих гвардейцев по высшему разряду подготовил для службы в НКАО, с учетом специфики здешних задач. Знай хотя б за полгода, куда мой батальон забросят, с полигона бы не вылазили. А то с бухты-барухты приказ: пять дней на сборы — и в Карабах. Анекдот! С обстановкой ни черта не ясно, комплект материальных средств (части-то без году неделя), сухая на всех не хватает. Но кому до этого дело? Давай, командир, и basta! Слава

Богу, Афган за плечами и у меня, и у моего зама, — выручил нас боевой опыт. А соседний батальон прибыл воевать со щитами и резиновыми палками. Вот такие дела: бросают необученных пацанов на авось — словно здесь не война, а всеобщий митинг по укреплению интернационализма и дружбы народов, на котором надо общественный порядок обеспечить.

Трудный у комбата хлеб в особом районе!

ПОСЛЕ беседы с народным депутатом В. Габриеляном хотелось поскорее увидеть поле, которое убрали бойцы Гуртового. И пекарню, поставленную его усилиями.

Наконец мы — на дороге, ведущей в Сейсулан. Рядом со мной на заднем сиденье трясется председатель сельсовета Григорий Григорьевич Арутюнян, полный мужчина средних лет с неизбывной печалью в глазах.

Машина часто подпрыгивает на выщербленном, волнистом, как стиральная доска, асфальте, мимо проносятся виноградники, небольшие квадраты полей со следами пожаров. Дальше, в дрожащем знойном мареве окоема угадываются плоские, словно аппликация, силуэты гор.

— На этом месте омонцовцы убили солдата, — тронул меня за плечо Григорий Григорьевич. — Мишей звали. Фамилию вот, жалко, не запомнили. Так теперь и говорят в селе: место, где погиб русский солдат Миша. А недалеко отсюда убили девушку из села Ярымджи. Анушик Авенисян ее имя.

Председатель сельсовета горестно вздохнул.

— А вот и наше поле, — повернулся ко мне Гуртовой, когда «уазик» поравнялся с черной, уходящей вдаль полоской, покрытой рыжеватою щетиной стерни.

Водитель остановил машину, и мы, щурясь от нестерпимо яркого солнца, вышли на обочину.

— Жаль, поздно прибыла часть в район, — хмуро произнес комбат. — Не успели все убрать. Добрая половина зерна на земле осталась. А в Талыше весь хлеб на корню пропал. Даже я ничем не смог помочь...

— А почему сельчане на урожай махнули рукой?

— Боялись выходить в поле. Сейсулан окружен азербайджанскими селами. Комбайн очень хорошая мишень для снайпера. И омонцовцы тут покуролесили с проверкой паспортного режима. Нагнали на людей такого страха, что... Схватили председателя сельсовета, директора совхоза, до сих пор не может прийти в себя после отсидки в шушинской тюрьме, бригадира, экономиста. Потребовали выкуп — 250 тысяч рублей, в том числе 100 тысяч — за директора. Чтобы спасти арестованных от расправы, люди собрали все деньги, отпозженные на черный день... Вот что здесь творилось до нашего прибытия — на глазах членов Оргкомитета по НКАО, между

прочим. У них — реальная власть, материальные средства, дефицитное горючее для машин и комбайнов. А комендатура оказалась в роли бесправного вассала.

После «визита» ОМОНа по селу проползали слухи о депортации. Люди бросились паковать вещи. Какой уж тут урожай? Самим бы уцелеть...

Взяв под охрану село, комбат решил: невзирая на большую служебную нагрузку, будем убирать урожай, это наш долг перед землей, политой потом хлеборобов и виноградарей.

Первым делом починили старенький комбайн. Выставили в поле бэтээр для прикрытия на случай нападения. И началась блокадная страда. Меняя друг друга, рядовые Михаил Грош, Александр Чернов и Петр Наскальный, по профессии механизаторы, быстро убрали пшеницу, обреченную птицам на поклев да мышам-полевкам на дармовую добычу. Свободные от службы воины работали на винограднике, помогали с сенокосом. Тем временем комбат лично на бэтээре привез в пекарню мастера-наладчика из окруженного омоновцами Шаумяновска, пробил оборудование.

Измученное село на глазах преобразилось. Отчаявшиеся найти справедливость люди наконец поверили: есть она, Правда, на белом свете. За нее стоят военные во главе с подполковником Гуртовой. На полях, на виноградниках закипела работа...

СЕЙСУЛАН. Ухоженное чистенькое село с добротными просторными домами в буйной зелени садов. В центре — Дворец культуры, немного похожий на храм. Здесь и разместилась застава.

Увидев командирскую машину, от стайки бойцов отделился высокий офицер с добродушным, улыбчивым лицом.

— Начальник заставы майор Меньшов, заместитель командира батальона.

— И мой надежный боевой товарищ, «афганец», кавалер ордена Красной Звезды, — добавил Гуртовой.

Владимир Меньшов пригласил совершить «экскурсию» по заставе. Слов нет — игрушка, порядок уставной и здесь — все му голова. Заодно со слов майора узнал драматичную историю о том, как они с комбатом чуть не «загрели под фанфары».

...Во время совещания в комендатуре Николаю Ивановичу друзья шепнули по секрету о подготовке нового налета омоновцев. Вернулся Гуртовой сам не свой. Это что же получается? Он, комбат, руководствуясь Законом о правовом режиме чрезвычайного положения, обеспечил безопасность сельчан, собрал урожай, накормил людей хлебом. А его хотят сделать соучастником карательной акции, молчаливым свидетелем глумления над людьми?

Село не отдадим, решили с Меньшовым. Отстоим любой ценой. На следующее утро Гуртовой подбросил на заставу подкрепление в 70 стволов, подтянул к Сейсулану всю имеющуюся в батальоне боевую тех-

нику. Приказал в спешном порядке расширить и укрепить сеть инженерных оборонительных сооружений. По ночам начали проводить тактические занятия, отрабатывая порядок действий личного состава в заслоне, дозоре, засаде. И силу продемонстрировали, и перед начальством перестраховались: теперь никто не придерется, что боевую подготовку в батальоне подпустили.

— К счастью, стычки с ОМОном не произошло, — заключил рассказ Владимир Николаевич, угощая меня чаем в своей «канцелярии». — Проверку паспортного режима наверху отменили, решили не лезть на рожон.

— А если бы все-таки сунулись «стражи порядка» в село? — я поднес к губам чашку и чуть не обжегся крепчайшим — цвета дегтя — напитком.

— Взял бы автомат и вышел им навстречу, — погладил черные усы начальник заставы. — А там — будь, что будет.

— Рисковый у меня зам. Настоящий боевой «афганец», — раздался голос Гуртового. Заходя в «канцелярию», он услышал слова Меньшова и не удержался от ироничной реплики. — Нет, Володя, мы поступили бы хитрее. По закону. Потребовали бы присутствия коменданта участка, прокурора, начальника РОВД. Пусть попробуют провести незаконные аресты при таком авторитетном представительстве. Обожгутся!

За окном басовито взревели двигатели бэтээров. Застава огласилась топотом тяжелых ботинок. Солдаты отправились на посты. Их ждала тревожная, бессонная ночь.

УТРОМ, чуть свет, отправились на пекарню. В печав весело гудело пламя. Женщины в белых халатах раскладывали по противням лепешки из теста. Встретивший нас председатель сельсовета стал божить, что если не сегодня, то уж завтра обязательно привезут муку для белого хлеба. Арутюнян взял с деревянного лотка только что испеченный хлеб, разломил на две части и протянул их мне с комбатом.

Серая ноздреватая лепешка с хрустящей, чуть подгоревшей корочкой источала тепло и запах жизни.

В памяти всплыли слова: «Если офицер не делает, то и никто не делает». Так говорил Михаил Иванович Драгомиров — русский генерал, герой Шипки.

Подумал: есть еще, слава Богу, в нашем истерзанном Отечестве офицеры, способные на дела, которые больше никому не под силу. А стало быть — живем!

К пекарне вприпрыжку подбежал востроглазый шустрый пацаненок в солдатской фуражке навыорот, протянул в окошко горсть мелочи. Получив две лепешки, бережно прижал их к груди и походкой самостоятельного человека зашагал домой...

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ,
наш спецкор.

Мардакерт—Сейсулан—Москва.

**Прапорщик в отставке
Петр ДМИТРИЕВ**

9 МАЯ

Не пениться шампанскому
в бокалах,
Сегодня праздник горького вина.
Помянем всех,

кого в живых не стало,
Чьи сердцем вечно помнить имена.

Без мистики традицию простую
Поддержим и, как встарь заведено,
Нальем для них,

хоть многим зачастую
Пригубить в жизни не было дано.

Прольются вновь на скатерть
слезы вдовьи,

Зайдутся в горе матерей сердца.
Боль светлая, она давно не внове,
Как жизнь без близких —
видно, до конца...

А в каждом доме —
солнышко в окошке,
Как до войны.

И воздух так же чист.
Склонив седую голову к гармошке,
Рвет не меха, а душу гармонист.

Фронтовики,
традиций не нарушив,—
Кому и петь сегодня,
как не им?! —

Чуть захмелев,
затянут про Катюшу
Минорно и торжественно,
как гимн.

Полковник Юрий КИРИЛЛОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Дот сатанел, глушил прилив атак,
Хлестала смерть зловец
из бойницы...

Солдаты, позже взявшие рейхстаг,
Лежали под огнем среди пшеницы.

Один вздохнул:
«Эх, кончится ль война?!» —
И сжал в руке поникшие колосья.
Он понимал: то не его вина,
То ливень пуль

зерно на землю сбросил.
Рванул он — и захлебнулся дот,
И капли крови вспыхнули,
как искры...

Мне шел в ту пору
только третий год.
...Смотрю на колос возле обелиска.

Полковник Виктор ВЕРСТАКОВ

НАД РУССКОЙ ЗЕМЛЕЮ...

Над русской землею —
нерусские птицы,
их крылья темны, их чужды голоса.
Проснулся ли я,
или прошлое снится —
ответит война
через четверть часа.

В рассветной заре
небеса побледнели,
и русские звезды почти не видны.
Ах, если бы знать,
что не сплю в самом деле
за десять минут до начала войны!

Остаться в живых...
Нет, остаться бы спящим,
не видеть, не слышать,
как взрывы сверкнут.
Ведь прошлая боль
лишь больней в настоящем,
когда до войны
пять последних минут.

На русской земле
не осталось покоя.
Но будет победа, но будет весна.
Отец в сорок первом
мне машет рукою,
чтоб я не забыл,
как приходит война.

Писать эту повесть капитан Иван Мучак начал в горах Карабаха, где вместе с подчиненными выполнял боевую задачу. События и героев ему не надо было выдумывать — все пережито и прочувствовано им самим.

К сказанному хочется добавить только одно: «Черное кольцо» — первая попытка Ивана Мучака попробовать себя в литературе. На наш взгляд, удачная попытка.

ТРОЗА

ПОВЕСТЬ

У кого-то все в прошлом — и смерть, и пожарница,
Про Афган говорим, вспоминая друзей.
Но сегодня опять гибнут наши товарищи,
Наши матери снова теряют детей.
И решают судьбу в спину подлые выстрелы,
И погибшим мальчишкам уже не любить.
Где же силы найти, чтобы выдержать, выстоять?
Ведь нам некому, некому... некому мстить.
Ефрейтор В. СТАРОДУБ.

Предисловие

ПРИРОДА распорядилась так, что погожих, солнечных дней в году в Нагорном Карабахе значительно больше, чем ненастных. И если даже сезон дождей здесь затягивался несколько дольше обычного, это почти никем не замечалось, потому что была уверенность: тучи скоро рассеются, и тепло наверстает свое. Так было.

Теперь даже редкие облака кажутся безмерно тяжелыми, таящими в себе опасность. Хмурятся прохожие, шепчут небу проклятья, как будто оно, небо, виновато в том, что пришла на эту землю беда. Мало людей на улицах, сидят по домам, стенами отгораживая себя от внешнего мира, ставшего таким неприветливым. Одни ругают, глядя в окошко, погоду, власти, солдатские патрули, проходящие по улицам. Другие..

Мужчина лет сорока пяти, статный, может, чуточку грузноватый, отошел от окна, перед тем задернув шторы, и квартира погрузилась в полумрак.

— Как добрались? — спросил он гостя, только что вошедшего в прихожую и снимающего с себя легкий летний плащ.

— Спасибо, господин Ованесян, наши люди обеспечили мне зеленую улицу. Что плохо — это дождь. Я заметил, что, когда в Арцахе начались беды, погода испортилась: ветры, тучи..

— Об этом потом, Сурик, сейчас о деле говорить надо. Как налаживаются связи с правоохранительными органами?

Тот, кого называли Суриком, присел за стол, где для него уже была залита чашка горячего чая, недовольно заговорил:

— Когда я сам работал, они готовы были мне пятки лизать, а теперь разговаривают сквозь зубы.

— А за что, кстати, тебя уволили?

— Меня не уволили, я сам ушел.

— Сам? С такой должности?

Сурик недовольно скороговоркой ответил:

— Ну, не совсем, конечно, сам, мне предложили уйти... Смешно: обвинили в том, что всех своих родственников на хорошие места пристроил. Будто они сами этим не занимались, и будто это какое-то преступление — помогать своим. Теперь вот — всего лишен.

— Тебе-то плакаться! Ты ведь знаешь, что я потерял?

— А как же: дача, машина и такой пост, такой пост...

— Ничего, все вернется. И за все воздастся!

Ованесян проговорил это зло, решительно, таким тоном, что Сурик поставил на блюдце поднесенную было к губам чашку и распрямил спину, словно ожидая приказа.

— Многое делать предстоит, очень многое. Плохо пока контактируем с милицией, с прокуратурой. Надо думать, как добыть армейскую форму, оружие, взрывчатку. Машины нужны, легковые, тягачи. Все это — ваши задачи, Сурик. А выполняете вы их

пока неважно. Ну чем похвастаться можете? Разве что, простите за откровенность, разбоями да мелкими грабежами. И то, только действует лишь группа Савана Салуяна.

— Действовала, — сказал Сурик. — Теперь группа эта не существует. Солдаты комендатуры... — Он замолчал, словно не подыскал нужных слов, которыми можно было бы поведать о том, что произошло с начальником одного из райотделов внутренних дел Саваном Салуяном. Тяжело вздохнул, продолжил: — В общем, так. Саван со своими людьми поехали в село Хаджач, потребовали от жителей, — там азербайджанцы живут, — чтоб те до утра освободили дома и убрались с нашей земли. Те как-то связались с войсками, приехали бэтэеры, и солдаты застучали наших, когда те... как это... Ну, в общем...

— В общем, грабили квартиры айзеров. Дальше?

— А что дальше? Всех увезли в комендатуру.

— Салуяна, конечно, мы освободим, но он уже не сможет так вести игру, за ним наверняка будет слежка... Послушайте, Сурик, наши идеологи не дадут спокойно жить войскам МВД, будут травить и кусать их, наши финансисты обеспечат деньгами и все наше движение в целом, и любую операцию, в частности, но без боевых групп мы многого не добьемся.

— Мы, товарищ Ованесян, раньше думали, что стоит только свистнуть, только бросить клич, и соберем армию фидаинов, но к нам идут в основном или зеленые мальчишки, или...

Оба помолчали, словно заново осозная, что кроется под этим «или». Уголовники, бывшие или потенциальные — вот костяк боевых групп. Они взяли в руки оружие, конечно же, не по идейным соображениям, у них свои цели. Потому контролировать, а тем более управлять такими группами почти невозможно. Одна польза от них — они власти и солдат в напряжении держат, хотя и это немало, конечно. Эх, если бы такие боевики еще умели подчиняться, действовать в интересах нации...

— А ты помнишь Бороду, Сурик? — спросил Ованесян.

Сурику ли не знать Бороду! Тот хулиганишь, можно сказать, с детства начал. Даже в школу с ножом ходил, одноклассников пугал, деньги у них отбирал. Еще тогда его «наиком» прозвали, нацистом то есть. Не любил Борода тех, кто иной нации. Думали, это у него возрастное, поумнеет с годами, но не поумнел. Служил в армии — попал в дисбат как раз за то, что сколотил из земляков группу и бил тех, кто забывал при встрече приветствовать его по-армянски. Вернулся домой — схватился за нож только потому, что инородец вздумал провожать армянскую девушку...

Тогда были иные времена, и Борода надолго сел за решетку, а не стал национальным героем. Но сейчас вспомнили о нем. Вспомнили именно эти его качества, хотя были и другие: был Борода и карточным шу-

лером, и квартиры «брал», и машины угонял для перепродаж.

— Он бы нам, конечно, господин Ованесян, подошел, но ему еще долго в тайге сидеть.

— Так помогите этот срок сократить. Я почему именно о нем вспомнил-то? В той же колонии сидит Талисман, и нам его обязательно надо оттуда вытащить. Так уж заодно — и Бороду... Нужны расходы — пожалуйста, все оплатим.

— Талисман — это который над «Черным кольцом» работал?

— Ну да. Головастый и осторожнейший человек. Не уберегли. Попался на уголовщине, когда с оружием квартиру одну брал. Но теперь, уверен, он умней будет...

Глава первая

БОРОДА сидит на груди битых кирпичей. В вечернем полумраке его почти не видно, только изредка раздуваемая затажкой сигарета освещает лицо и руку. Уже в который раз он сидит здесь и наблюдает за работой контролеров КПП. Вот солдаты проверяют мотовоз и грузовой вагон. Одни курят и зевают, другие пашут, во все дырки заглядывают. Впрочем, не во все, кое о чем просто не знают.

Мысль о совершении побега у Бороды появилась давно. Она еще больше укрепилась после того, как получил он записку с воли от Ашота. Его он неплохо знал по вольной жизни: вместе иногда промышляли. Но все равно не совсем понятно, с чего это Ашот прибыл сюда и взялся освободить Бороду... Впрочем, это не главное. Главное — бежать. В записке был план, как это сделать. Под мотовозом приварена металлическая плита, под ней тайник, в котором уместятся два человека. Второй — некто Талисман, тоже армянин, сидящий в этой зоне. А пробраться туда надо так.

Мотовоз проходит КПП, где в него садится прапорщик-контролер. После осмотра поезд медленно катит по территории «колонии». Через железнодорожные пути один из осужденных почти перед мотовозом перевозит тележку, нагруженную металлическими болванками. Та застревает меж шпал, мотовоз останавливается в самом темном месте рядом со зданием. Бороде с Талисманом остается только выйти из-за угла, где они прятались, сделать один шаг к мотовозу, проскользнуть между колес и залезть в тайник.

Так все и вышло: толковый был сценарий. Пока подъезжали к складу, загружали вагон раскладушками, беглецы сидели сжавшись, тяжело дыша. Вокруг небольшой сцепки мотовоза с вагоном расхаживал прапорщик. Был слышен его пригласительный разговор с грузчиками. Время тянулось невероятно долго. Беглецы знали, что здесь осматривать мотовоз и вагон никто не станет, но тем не менее хотелось, чтобы все это побыстрее закончилось.

Наконец мотовоз въехал на площадку пропускного пункта и остановился. К нему так никто и не подошел. Заскрипели открываемые ворота. Проехали линию, за которой начинался долгожданный мир свободы. Как только вагон оказался за территорией колонии, мотовоз набрал скорость.

Остановился он на дальних путях, не доехав до станции. Преступники вылезли и не сбеша, не привлекая внимания к себе, пошли в сторону, противоположную вокзалу. Там, где и указывалось в записке, Борода нашел сверток с одеждой, надел брюки и рубашку черного цвета. Талисман от удивления рот раскрыл. Перед ним стоял не зек, а по крайней мере, самоуверенный продавец, которого можно увидеть на рынке в любом городе. Даже короткая стрижка выглядела модной прической.

Городок, на станции которого оказались беглецы, был небольшой. С одной стороны к железнодорожным путям подступали частные домики с крохотными земельными участками. Вышли на освещенную, покрытую асфальтом улицу. У маленькой церквушки стояла «девятка» темно-вишневого цвета, возле нее — Ашот...

Через мгновение машина выкатилась за город. Трасса была почти пустынной. Мчалась на максимальной скорости. Пока в зоне не обнаружили их исчезновения, не выставили посты — надо как можно быстрее исчезнуть...

— Ашот, как ты здесь оказался? Зачем нас вытаскивал оттуда? — спросил Борода.

— Время сейчас такое, друг, — уклончиво ответил тот. — Мы братья по крови, одной нации, и должны держаться друг за друга.

Слова эти — что мед для Бороды. Ничего ему больше не надо. К тому же, кружит голову долгожданная свобода.

— Старые твои знакомые просили тебе и приветы передать, и немного денег... Вот, держи.

— Я отблагодарю и тебя, и их. Отблагодарю, честное слово, отдам все, кому сколько должен. Есть у меня планчик...

— Благодарю Армению. А планы... Планими мы тебя обеспечим. Забрось свои кастеты и ножи, дела предстоит серьезные.

— Банк, инкассаторы? Музей? Я готов.

— К другому готовый. Но подробности — чуть позже. А сейчас, до того, как мы расстанемся, вы с Талисманом запомните один адрес. Доберетесь туда, передадите от меня привет, вот этот брелок, и получите инструкции...

Рынок просыпается рано. Покупателей почти нет. Суетятся продавцы, занимая торговые ряды, выставляя товар. Смуглая женщина деловито вытирает каждую помидорину и укладывает на чашечки весов. Мужчина рядом вынимает их из машины, заднее сиденье которой завалено сочными красными плодами. Невдалеке другая женщина любовно расчесывает мохеровые шапочки, шарфики, раскладывая их на прилавке, застланном газетой. Народ прибывает, торговые места все больше заполняются торговцами. Борода с независимым

видом прохаживается между рядов, всматривается в лица. Вот у входа развернул чемоданчик-дипломат на подставке продавец мишуры под золото. Высокий узкий лоб, аккуратные черные усики, перстень на пальце. Борода оценивающе смотрит на него, подходит, протягивает брелок.

— Вам привет от Ашота.

Продавец достает из кармана пакет, передает Бороде, потом надевает на брелок ключ:

— Это от машины, серый «Москвич». Он стоит на рыночной стоянке, баки полные. Приедете в Армению по адресу, который лежит в «бардачке». Там же — продукты на дорогу. Счастливо вам.

Глава вторая

В СТАРОМ трехэтажном здании с облупленной штукатуркой, разбитыми стеклами окон располагалась прикомандированная часть внутренних войск. Комнаты внутри были не лучше, чем само здание. По стенам сочится вода, в умывальнике торчат лишь обрывки труб, туалеты не работают, запах затхлой воды и гнилых тряпок просачивается сквозь забитую дверь и распространяется по всему коридору.

Командир части подполковник Свиридов вышел на балкон. Вытащил сигарету, долго вертел ее в руках, словно не решаясь закурить. Перед ним открывалась панорама города. Домики ютились на ровном пространстве, зажатом со всех сторон горами, в каком-то неопределенном порядке. С трудом угадывались улицы и знакомые здания. Слева они как бы сбегали с горы, справа — одно за другим взбирались по пологому склону и были похожи на ступеньки гигантского здания, размеры которого трудно было даже представить.

Внизу, почти у самых окон здания, благоухали розы. Они были высажены на двух узких, длинных клумбах среди просторной площадки. Только недавно закончились дожди, пригрело солнце, и каждый бутон светился, отражая капли воды. От этих цветущих роз, цветущего шиповника воздух был наполнен пьянящим ароматом. «Черт возьми, — подумал подполковник. — Сюда бы хоть раз в жизни в отпуск приехать семьей. Даже не знал, что есть на земле такие райские места. Цветы, фрукты, чистый воздух... Отдыхать, а не воевать».

Он спустился вниз. На выложенной камнем площадке лейтенант Звороно заканчивал построение караула.

— Обстановка сложная, — сказал командир части, обращаясь к составу караула. — Только несколько дней назад боевики прекратили обстрел водозаборника. Были случаи, и в гарнизон пули летели. Среди вас немало тех, кто недавно лишь сюда приехал. К ним в первую очередь и обращаются: не геройствуйте понапрасну, не высывайтесь без нужды. Дисциплина и организованность тут нужны еще и для того, чтоб целым остаться.

...Потом Андрей Звороно проходил по территории, ознакомился с особенностями объекта, который принял под охрану. Водозаборник представлял собой небольшое сооружение на шумной горной речушке. Накануне прошел сильный ливень. Вся грязь, смытая им с гор, стекалась в эту речушку, и сейчас ее грязные волны, перепрыгивая через камни, катили вниз через азербайджанскую деревеньку. Не признавая никаких человеком изобретенных условностей и границ, целыми днями важно прохаживаются на территории водозаборника индюки, гогочут гуси, проходят овцы, куры. Звороно вспомнил свою деревню. Там почти все так же...

Подождал сержант, помощник начальника караула.

— Товарищ лейтенант, с гор спускаются два вооруженных милиционера и направляются к нам.

— Как? Откуда они здесь? — это было настолько неожиданно, что Звороно сначала даже растерялся. — Милиция? Что они делают в горах? Почему с гор, если рядом дорога?

— Не знаю, — ответил сержант.

Лейтенант метнулся в вагончик, схватил автомат, выскочил на улицу и лицом к лицу столкнулся с милиционерами, которые вышли из-за угла здания. Это были подполковник и рядовой с автоматом наперевес. Прямо к воротам подъехал милицкий уазик, из окон которого выглядывали вооруженные милиционеры. Звороно оглянулся на караульное помещение. На крыше с автоматом наготове стоял рядовой Валько.

— Мы хотим помыть здесь машину, — сказал подполковник. — Надеюсь, разрешите?

— А что вы делаете в горах? — спросил Звороно.

— Лекарственные травы собираем, это вас устраивает?

— Почему вы обошли здание вокруг, а не зашли через ворота? Объект ведь охраняется, да и колючая проволока там.

Подполковник ничего не ответил. Он понял это как недоверие к нему. Молча полез в карман, достал удостоверение, развернул и почти ткнул в лицо лейтенанту.

— Еще вопросы будут? — спросил он.

— Ваше удостоверение ни о чем не говорит. Объект охраняется, и нахождение на нем посторонних запрещено. Вы об этом должны бы знать.

— Так нам можно проехать или нет? — настойчиво повторил подполковник.

— Нет. Дальше речка протекает через дорогу, там и помойте машину.

Подполковник и рядовой еще немного помедлили, потом зашагали к воротам. Машина дала задний ход, выехала на дорогу и скрылась, нырнув вниз с горы.

— Я сейчас, — помощник начальника караула, держа в руке автомат, скрылся за зданием. Пригибаясь за камнями, он вышел на пост, откуда хорошо просматривался

участок дороги, пересекаемый речкой. Прямо в воде стояла машина. Милиционеры разделись и плескались в воде.

— Вот они, купаются, — сказал сержант подошедшему командиру взвода.

Тот молча посмотрел. Только сейчас он почувствовал, что у него подворотничок мокрый от пота и пропитанная соленой влагой куртка камуфляжа прилипла к спине. Сверху — раскаленное солнце, внизу — раскаленные камни. В воде только и спасение. Но караулу сейчас не до этого.

Милиционеры оделись, сели в машину. Лейтенант уже хотел было опустить бинокль, как вдруг увидел, что узник, проехав метров триста в горы, вновь остановился, из него вышли два человека и исчезли среди каменных валунов. А машина продолжала свой путь.

Ночь тянулась долго. Ярко светила луна, и, поскольку освещения на объекте не было, Звороно надеялся, что хоть та немного высветит водозаборник, однако лучи выхватывали из темноты только караульное помещение, а объект полностью находился в тени. Шум падающей воды не давал возможности вслушиваться в ночь. Но одиночные выстрелы все услышали сразу же. Звороно поднял караул в ружье. Солдаты заняли круговую оборону. Вскоре стало ясно, что кто-то обстреливал азербайджанский поселок. Его немногочисленные жители быстро собрались и пришли на водозаборник под охрану караула. Лейтенант доложил обстановку в гарнизон и всю ночь провел в окопе вместе с солдатами.

Под утро обстрел прекратился. Все обошлось благополучно. Жители деревни, растормошив сонных детей, возвращались в свои дома, с опаской поглядывая на горы.

Рассвет наступил неожиданно резко. Кажется, в несколько мгновений луна сразу поблекла, растаяли тени от освещаемых ею предметов. Окружающее пространство наполнилось матовой белизной. По всему чувствовалось, что солнце уже взшло, но пряталось за горами. Видел его только орел, высоко в чистом небе рисующий круги.

Глава третья

ЭТО БЫЛ уютный чистенький городок. Борода после утомительной дороги проснулся около обеда в белоснежной постели, долго нежился, плескался в ванной. Потом вместе с Талисманом они без определенной цели колесили по улицам городка. Выезжали на окраину и возвращались обратно. Двигатель стал чихать на маленькой тенистой улочке. Борода вырулил на обочину, вышел, открыл капот. Опершись о крыло, стал осматривать мотор. И тут услышал сзади себя шаги. Скосил глаза и обмер, увидев хромотые сапоги. «Все! Милиция! Повзали!» Подошедший спросил:

— Мужик, тебе бензин не нужен?

Борода медленно выпрямился, повернулся, тыльной стороной ладони вытер вспо-

тевший лоб. Перед ним, прищурив один глаз, стоял вихрастый белокурый паренек в солдатской форме.

У Бороды отлегло от сердца. Чувство опасности, растерянность сменила злость.

— Бензин, значат, воруюшь? — спросил Талисман, выходя из машины.

— Нет, собственного производства, кооперативный, — язвительно ответил солдат. — Так ты берешь или как?

— Сколько же ты собираешься налить из своего узика? — спросил Талисман, глазами показывая на машину, стоящую на противоположной стороне, метрах в пятидесяти.

— Не беспокойся, получишь сколько нужно.

— Ты водитель? — Борода начал успокаиваться. — Что-то машина барахлит, не посмотришь?

Тот лихо запрыгнул в кабину, повернул ключ зажигания. Двигатель несколько раз чихнул, но так и не завелся.

Солдат вылез, бесцеремонно подвинул Бороду:

— Дай-ка на карбюратор взглянуть... Ну, друг, ты даешь! У тебя же ни капли горячего! Бери бензин — поедешь, куда надо!

Он подогнал свой узик к «Москвичу», достал из багажника наполненную бензином канистру.

— Всего-то канистра? — покрутил головой Борода. — Я думал, раз ты товар предлагаешь, то его у тебя цистерны.

— Нужна цистерна — доставем, — сказал солдат. — За этим дело не станет, были бы у покупателя деньги.

Борода достал четвертной:

— Это тебе за канистру. А доставешь горячего еще — и лучше заплачу. Идет? Пока же приглашаю на пикник. Посидим на травке, у нас бутылка коньяка есть.

Солдат посмотрел на часы.

— Хорошо. В километрах двух отсюда есть неплохое местечко.

Машины одна за другой свернули на проселочную дорогу.

— ...Ты давно служишь? — открывая бутылку коньяка, спросил солдата Борода.

— Да, скоро домой. Полгода осталось... Только мне чуть-чуть наливай, все же я за баранкой. Ну, за знакомство? Меня, кстати, Васей зовут.

— Юра, — представился Борода. — А служба у тебя, гляжу, неплохая. Главное — выгодно. От машины всегда польза есть. Наверное, за все время даже оружия в руки не брал?

— Почти, — пережевывая колбасу, сказал Вася. — Раньше, когда молодой был, часто ездил стрелять на стрельбище. А сейчас за мной автомат только числится.

Борода хотел ему налить еще коньяка, но тот прикрыл стакан рукой:

— Все, меру знаю.

— Когда бензин привезешь?

— Точно сказать не могу, денька через два, думаю, получится.

— Давай послезавтра вечерком здесь встретимся, тогда все и обговорим.

— Добро, жди меня здесь.

Когда солдат уехал, Борода через некоторое время вырулил на дорогу, догнал узик и на расстоянии видимости ехал за ним до самой части. Там, немного постояв, развернулся и на небольшой скорости поехал обратно.

В обещанный день Борода приехал раньше условленного времени и сейчас сидел в машине с открытой дверкой. Лес был не таким уютным, как прошлый раз, но посвежевшим после дождя, от него веяло прохладой.

Ждал недолго. Узик прибыл вовремя, Вася вытащил две канистры бензина и поставил у «Москвича».

— Беру вместе с посудой, не возражаешь?

Борода положил канистры в багажник, опять залез в машину. Вася сел на сиденье рядом, взял протянутую ему сторублевку:

— Ну, ничего себе! Такую сделку надо отметить. На хате с девочками. У меня тут появились подружки, жаль, крыши нет. Такие деньги...

— Могу предложить тебе и последней

заработок. Достань военную форму, камуфляж.

— Камуфляж? Да он, брат, на рынке триста рэ стоит.

— Получишь ты свои триста рэ. Только форму тащи.

— Ладно, подумаю. А как с хатой, а? Посидели бы, повеселились.

Бабником Борода не был, но после зоны ему вдруг захотелось расслабиться. Да и вопрос с приобретением формы вырисовывался. Надо было солдатика к рукам прибирать. Это хорошо, что он жадный, такой на все ради купюр пойдет...

Женщины оказались не красавицами и слишком податливыми, не любил таких Борода. Сказал он об этом и Васе. А тот:

— Мне ведь уговаривать некогда, мне к отбою в автопарке надо быть. И потом, красавицы много стоят, Юра.

— О деньгах не печалься. Вот за камуфляж, который ты мне сегодня привез, три сотни. Интересно, уволиться, домой вернешься — сколько получать будешь?

— А, копейки. Потому даже возвращаться не хочется. У нас, честно тебе скажу, ничего не украдешь и не перепродашь. Три улицы в деревне, так что гулять не с кем и негде.

— Оставайся здесь, на Кавказе. Я тут с делами скоро управлюсь, махну к себе на родину, в Карабах, так что приглашаю. Работать устрою, с жильем помогу.

— Нет, я такие дорогие подарки не принимаю, а предпочитаю за все платить. И потом, в Карабахе твоим сейчас стреляют...

— Чудак ты, Вася. Для нас с тобой, чем больше бардак, тем легче жить будет. Кому мы нужны, чтоб в нас стреляли, а? Даже к лучшему это. Я, к примеру, думаю где-то достать автомат, а там продать. Знаешь, сколько за «калашников» дадут? Десять тысяч, это минимум. А если еще и патроны...

На этом разговор и прекратился. Не желая Борода вспугнуть солдата. Уж больно подозрительно тот глаза сощурил.

Вечером был серьезный разговор с хозяином. Тот предъявил счет:

— Знаете, любезные, сколько денег вы уже потратили? Смотрите, у меня все до копейки записано. А где отдача? Что успели сделать?

Борода рассказал о военном водителе и своих планах. Услышал в ответ:

— Задумано хорошо. Но не получится — пеняйте на себя.

Через пару дней Вася и Борода встретились вновь.

— А я уезжаю, — сказал он солдату. — Надоело здесь, скучно. А там — девки, вино, апельсины!..

Его собеседник нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Мне осени надо ждать, дембеля. А так бы...

— Зачем ждать? Сейчас вон сколько уходят сами из армии. И всех защищают, оправдывают, не дают судить.

— Ну ты ошаршил меня своим предло-

107

жением, — после небольшой паузы сказал Василий.

— Уйти тебе нужно будет с оружием, — Борода внимательно посмотрел на своего собеседника, на его реакцию. — Мы с тобой откроем свое дело, будет все нормально. Я тебе обещаю. Сейчас там обстановка сложная, нужно уметь защищать себя. Оружие просто необходимо. А хочешь, я у тебя его просто куплю, по приезде получишь большую сумму денег... Искать же тебя у нас даже никто не станет, там сейчас другие проблемы. А что здесь? Так и будешь по мелочам бензин воровать, пока не погоришь ни за что ни про что?..

И составили они такой план: Вася, находясь в суточном наряде, часа в четыре утра должен взять ключи у дежурного, вытащить автомат, ящик патронов и, перемахнув через забор, выйти на дорогу, где они будут ждать его в машине. Если в условленное время не появится, уедут без него.

...Борода был сосредоточен, глаза его остекленели. Глядя на него, Талисман вспоминал территорию колонии, мотовоз и скрип зубов своего напарника. Нынешнее его состояние такое же.

Ночь шла на убыль, когда появился солдат, впрыгнул в кабину их «Москвича». Талисман взял у него динк с патронами. Борода подхватил автомат. Все это они тут же спрятали в багажник, на самое дно, забросав разным хламом.

— Вот одно дело и сделано. Хорошо сработал, дорогой, — похвалил Васю Борода. — Выпить не хочешь?

— Немного позже, отдышусь чуть-чуть...

— Выпей, полегчает, — настаивал Борода.

— Тебе сейчас нужно расслабиться.

Талисман достал бутылку коньяка, открыл ее и ткнул Васю.

— Пей, глоток коньяка — он как лекарство.

Вася схватил бутылку, поднес горлышко к губам, большими глотками, как воду, начал пить.

— Давай, давай, — подбадривал его Талисман.

Опьянел он быстро. Начал якать, что-то невпопад говорить. Борода остановил машину на мосту через небольшую горную речку:

— Тебе, парень, плохо, выйдя подыши свежим воздухом.

Он подвел Васю к перилам, вытащил из кармана красиво отделанный нож-выкидуху. Звонко шелкнула пружина... Тело водителя полетело вниз и исчезло в пенящихся волнах.

Глава четвертая

БЫТ В СПЕЦКОМАНДИРОВКЕ в части подполковника Свиридова потихоньку налаживался. В местном кинотеатре два раза в неделю смотрели фильмы, в исполкоме обещали помочь с телевизорами. Правда, обещали уже вторую неделю, но...

В который раз старший лейтенант Царев обходит местных начальников. Директор Дома культуры, как всегда, сыплет шутками, улыбается, но не говорит ничего конкретного. Впрочем, дает совет: зайти к товарищу Шукюрову, исполкомовскому работнику. Шукюров изображает на лице ужасную озабоченность:

— Дел невпроворот, а я ведь здесь человек новый. Вы у заведующего отделом культуры не были? Джафаров эти вопросы решает.

Был Царев и у Джафарова, но опять топает к нему, просит выделить пять телевизоров.

— Такие события, а вы о телевизорах, — недовольно хмурится представитель культуры.

— Именно поэтому они нам и нужны. Солдатам надо отдыхать по-человечески и программу «Время» хотя бы посмотреть.

— Нет телевизоров. Не из сельских же клубов их забирать. Там не поймут.

— Именно там и поймут, — горячится Царев. — Ведь не поспевай мы вовремя, что бы было и с клубами, и с самими селами?..

— И тогда бы телевизоров не было, и сейчас, выходит, не станет. Пойдет слух: солдаты отбирают. Вам это надо?

— Где слух пойдет, в селах? — выходит из себя старший лейтенант. — Да там народ нам и лепешки несет, и молоко... Там знают, зачем мы сюда приехали, и ценят, между прочим. А слухи рождаются в кабинетах...

— Все-все-все, — скороговоркой перебивает его Джафаров. — Уговорил. Пять не дам, но два — так и быть!

— За остальными завтра приду, еще раз убеждать примусь и клянчить. Вам, видно, нравится, когда военные унижаются и клячат...

Вечером в самой большой комнате установили телевизор. Солдаты плотным полукольцом расселись у экрана. Но едва тот загорелся, раздался голос дневального — и закрутилась знакомая карусель.

Лейтенант Царев еще не знал, по какому поводу их подняли, но заученно, как и всегда, отдавал распоряжения:

— Оружие штатное...

— Два ночных бинокля...

— Карманные фонарики на каждого...

А сам менял изоленку, скрепляющую два автоматных магазина по афганскому варианту.

Для него это была, скорее, мода, чем необходимость. Игорь и сам не верил, что такая сепка пригодится ему, что может быть такой затяжной бей, когда просто не хватит времени лезть в подсумок за магазином. И вообще в возможность бся он не верил, поскольку не приходилось ему слышать свист пуль над своей головой, а тем более целиться в людей. До этого времени лишь мишени были его потенциальным врагом.

Когда солдаты, вооружившись, вышли на

улицу, три машины уже вытянулись в колону, готовые взять на борт. Последними сели в командно-штабную машину подполковник Свиридов, незнакомый майор крупного телосложения, стриженный наголо.

Ночь была тихая, безлунная. Именно в эту ночь, как сообщил командир части, из близлежащего поселка на дорогу выехали три автомашины и направились в сторону, где располагался караул, возглавляемый лейтенантом Звороно. Было подозрение, что на этих машинах сидели боевики, и не исключено, что они могли напасть на солдат, чтоб завладеть оружием...

Для воинов самого караула это были тревожные минуты. До начала комендантского часа оставалось около полутора часов, когда рядовой Валько не увидел, а скорее услышал гул двигателей со стороны гор. Дорога там извивалась так, что лишь робкие светлячки подфарников изредка по-сверкивали из темноты.

Сергей Валько доложил о своих наблюдениях сержанту Вадиму Климову, тот сразу же связался с лейтенантом Звороно, и вот офицер уже за каменным валуном, укрывавшим караул.

Вполне определенно он мог сказать одно: с гор спустились три машины и стали в ста пятидесяти метрах от караула. Спустились с выключенными фарами — значит, дорогу знали очень хорошо, это во-первых; не хотели себя обнаружить — это во-вторых. Второе и не дает покоя: почему, с какой целью явились сюда неизвестные?

Слабое мерцание справа и слева от места, где стояли моторы. Так светят карманные фонарики. Неужели это боевики? Солдаты готовы отразить атаку: все в «брониках», заняли круговую оборону. Но фонарики пока не приближаются.

Вновь взревели моторы, так же в темноте машины уходят. Но люди, кажется, остались.

Есть еще одно объяснение происходящему. Караул здесь выставили недавно, о нем приехавшие могли и не знать. Следовательно, цель у них другая. К примеру, нападение на село, притютившееся внизу, у речки, в километре от дороги. Обстреляют дома, подожгут скирды, схватят кого-то в заложники... Скорее всего, такая цель у любителей ночных прогулок. Но даже если и другая, то надо сейчас себя обнаружить, показать, что тут караул, и в случае чего...

Так решает лейтенант Звороно и поднимается на бронетранспортер, замерший у дороги:

— Механик, включи прожектор.

Прикрываясь крышкой люка, он видит, как пляшущий луч выхватывает из темноты людей, бегущих за выступы скал, за деревья, вниз, где тропы теряются в каменных джунглях: там выступы, пещеры... Миг — и никого из приехавших не осталось на дороге.

Сколько было их, десять, пятнадцать, двадцать? По крайней мере с десятка Звороно увидел. В армейской одежде и в гражданских рубахах с оружием. Но ни единого выстрела не прозвучало. Нет, па-

падать на караул в их планы не входило. Атаковать деревню? Во всяком случае, теперь, под боком солдат, они на это не отважатся.

О том, что их путь по ущелью лежит в Степанкерт, минуя пропускные пункты, лейтенант даже и не догадывался.

Опять послышался шум моторов.

— Уазик, — безошибочно определил механик бэтэра. — Командирский, я его по голосу узнаю.

Машина командира, чуть опередив грузовики, подъехала к КПШ. Свиридов поздоровался с лейтенантом, попросил доложить обстановку. Внимательно слушал, оглядывая в ночной бинокль дорогу, горы.

Подъехали грузовые машины, из передней вышел лейтенант Царев, направился к группе офицеров.

— Да, — говорил в это время Свиридов, — думаю, вы правы, Звороно: нападения на караул не предусматривалось.

— Напрасно вот только спугнули их, — вставил незнакомый офицер, сопровождающий командира. — Надо было проследить, что они собираются делать.

— Дождаться, пока загремят выстрелы в селе и польется кровь? — сухо спросил того командир. — А потом вступить в ночной бой? А на завтра в селе своих хоронить станут, мы — своих в «черном тюльпане» повезем... Нет, благодарю покорно.

— Война есть война, — возразил незнакомец. — В белых перчатках тут ничего не сделаешь.

— Вы ее объявляли, эту войну? — подполковник говорил уже рассерженно, едва сдерживая себя. — Тогда скажите, с какой нацией мы здесь и против какой нации? Интересы чьей республики защищаем? Или воюем сразу со всеми? И насчет белых перчаток у меня другое мнение. Нас здесь кто хочет с дерьмом смешает... Впрочем, это особый разговор. Царев!

— Я, товарищ подполковник.

— Возьми, Игорь, сержанта, трех бойцов, посмотри, что за тропинки вниз ведут оттуда, где боевики исчезли. Только, бога ради, осторожней, не сорвитесь.

Подчиненные лейтенанта Царева в командировке не новички. Сильные, выносливые ребята. По специальности они химики-разведчики. Здесь, в спецкомандировке, они постоянно в составе маневренной группы. Ведение разведки тоже поручается им. Так что при каждом выезде на операцию, по тревоге они — в первых рядах.

В горах им пока сложно, притом ночью. Не привыкнув ребята к тому, что камни здесь не брусчатка столичных улиц — могут уйти из-под ног в самую ненужную минуту.

Вот и опять «поехала» нога рядового Усача, хорошо, подхватила его вовремя. Хотя все равно чуть опоздали: ушиб бедро, поцарапал бок. Ясно, что Свиридов не очень доволен — ведь предупреждал же, встречая возвращающуюся группу:

— Что с ним?

— Ничего серьезного, до свадьбы заживет, товарищ подполковник.

— Поверю. Теперь — по сути.

— Тропинки там никакой нет, — начал докладывать Царев, — но, похоже, спуститься в поселок можно.

— В горах можно выйти куда угодно, если местность хорошо знаешь, — перебил его командир.

— Никаких подозрительных звуков, в бинокль тоже ничего не заметил, — и не совсем по-уставному добавил: — Да ушли они, товарищ подполковник, нет там никого.

— Ушли-то ушли, — сказал командир. — Вопрос в том, зачем приходили. Будем считать, что ситуацию прояснить до конца не удалось.

Командир части еще около часа находился в карауле, побывал на позициях, занятых часовыми. Перед отъездом сказал Звороно:

— Обстановка здесь не сложнее, чем на других КПП. Вероятность обстрела или нападения одинакова. Так что главное — бдительность и решительность. Желаю удачи.

Ночь прошла спокойно.

После смены караула вечером следующего дня лейтенант Андрей Звороно с солдатами своего взвода был задействован на патрулирование улиц городка.

...Они медленно продвигались по маршруту. Из темного переулка — на центральную улицу, проходили три квартала и возвращались обратно. Горел свет в витринах магазинов, в окнах зданий. Иногда видели патруль на соседнем маршруте, останавливались, издали всматривались друг в друга, убеждались, что свои, и продолжали движение дальше... Изредка заходили во дворы зданий, вслушиваясь в их пустынную тишину. Командир взвода наряд разделил на две группы. Впереди шел он с двумя солдатами, метрах в тридцати сзади — сержант Климов с рядовым Погодиным.

Погода портилась. После знойного дня небо заволочили серые тучи. Дождь вроде и не шел, но мелкие капельки витали в воздухе, отчего одежда становилась влажной.

— А у нас в Рязани сейчас... — сказал рядовой Валько и тут же умолк, словно устыдившись, что вырвались вслух мысли, одолевавшие его.

— Что у вас в Рязани, Сергей? — спросил Андрей Звороно.

— Да я не в самом городе живу, товарищ лейтенант, в деревне. Сейчас у нас клевер цветет. Воздух, знаете, какой!

— Так и тут вроде ничего, а?

— Тут... — Валько недовольно хмыкнул.

— Тут и в ясный день радости нет. Надоело все, товарищ лейтенант.

— Ты это брось, Сергей. Надоело... — Звороно нарочно сказал это сурово и чересчур строго. — Так и скажите, товарищ солдат, что тягот военной службы испугались: и еда неважнецкая, и увольнений нет, и нагрузки будь здоров, и невеста далеко...

Но Сергей не поддержал тон командира: — Тяготы ни при чем. Страшнее другое. Про Афган вон песни поют, а нас на своей же земле оккупантами называют. Или не наша это земля, а, товарищ лейтенант?

— А ты как считаешь, Валерий? — вместо ответа задал вопрос рядовому Петрову офицер. — Идешь, молчишь, словно и сказать тебе нечего.

— Мы эту тему не учили, — хмуро буркнул солдат. — Привезли нас сюда — значит, так надо, вот и все. Меня лично никто и никак здесь не обзывал. А если и обзовут — так чего ж: дураков везде хватает.

— Да, сложно тут пока что-нибудь понять, — скорее, себе, чем собеседникам, сказал лейтенант. — Ладно, в учебниках истории когда-то все напишут.

— Хей, военные! — Красивая, молодая женщина перебежала дорогу, остановилась перед Звороно. — Я извиняюсь, конечно, может, это не по вашей части, но вон арка двора, видите? Так туда мальчишки сейчас забежали и понесли что-то в мешковине. Мне показалось, винтовку. Конечно, я могла ошибиться...

— Мальчишки? Сколько, какого возраста?

— Двое, лет по двенадцать. Я могла и ошибиться, но страшно, знаете ли: начнут там разбирать, покалечат друг друга.

— Посмотрим.

Женщина тотчас исчезла, лейтенант и позже не смог даже сказать, в какую сторону она ушла. А патруль вошел в темный двор выискивать тех, кто что-то там нес в мешковине. То ли ружье, то ли палку, то ли биты для городков — что мальчишки таскать могут!

Двор казался глухим и пустынным, присматриваясь он неплохо, лишь один угол, тот, где стояли жбаны для сборки мусора, утопал во мраке. Туда и зашел Звороно с бойцами.

Стволы автоматов чуть ли не ткнулись им в грудь.

— Оружие, быстро бросить оружие! — тот, кто отдавал эту команду, говорил с едва уловимым акцентом. — Будете дергаться — всех изрешетим!

В считанные секунды Звороно понял: его просто заманили в ловушку. Не слишком-то и хитрую, но он попался, попался, как пацан.

Лиц противников не разглядеть — сумерки, да и нет времени вглядываться. Лишь человек, приказывавший бросить автоматы, запомнился. Короткая «зековская» прическа, такая же короткая борода. Стоял он как раз напротив лейтенанта, судя по всему, был старшим в своей пятерке. Повыше Андрея, пошире в плечах, но на борцовском ковре Звороно и не таких швырял. Да вот автомат смотрит в лоб, и солдаты стоят под прицелом... Однако, кто гарантирует, что их, солдат, пошадят, даже отобрав оружие? Бабахнет небольшой залп в пять стволов — и нет свидетелей.

Надо принимать бой.

Лейтенант выбросил в сторону правую руку — на занятия этот жест бойцы пони-

мали прекрасно, — сам нырнул вниз и одновременно в сторону, прыгнул, покатился по земле за жбаны, услышал, как рядом с визгом пули вспарывают землю, и вслепую выстрелил тоже. Он даже не смотрел, куда стрелял, искал глазами своих ребят: как они?

Исчезло чувство времени. Андрей видел все, как на замедленной киноленте. Падают за ствол дерева Валера Петров, пытается передернуть затвор автомата, и будто не видит, что это уже нельзя сделать: пуля разворотила ствольную коробку. Рядом с ним уже лежит сержант Климов, хватается побелевшим ртом воздух. Сергей Валько стоит на коленях, и тело его вздрагивает, принимая смертельный свинец... Да как же это, как же?..

Сзади ударил автомат. Погодин. Олег Погодин, Олежа. Петров отбрасывает в сторону свой исковерканный АКМ и хватается — наконец-таки догадался — оружие сержанта Климова. Посылает длинную очередь из-за дерева...

Все это происходило в считанные секунды. А Звороно казалось, что он смотрит долгое ужасное кино. Нет, не было фильмом то, что произошло. Оборвалась стрельба, и остались лежать на земле рядовой Валько и сержант Климов.

Матерился рядом Петров, выставлял мат протяжно, как песню. Погодин там, в темином углу, где раньше стояли бандиты, кричал кому-то: «Мрази, мало вам, мрази!» А Звороно сидел возле Валько, глядел на белое лицо солдата, и никак не мог врубиться, что нет больше Сережки из Рязани. Не понимал он, что останется все: и наряды, и патрулирования, и пули над головой, и разносы от начальства, но жизнь уже все равно будет другой, и мироощущение другим. И другим будет он сам, лейтенант Звороно, на чьих руках умер голубоглазый Валько.

Лейтенанту вдруг захотелось закурить, хотя до этого он просто не переносил табачный дым.

Глава пятая

ПРОЕЗЖАЯ по автомагистралям, Борода заметил, что все посты ГАИ брошены, окна повывбиты, полусорванные двери со скрипом качает ветер. Машины на дорогах почти все без номерных знаков, едут, не придерживаясь никаких правил. «Бардак! — подумал радостно. — Твори, что хочешь».

Талисман крутил ручку приемника. Шум, треск, обрывки музыки. Вдруг четко и громко, правда, на считанные секунды, выплыл звук: «...Участились случаи совершения дерзких уголовных преступлений с применением огнестрельного оружия. Вчера вечером был обстрелян войсковой наряд, погиб один военнослужащий, еще один тяжело ранен»...

— Это о вас, — сказал Талисман. — Припили вы, оказывается, одного. Жаль только, оружие так и не забрали. Из-за этого

же все и затевалось в принципе. Дали вы тут маху.

— «Вы, вы», — скривился Борода. — Ты, замечая, много выкаешь. Вот побывал бы в нашей шкуре, под пулями солдат, попытался бы сам добыть эти автоматы... Кстати, Талисман, на кой хрен тебя из колонии вытаскивали, если ты ни на одну операцию еще не пошел? Все причины находишь, как увильнуть.

— Да я вообще с оружием не могу обращаться, — пожал плечами тот, так и не ответив на вопрос. И тут же сменил тему разговора: — Тихо мы что-то едем, как бы не опоздать. Нас ведь к десяти вызывали, осталось пять минут...

Успели. Зашли в неприметное здание, поднялись на второй этаж и очутились в коридоре обыкновенной квартиры. Дверь в небольшую комнату была приоткрыта, но Борода не торопился туда войти, так как там, похоже, спорило между собой начальство. Голос одного был узнаваем — это Сурик. Второй, судя по всему, принадлежал более властному хозяину, не терпящему возражений.

— Люди, запомни на будущее, не умрут от голода, — говорил последний. — У каждого запасы и в холодильниках, и в подвалах есть. Так что блокируйте дороги, жгите машины. От Баку ни муки, ни мяса не пропускать.

— Но наши официальные власти опасаются...

— Ты мне о них лучше не напоминай. Безвольные люди. Политику будем делать мы, а они пусть себя тщеславием тешат и в креслах сидят. Мы к официальной власти не рвемся, нам так удобнее. Согласен?

— Да. И потом, может, не все сжигать? Пару машин с продовольствием себе возьмем, а?

— Все-то тебе мало, Сурик. Ты же какими суммами ворочаешь — в национальном банке и то меньше. Так что я бы на твоём месте не плакался.

— Но деньги не мои личные. Вы ведь знаете, сколько съедает «Черное кольцо»...

— Об этом — потише. Не все личные, да. Но себе кругленькое состояние ты наверняка сколотил. И не оправдывайся, а то найдут ревизоров, которые все до копейки посчитать смогут.

— Хорошо, машины мы не пропустим, — быстро забормотал Сурик.

— И поезда тоже. Народ должен быть заведенным, злым — только тогда мы выполним то, что наметили... Однако, вошел кто-то. В соседний кабинет их веди, не сюда.

Сурик поздоровался с пришедшими за руку, усадил их на стулья в маленькой комнатке:

— Как прошла вчерашняя операция, Борода? Мы без потерь?

— Трое с пулевыми ранениями, но через месяц все станут на ноги.

— Жаль, конечно, что оружие не добыли... Но все равно ты молодец. Я о тебе с начальством говорил. Вполне вероятно, займешь высокий военный пост.

109

— В республиканском правительстве?

— У нас будет свое правительство, — уклончиво ответил Сурик. — Неофициальное, так сказать. Но об этом — потом. А сейчас речь пойдет о большом деле. Готовься с группой проникнуть вот сюда...

На столе появилась карта Карабаха. Самая обычная, какие в киосках пачками лежат. Привлекало внимание лишь то, что на ней обозначено было черное, с большой бублик, кольцо, разбитое на секторы. На один из секторов и показывал сейчас карандашом Сурик.

— Тут стрелять не надо будет. Взорвешь подстанцию — и все.

— На ней армяне работают? — спросил Борода. — Как с ними быть? Увести с собой в горы?

Сурик помолчал, потом ответил тихо, глядя в окно, словно самому себе:

— Ради достижения высокой цели могут быть и жертвы. Если погибнут армяне, значит, все поймут, что теракт провели азербайджанцы. Народ возлутует... И группе легче остаться вне подозрения. За успешное выполнение операции, кстати, полагается большое вознаграждение, очень большое. — Тут он перевел взгляд на Бороду. — И за риск, которому вы вчера подвергались, — тоже. Правда, предварительно надо пополнить наш фонд, то бишь изъять средства у тех, кто их имеет. Прямо сейчас и пойдем на дело. А ты, Талисман, пройди в соседнюю комнату. Там тебя ждут.

Талисман, худой, сутулый, какой-то жалкий, покинул кабинет, и ни Борода, ни Сурик не увидели, как преобразился он, шагнул туда, где недавно еще шумел голос, распевавший Сурика. Выпрямилась спина, стал уверенней взгляд, даже морщины на лице, кажется, разгладились. Зашел в указанную комнату, плотно закрыл за собой дверь. Навстречу ему шагнул человек в форме подполковника милиции:

— Здравствуй, Аркадий.

— Здравствуй, Ашот.

Обнялись, сели рядышком за стол.

— Как и обещали, мы вызволили тебя из колонии. Теперь ты — координатор по действиям боевых групп.

— Но пусть об этом никто не знает.

— Ну, если даже твой Борода не догадывается, кому он обязан молиться... Кстати, как он?

— Храбр, хотя несколько туповат и излишне жесток. Честолюбив. Ему пообещай должность — горы свернет.

— Мы и обещаем...

Этот разговор Борода и Сурик не слышали. Они вместе с еще двумя боевиками, вооружившись автоматами, надев камуфлированное обмундирование, выехали на загородное шоссе, стали там у обочины.

Вот из-за поворота показался автобус. Сурик поднял руку с автоматом, тот начал замедлять движение, на тихом ходу подкатил и остановился. Перепуганные пассажиры прильнули к окнам. Два боевика остались стоять впереди автобуса, Борода и Сурик зашли внутрь.

— Вам не нужно, наверное, объяснять, какое положение сложилось у нас в республике, — начал Сурик, громко поздоровавшись. — Много беженцев, нет продовольствия. Для того, чтобы защитить нашу независимость, мы должны создать и вооружить свою армию. Это дело каждого, поэтому, граждане республики, у кого есть какие ценности, наличные деньги — предлагаю добровольно положить вот сюда.

Он открыл портфель, начал обходить салон.

— А вы кто будете? — прозвучал чей-то голос.

— Представители национального комитета, — скороговоркой ответил Сурик. И тут же добавил: — Хватит вопросов. Мы за вас страдаем, готовы кровь пролить...

— А не пошел бы ты, страдалец... — крепкий парень поднялся с места, сделал шаг навстречу Сурику, и тот по-бабьи, испуганно взвизгнул:

— Борода, врежь ему!

Борода не заставил себя упрашивать, ударил парня кулаком в лицо так, что у того сразу брызнула кровь из разбитых губ, и потащил его за рукав из автобуса, толкнул со ступенек на землю, к двум боевикам:

— Он не армянин, наверное. Разберитесь с ним.

— Я все отдам! — крикнул парень.

Его тотчас впустили в автобус, он отдал свой кошелек, даже не раскрывая его. Борода сказал: — Все так все, — и снял с его пальца массивный золотой перстень. — Это пойдет на благо всего нашего народа.

Бросил перстень в портфель и зло процедил сквозь зубы:

— Не рекомендую с нами ругаться, а также утаивать драгоценности. Для вас они роскошь, а для республики — необходимость...

Таким же методом они произвели поборы еще в двух автобусах, потом вернулись в город. В машине Сурик протянул Бороде деньги, столько, сколько захватил пятерней из портфеля:

— Держи, плата за вчерашнюю операцию. И еще: распишись вот на этом листке.

— Он же чистый, — удивился Борода.

— Я его потом заполню. Распишись, распишись. За это еще малость добавлю, вот кошелек, бери не считая.

— Это же — в фонд... — начал было Борода, но услышал в ответ:

— Ладно тебе ломаться! Мы и есть фонд: хочешь — даже документы на это покажу. У меня и расписки, и приход-расход — все в ажуре, копейка в копейку. На бумагах.

И рассмеялся. Потом продолжил уже командирским тоном: — Завтра к ночи собери группу. Я дам толкового проводника, уйдете с ним в горы. Взрывчатку найдете вот по этому адресу...

(Окончание следует)

НЕ ВЫХОДИ ИЗ БОЯ, КОМАНДИР...

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУХ

У КАЖДОЙ эпохи свои герои, приспособленцы и «лишние люди». Наша, согласитесь, не исключение, хотя порой очень трудно разобраться, по меткому выражению одного политика, «кто есть ху». Раньше об этом можно было судить с позиций «передового идеала конкретной общественно-экономической формации», а теперь? Анализ с точки зрения здравого смысла дает очень неожиданный результат: сегодня, пожалуй, только герой способен в полной мере исполнять требования общевоинских уставов. С одним из таких офицеров я знаком...

Фамилию называть не стану — многие и без того узнают его по описанию: одарен, находчив, законопослушен. Не дуэлянт, но кулаки всегда при нем. С блеском закончил Саратовское военное училище, майорские погоны получил досрочно. Груз ответственности за подчиненных лег на его плечи еще в училище: звонил будущей жене и оставил военный билет в телефонной будке. Командир курсантского батальона полковник В. Колесов, превосходно зная Дисциплинарный устав, поступил тем не менее по-своему: назначил растеряху командиром отделения.

Отделение попало — волком взвоешь. И так сержант в училище — вешалка для всех собак, «искровой промежуток» между курсантским «хочу» и командирским «надо». А тут, как на подбор, все «штыки» старше по возрасту. В армии послужить успели, сами людьми командовали и с лычками расстались не за утерю военного билета: пьянки да самоволки в служебных карточках, как на сберкнижках. Как с ними сладись? Разряд по дзюдо и уже упомянутые кулаки тут не годились принципиально. Столь же принципиально самолюбие не допускало и мысли просить у кого-то помощи...

Устав. Волшебная отмычка ко всем проблемам. Мера и степень командирской требовательности, цель, к которой нужно стремиться, и идеал, ради которого стоит жить. Индальгенция на случай неприятностей — если командир действовал по уставу, какой с него спрос? Поэтому новоиспеченный младший сержант вскоре знал армейское «священное писание» наизуток и поверил в его поистине магическую силу. Есть права, есть обязанности. Исполняешь — молодец. Не умеешь — не беда, научим. Не хочешь — извини, придется...

Верный этим принципам, он преобразил людей вокруг себя и буквально за уши вытащил из отстающих в передовые взвод, потом роту, которыми командовал, потом еще одну. Сотни подчинявшихся ему солдат и десятки офицеров, вкусивших стопроцентно уставной жизни, благодарны ему до сих пор.

Правда, напоминает утопию о построении социализма в отдельно взятой стране? Впрочем, это не утопия — так было. Наблюдая результаты его труда, я был уверен — за такими, как он, будущее войск. Недавно решил посмотреть, как живет ему в нынешней обстановке, как работают его методы.

Навел предварительно справки — команду-ет все той же ротой...

В канцелярии — новая мебель, мой герой — в отпуске, а на стене — аршинный анализ дисциплинарных проступков.

— Завохрел немножко твой любимец, — рассказывали мне командиры и бывшие политрабтники, кто с сочувствием, кто с иронией. — Раньше в дело душу вкладывал, а теперь от людей своими людьми отгородился, а они-то его и подводят. Раньше сам работал, традиции создавал, а теперь болеет часто. Хитрить начал, сор из избы выносить перестал. Иногда ротные смеются: как в часть — проверка, так он в больницу. Короче, и уважать есть за что, и критиковать надо.

Я застал его дома, и мы разговаривали ночь напролет.

— Еще, наверное, не знаешь — сегодня в столовой двое подрались, твоему младшему сержанту рядовой из соседней роты зуб выбил. Чему он людей может научить, если сам не защитился? И вообще, что происходит? Кто-то, помнится, сделал исторический вывод, что в роте невозможна реставрация неуставщины...

— Да, как невозможна реставрация капитализма в России, а оно, видишь, как повернулось. Ты помнишь роту в зените славы. Люди гордились, что служат в ней. И не то чтобы высоко на всех смотрели, но цену себе знали, человеческого отношения к себе потребовали — я же сам им внушал, что уставы, законы не только для подчиненных, но и для начальников писаны. Если тетя Валя перестала открывать после обеда солдатскую чайную, они ей через газету напомнили, что работает она не в частной лавочке. В выходной перед заступлением в караул вместо отдыха послали на склад разгружать доски — тоже письмо в газету. Что, не правы? А даже если правы, какому начальнику это понравится?

Про караулку тоже в газету писали: после безграмотной перепланировки и сноса нескольких несущих перегородок «поехали» плиты перекрытия. После вмешательства газеты обещали сделать новую. Заработали на домостроительном комбинате блоки, из которых квартиры собирают, установили их. Что-то получилось. Мол, несите службу, условия созданы! Отопление только надо переделывать. Мне говорят, не твое это дело, есть специалисты. До ноября разговоры продолжались, до мороза, пока не прихватило да не разморозило. Теперь, говорят, делай...

Летом я бы сделал — и сантехники род рукой были, и водка дешевле стоила, и люди не мерзли, так нет — дотянули до холодов и все равно мне же «доверили» — больше некому. Выпсал на себя да на старшину материальную помощь, перевел ее в «бутилированную валюту», а специалисты в сезон цену себе знают! Ротные дела, понятно, побоку, расписание пишу только для стенда, чтобы висело, проводить некому — два командира взводов и заме-

ститель на повышение ушли. Без занятий же какая дисциплина, какая подготовка — не то что сержантам, офицерам зубы выбивать начнут.

ГОДА три назад он рассказывал мне, как его наводили проверяющие.

Один полковник, а ныне генерал, в каптерку сунулся, в туалете в каждую дырку заглянул, в спальном помещении по тумбочкам полез... Если в этой роте так делал старшина, командиры отделений чувствовали себя оскорбленными; работает за них, значит, не доверяет. Полчаса рылся, пока не нашел в щели стола для чистки оружия клочок ветоши с почтовую марку. Взял его безразлично двумя пальцами и говорит: «Безобразие!» А ротный ему спокойно: «Товарищ полковник, если бы я знал, зачем вы сюда из самой Москвы приехали, тряпочку эту на пороге положили бы!»

Тогда, три года назад, мы мечтали о временах, когда неприкосновенность личного достоинства солдата и офицера будет гарантирована законом, как неприкосновенность часового. Когда подразделения, занятые службой и учебой, навсегда освободят от несвойственных им производственно-хозяйственных функций — если в полку для этих целей мало роты, пусть будет батальон. Гарантировать «бойцам», что на вооружении у них будет лопата с ложкой, и можно смело комплектовать такие батальоны сектантами и пацифистами.

Мы тогда мечтали, что выпускники полковника В. Колесова и все другие офицеры, исполненные элементарного здравого смысла и не чуждые понятия долга, потеснят-таки закосневших бюрократов. Эскимосы перестанут писать инструкции для папуасов, а там в ходе военной реформы к чертовой матери отменяют все приказы и распоряжения, «улучшающие» и «растолковывающие» устав, командиры к ответственности получают самостоятельность, и настает время настоящих профессионалов.

Как же мы тогда ошибались! Реформы ни на йоту не приблизили нас к жизни по нормам устава. Поневоле напрашивается сравнение с библейскими заповедями. И общевинские уставы, и книга книг — суть свод правил, продиктованных самой жизнью, причем нашему краткому, емкому, выразительному, запоминающемуся уставу далеко до лаконизма и афористичности христианского: на богатейшем образном материале сформулированы всего десять заповедей — простых, понятных, воистину общечеловеческих. А вот людей, исполняющих эти заповеди истово и пунктуально, — единицы. Это лучшие люди эпохи, праведники.

Что же мешает христианам жить в святости? Рассматривая жизнь как борьбу Добра и Зла, Библия утверждает, что злые дела происходят всякий раз, когда человек, наделенный свободой воли, поддается искушению Сатаны. Последний — мастер своего дела и искушает верующих и безбожников земными, предельно материаль-

ными благами. А мы с вами — не исключения. Главный соблазн, например, для начальника любого ранга — власть еще большая и нехитрое убеждение, что на пути к ней нужно как можно рациональнее распорядиться той, что есть. Едва ли не единственный объект для ее применения — свободное или учебное время подчиненных. Чем меньше просил у вышестоящего и чем больше воздвигнутого «хапспособом» показал ему, тем выше шанс стать его правой рукой — люди расторопные нужны везде и всегда. Источник процветания один — дешевый солдатский и офицерский труд. До буквы ли устава тут, не говоря уже о духе?

Скандалы с генеральскими, а особенно с полковничьими, дачами, машинами, видео-, аудио- и прочей бытовой, ныне дефицитной техникой — от возведенной в закон офицерской нищеты и неустroенности. Так что в данном случае Сатана — это тоскливая уверенность, что после увольнения в запас (отставку) мы для родного ведомства — никто, в лучшем случае кандидаты на казенные похороны. Этот последний долг нам отдадут первым, если, конечно, не считать дешевого транзистора или набора фужеров, купленного сослуживцами в складчину в день прощания с коллективом. Вот и начинают люди потихоньку о себе заботиться, путать государственный карман со своим.

А если бы каждому генералу или капитану к увольнению эта дача полагалась — не как роскошь, а как подспорье для пропитания в стремительно наступающий черный день — кто стал бы злоупотреблять?

ВЕРНУСЬ, однако, к моему герою. Он ведь не ненормальный и прекрасно понимает: его интересы и интересы штаба части совпадают до тех пор, пока он тянет на себе отстающую роту в передовые. Но как только он достигает цели, выходит в лидеры, да еще не собирается делиться славой (гордость и самолюбие, в отличие от Библии, уставом поощряются), — он превращается в ходячий упрек всему начальству и окружающим его коллегам — ротным. С этой поры если не судьба, то участь самолюбца-одиночки предопределена: «кушать» его будут всем миром, а ведь гораздо легче выскочку задвинуть на место, нежели сделать «выскачками» всех офицеров полка.

Но и один в поле воин! Возглавляя коллектив, он многих заразил одержимостью, в основе которой — неистребимая, казалось, вера в идеалы честного служения Отечеству. Боюсь только, что его методы, перенятые формально, без веры в людей и любви к ним, принесут больше вреда, чем пользы. Он сделал свое дело. Сотни граждан России, послужив в его двух ротах, навсегда зауважали нелегкий солдатский хлеб, многие из них работают теперь в правоохранительных органах. Кого сумел, он зажег, он посеял ростки, призванные

снизу пробить и взломать асфальт косности, военно-бюрократической серости.

Но не зря народ заметил: пока солнце взойдет — роса очи выест. Нынешние его начальники и рады бы написать ему честную характеристику и с дорогой душой отправить с глаз долой на давно заслуженное повышение (едва ли не единственный фактор, заводящий высоко по служебной лестнице людей его типа) — он отказывается сам, и я его понимаю. Кроме воинского долга перед Отчизной, есть у каждого человека долг перед домашними: крепка семья — крепка держава! Чего ради двое темноволосых крепышей — сыновья! — по-отцовски живых и общительных, должны уезжать с ним из трехкомнатной квартиры в областном центре, особенно в обстановке, когда адские в очередной раз оказались на обочине социальной защиты. Лучше синица в руке, чем журавль в небе — «мудрость» такая проистекает от извечной офицерской бедности, напрямую завязанной сначала на жадность, а теперь — на бедность государства. Люди, подобные моему герою, и сегодня делают свое дело снизу — возрождают традиции русской армии, идеи Суворова и Драгомирова, но им очень нужна помощь сверху. Не надо составлять проскрипционные списки бюрократов и свергать их в таргаразы президентскими указами прежде, чем удастся изменить систему взаимоотношений, вынуждающую начальников добиваться победы исключительно ценой крови или здоровья подчиненных. Нужны юридические, а еще лучше — экономические гарантии статуса офицера. Требуется прежде всего служебное жилье по месту дислокации подразделения и твердо гарантированная, постоянно индексируемая сумма на покупку жилья в избранном после увольнения в запас месте или, по выбору, возможность получить от государства земельный надел и необходимую сельхозтехнику.

Независимость, честь, совесть — дорогое удовольствие, но экономить на них нельзя. Ныне действующие общевойсковые уставы хороши в экстремальной обстановке военного времени, когда цена победы не обсуждается. В мирное же время постоянная работа на износ вряд ли может быть оправдана. И здесь тоже можно было бы поучиться у авторов Библии. Вспомните пророческий пафос Нагорной проповеди: блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... За каждое желанное человеческое качество обещана конкретная награда, достаточно привлекательная, чтобы компенсировать трудности сознательного самоограничения. Думается, нечто похожее могло бы появиться и в новых российских уставах и положениях о прохождении службы офицерским составом.

Я очень надеюсь, что герой нашего времени, оказавшийся сегодня в незавидной роли лишнего человека, еще послужит Отечеству.

В. БОЛШИН.

КТО ЗАЩИТИТ КОНТРОЛЛЕРА?

ЕСЛИ ВЕРНО, что труд должен приносить радость, то прапорщико-контролеры, наверно, ошиблись в выборе профессии. За несколько лет неизмеримо сложнее стала обстановка на охраняемом объекте. После амнистии в зоне остались наиболее закоренелые преступники. Возросла международная напряженность — выясняют отношения «белорусская», «ростовская» и «среднеазиатская» группировки. В колонию прислали много «побегушников» — осужденных, пытавшихся совершить побег. И вот при всем при этом под аккомпанемент душещипательных разговоров о демократизации режима его попросту разваливают, кромсая штатное расписание контролерской роты...

Раньше на смену заступали восемь человек. Действовало железное правило нести службу в паре. Это успокаивало, вселяло уверенность — тыл прикрыт. Сегодня в ночную смену заступают четыре человека. Могут ли трое из них за час при съеме обыскать шестьсот осужденных, да еще подстраховывать друг друга? И каково выполнять должностные обязанности под постоянным моральным и психологическим прессом?

Парадокс в том, что штаты контролерского подразделения заполнены на сто процентов. А раз так, то и проблемы вроде нет. Но служебная нагрузка гораздо выше нормы — люди вынуждены работать на износ. Не нравится? Так никто не держит — на место недовольного всегда найдется безработный кандидат, ведь с формулировкой «по сокращению штатов» покинули подразделения Артюшенко, Внучков, Мельников, Савко. В другие коллективы ушли Лесников, Грачев, Герасимчук, Ганзюк, Гузинец.

Цифра от лимита — сущее наказание, говорят прапорщики, но это неприятность

глобального, экономического характера. Звездает, портит настроение своя — войсковая — мелкая «дураковщина». Прапорщики крепко завидуют персоналу колонии — те выполняют только прямые должностные обязанности. Мастер любого цеха дождался выходных и не показывается на работе. Ясно, не развлекается. Осенью, например, на огороде урожаем собирает или грибы и ягоды в лесу, ведь на магазин надежды мало. Весной на приусадебном участке работы хоть отбавляй. Прапорщики же в это время кроме службы и занятий, не входящих в служебную нагрузку, приходят на развод в подразделение, а затем еще и в часть на читку приказов. Забудьте, за счет личного времени. И в эту же пору соседний колхоз пресит всех желающих поучаствовать в уборке картофеля. Расчет — натуральным продуктом. Попробуйте убедить прапорщика, что политинформация важнее, чем мешок картошки!

Много недоразумений и откровенного смеха вызывает и программа занятий с прапорщиками. Войска отделены от Вооруженных Сил, пересмотрены вчерашние концепции. Сокращением армии мы доказываем всей планете свое стремление к миру, но вот контролеров почему-то продолжаем готовить к войне, а не к службе, не к тому, что может преподнести суровая реальная действительность.

Многие предметы учебной программы не имеют прикладного значения. Взять даже огневую подготовку. Когда прапорщики идут в розыск, оружия им не выдают. А если бы и давали, представьте себе, как выглядит на вокзале притворяющийся гражданским мужчиной с автоматом под мышкой. Такого «розысчника» беглец за версту обойдет. Зачем же тогда учебные стрельбы из автомата? Для удовольствия и спортивного интереса хватило бы малокалиберной винтовки. Некогда и негде

прапорщику выполнять строевые приемы с автоматом. Как незачем изучать средства воздушного нападения вероятного противника — разве что осужденный попробует на бензопиле улететь.

Нужно ли почти ежегодно повторять тему «Размещение военнослужащих и повседневный порядок», если учесть, что прапорщико живут дома и службу несут не в солдатской казарме, а в зоне?

А вот физическая подготовка предмет почему-то второстепенный, хотя выносиваясь, применить прием рукопашного боя, самозащиты — едва ли не единственный шанс уцелеть в случае внезапного нападения. Раз в полгода проводится военно-медицинская подготовка. Крови же прапорщико выдают предостаточно: это и вскрытые вены, и травмы — чего только не бывает по ту сторону забора!

Нужный предмет — военная топография, но занятий на весь год — несколько часов. Много чистой теории по техническим средствам охраны. Порой контролеры изучают такие датчики и приборы, что и специалисты в глаза не видели. Так не много ли и здесь времени уходит для развития общей эрудиции?

Если же вести эти предметы в тактику внутренних войск, да еще перенести занятия из класса на объект, дело только выиграет. Например, обыск одного из зданий или цехов колонии или совершенствование инженерных средств охраны — чем не тема для занятия, не только сочетающего теорию с практикой, но и приносящего максимально возможную пользу?

Почему же плохо живется контролерам? Почему, например, семья прапорщиков В. Шараева и А. Загирова живут в бараках: пол ковырни — провалишься? У обоих часто болеют дети. Соседи — неработающие, судимые пьяницы. Дома щитовые, собраны не один десяток лет назад, ремонту не подлежат. Особенно удручающе выглядит комната, где живет с семьей Али Загиров, прослуживший уже тринадцать лет. Жена с месячным сыном в больнице — у ребенка воспаление легких, прапорщик с двухлетней дочуркой дома сидит: одну не оставишь. Нагрузка, понятно, ложится на плечи товарищей.

Почему трудно выбить у начальника колонии машину для подвоза дров? На дворе лето, а у войскового наряда контролеров нет холодильника для хранения продуктов. Осужденных снабжают молоком, а для своих детей прапорщико вынуждены искать его, где придется. В продпайках гречневую крупу регулярно заменяют манной... Список крупных и мелких неприятностей, выпавших на долю контролеров, можно продолжать и продолжать, но, думается, и приведенных достаточно, чтобы понять: во всем виноват противоестественный раздел людей, работающих рядом, плечом к плечу, на военнослужащих и сотрудников ИТК. Рота и колония сосуществуют как бы в разных измерениях.

Прапорщико, как люди военные, долж-

ны заниматься боевой подготовкой вместе со всеми другими прапорщикоми внутренних войск, по единой программе, хотя нет, наверное, двух одинаковых колоний. Поэтому и изучаются темы самого общего, универсального характера. А начальника колонии интересует прежде всего план. Умри, но дай продукцию. Когда с объекта снимают шестерых пьяных осужденных, прапорщико радуются, если накажут хотя бы троих — на незаменимых специалистов режим, мягко говоря, распространяется не в полном объеме.

Так и с решением бытовых проблем. Начальник учреждения в первую очередь защищает интересы своего коллектива. Ему важнее те, кто непосредственно работают на план — мастера, водители, короче, вольнонаемные специалисты. Прапорщико — на вторых ролях. И не то что бы «колониисты» во главе с начальником недооценивали вклад прапорщиков в выполнение плана. Их ценят, но даже повышенную служебную нагрузку воспринимают как должное. Вникать же в проблемы их заставить трудно: извините, ребята, у вас свое начальство, к нему и обращайтесь. А у этого начальника масса прав, но, прямо скажем, очень скромные возможности. Все ресурсы и блага — у начальника колонии...

А выход из непростой ситуации лежит на поверхности. Его давно придумали, но до сих пор не могли осуществить: переподчинить контролеров администрации учреждения. Выгоды — очевидны. Начальник колонии будет вынужден привести продолжительность рабочей недели контролеров в соответствие с трудовым законодательством. Переработки можно будет компенсировать, да и штатное расписание администрации сможет пересмотреть, если сама будет отвечать за надзор. Совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы может только «прорабатывать» или ходатайствовать об увольнении нерадивого, но не вправе ни наказать, ни поощрить человека рублем — у войск денег нет. Они есть у начальника колонии, но существует правило, воспрещающее поощрять чужих подчиненных. Переход под «юрисдикцию» администрации убирает это препятствие.

И, конечно, главный вопрос — жилищный. Хотя и поставили прапорщиков в одну с «колониистами» очередь, стоять в ней неуютно, и будет неуютно, пока контролер не перестанет быть для учреждения чужим дядей.

Известно, как долго и трудно решались организационные и штатные вопросы еще год назад. Но сегодня обстановка такова, что сдвинулись с места, казалось бы, неподъемные пласты. И если реформирована такая солидная и незыблемая фирма, как бывший Комитет государственной безопасности, если самой жизнью сокрушен бывший Госплан, да что Госплан — страну перedelали, то разве трудно добиться перемен, давно назревших на рубеже, отделившем контролеров от персонала учреждения?

Майор В. ШЕВЧЕНКО.

112

«НА ДАЛЬНОЙ СТАНЦИИ СОЙДУ...»

- Заложницы Беса
- «Клондайк» в медвежьем углу
- Кто защитит защитника!

ЧТО ЗАСТАВИЛО его обернуться в ту минуту? Случайность? Интуиция, дохнувшая предчувствием беды? Или... ангел-хранитель? Сейчас прапорщик Геннадий Викторович Гурин, пожалуй, и не вспомнит, по какому внутреннему побуждению, закрывая дверь за выходящими осужденными с мусорным баком, он повернул голову... Скорее всего спас контролера слух, обостренный за многие годы службы привычным ожиданием опасности (зона — не курорт): уловил движение за спиной, а дальше сработала реакция профессионала. Увидев тускло блеснувший в свете люминесцентной лампы нож, Гурин успел уклониться, поставил рукой защитный блок. Лезвие скользнуло по рукаву рубахи, распороло ткань. Брызнула кровь. Осужденный Бескостюк замахнулся еще раз. Гурин отпрянул назад, прикидывая, как действовать дальше, чтобы обезоружить бандита. «Хорошо, что жену на посту заменил. Порешил бы ее тут злодей», — иглой кольнула сердце внезапно мелькнувшая мысль.

В этот момент хрипло дышавший Бескостюк рванул решетчатую дверь и бешеным зверем ввалился в комнату свиданий. Геннадий Викторович разбил стекло, крикнул часовому: «Нападение!» — и бросился вслед за преступником. Но было поздно: Бескостюк захлопнул за собой решетку. Осужденные, сидевшие за прозрачной перегородкой, с криками повскакивали с мест, сообразив, что их родственники могут стать жертвами обезумевшего от ярости уголовника. Но помешать ему они не могли. Бескостюк стоял бледный как мел с расширенными зрачками и сжимал в руках окровавленный нож...

Если волк решился перепрыгнуть красный флажок, он вдвойне опасен. Бояться зверю уже нечего, терять — тоже. Упаси Боже подвернуться на его пути невооруженному человеку. Прыжок. Клацнули зубы, и хищник мертвой хваткой вцепился в жертву. А вкусив крови, опьяненный зверь готов на все — такова его биологическая природа. Но куда волку до матерого преступника!

...Они долго искали лазейку для побега. Осторожными лисами крутились то у одного поста, то у другого. Обмозговав несколько вариантов, Бескостюк предложил использовать комнату свиданий.

— Там верняк. На посту баба. «Перо» к торлу — и диктуй ментам любые условия! Его «зединщики», Баранов и Гордон, вразражать не стали...

— Не страшно вам, Людмила Михайловна, на этом участке дежурить? — спрошу я прапорщика Гурина, когда все страсти-мордасти улягутся.

— Нет, муж у меня недалеко службу правит, да и я стараюсь ошибок не допускать, смотрю в оба. Опять же кто-нибудь из контролеров здесь постоянно находится. В общем, не боюсь.

ВТОТ ДЕНЬ прапорщик Гурина попросила мужа отдежурить за нее смену: с утра нездоровилось, решила пойти к врачу. Сменившись с наряда и немного отдохнув, Геннадий Викторович приступил к исполнению обязанностей контролера по комнате свиданий. А буквально через несколько минут к решетчатой двери приблизились заговорщики. В недоумении переглянулись: на месте Людмилы Михайловны сидел ее муж, прапорщик Гурин, бывалый, опытный контролер. И человек не робкого десятка. «Пером» его не испугаешь.

— Что делать будем, Бес, — часто заморгал Баранов. — Отработываем задний ход? Мне с Гуриным нет никакой охоты связываться.

— Я тебе отработаю, Баран! Решили, значит, решили. Возвращаться — дурная примета. Гурина беру на себя, — зло прошептал Бескостюк. Он снял шапку и с деланным подобострастием поклонился контролеру:

— Здравствуйте, гражданин начальник! Не скажете, когда свиданка нам по графику?

— Обратитесь к начальнику отряда майору Зелинскому.

— Поимейте сочувствие, гражданин начальник!

— Разговор окончен. Точка, — нахмурился контролер.

Через полчаса осужденный явился снова и уже с наглыми нотками в голосе стал требовать ответа на свой вопрос. Расчет был прост: как можно чаще маячить перед глазами Гурина, выжидая удобный момент для нападения.

— Вам же русским языком сказано...

Бескостюк испарился. А спустя две минуты прапорщик открыл дверь, чтобы выпустить осужденных, убравших в комнате свиданий...

— Служба в наших краях — не мед. А можно и покрепче выразиться. В магазине на пустых полках тараканы наперегонки бегают. С водой постоянные перебои. С холодной. Про горячую вообще умолчу. Легче НЛО над зоной увидеть, — расска-

зывал мне заместитель командира подразделения капитан С. Грабовый. — С квартирами для молодых офицеров глухо. Пока до полковников дослужат — как раз срок подойдет. Хоть землянки рой. «Терпите, — уговаривают, — в стране жилищная проблема. Тысячи бомжей при погонах, которых выбросили из Восточной Европы волны перестройки и нового мышления, прозябают в палатках. И ничего». Таковы условия по эту сторону колючей проволоки. Что же касается той стороны... Оперативная обстановка в колонии сложная. Вдохновленные «демократизацией» жулики нагнетают на глазах. Все время чувствуешь себя как на иголках. Только и ждешь подлого сюрприза от «родного континента».

Пока мы беседовали, вокруг юлой вертелась маленький Артемка и Рената-первоклассница.

— С детей глаз не спускаем, — вздохнул капитан. — Атмосфера в поселке, как в эпоху освоения прерий на диком Западе. Воруется малышей-то. Новый вид бизнеса у местных подонков...

БАБЫ К СТЕНЕ! — брызгая слюной, зарычал Бескостюк. — Шевельнетесь — горло перережу.

Трое женщин, всхлипывая от рыданий, выполнили требование преступника. Попробуй послушайся. Вид озверевшего Бескостюка был ужасен. Такой не станет церемониться. Всадит «перо» — глазом моргнуть не успеешь.

— А вы — за дверь! — бандит ткнул ножом в сторону двух братьев осужденного Каркаева. — Быстро, мать вашу!..

Те не заставили себя упрашивать.

Так, полдела сделано. Заложники в западне. Решетка закрыта. Он в безопасности. Гордон с Бараном, правда, сбежали, шакалы, когда увидели, что ему не удалось завалить мента. Ну да ничего, и без подручных на волю вырвется. Не удержат его надзорникам. Чуть что — бабам каюк. Жалеть их не станет. Пан или пропал.

Бескостюк приставил к спине одной из женщин нож с тонкой облаткой подсохшей крови на острие:

— Машину! Автомат с патронами! Водяру! Сроку — десять минут!

Подумав, он вытолкнул заложницу за дверь. Пусть поторопит нерешительных начальников. Пусть передаст им: бес шутить не намерен.

Женщина в истерике:

— Он же их всех убьет! Сделайте что-нибудь!

К двери протиснулся начальник штаба майор А. Старцев, пряча за спиной правую руку с пистолетом...

...— Гуриным интересуетесь? Что ж, человек достойный, — заместитель командира роты по службе контролеров майор А. Барановский достал из нагрудного кармана лист бумаги с колонками фамилий и цифр. — Вот данные об изъятии у осужденных денег и других запрещенных предметов. На счету у Геннадия Викторовича

без малого тысяча рублей — отобрал при попытке передачи. Несколько десятков литров конфискованной водки. И наркотики не раз находил у зеков. Словом, специалист, каких поискать. Тем более при такой зарплате. А теперь представьте, какой у человека с нищенским заработком соблазн закрыть глаза на всевозможные нарушения осужденных. За соответствующую мзду, конечно. Или заняться «конвойным бизнесом»: спиртное, наркотики... Рокфеллером можно стать, если наступить на горло совести. А цены тут, как в коммерческом магазине. Одна незаконная передача — и месячная зарплата в кармане. Клондайк! Но с Гуриным такие вещи не проходят. Ни подкупить, ни вокруг пальца обвести не удается.

...Выстрел грянул неожиданно. Пуля угодила в ногу осужденного. С яростным матом Бескостюк бросился к заложникам, которые в ужасе прижались к стене:

— Порешу!

Старцев дважды пальнул в другую ногу бандита. Тот качнулся, присел от боли, но, собрав последние силы, замахнулся ножом. До женщин оставался один шаг. Майор выстрелил в спину. Пуля прошла навылет, звякнула о железный каркас перегородки и, срикошетив, горячим жалом впилась в пол. Бескостюк выронил нож. Лицо его перекосила гримаса боли и ненависти. Он поднял руку, будто пытаясь найти в воздухе опору, и тяжело рухнул под ноги заложниц.

...— Вроде я грех жаловаться, — смущенно улыбнулся прапорщик Гурин. — Поощрениями не обделен. Благодарностей, грамот почетных — хоть пруд пруди. Награжден знаком «За отличие в службе» двух степеней. А так...

Не стал прапорщик жаловаться на судьбу, не сказал, что день ото дня тяжелеет груз проблем, взваленный на плечи военнослужащих отдаленных от очагов цивилизации подразделений. Своими силами, без помощи свыше его не скинуть. Но, увы, романтическая песня «На дальней станции сойду...» — не о руководящих кадрах. А сойти хоть на часок кое-кому из них не помешало бы. Особенно речистым парламентариям да бойким публицистам, заразившим войска тбилиским и прочими синдромами, превратившим их в козла отпущения за грехи всевозможных политических импровизаций «архитекторов перестройки». Сойти и просто посмотреть в глаза служивым, которых раньше, не боясь пафоса, называли защитниками Отечества.

Да и военному начальству почаще бы заглядывать в медвежьи углы! Не за дарами природы, а для помощи тем, кто в ней сегодня остро нуждается.

Может быть, после этой драматической истории вернутся власть предреждающие лицом к проблемам и бедам сослуживцев прапорщика Гурина. На дальней станции сойду...

Лейтенант В. ТОРИН.
Привлеченное управление
внутренних войск.

НАШ АДРЕС:
107120, Москва,
Сыромятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

В спецназе служить будем

Огромные трудности испытывают офицеры нашего военкомата в связи с каждым очередным призывом: развал Союза, правовая вакханалия, целенаправленные действия «пацифистов», ведущих разрушительную работу среди призывников, делают свое дело.

На мой вопрос: «Хочешь ли служить?» — отвечают по-разному. Один: «Конечно, хочу!» Другой: «Куда денешься, все равно заставят».

Ведем отбор и в части внутренних войск, в дивизию и.м. Ф. Дзержинского, вновь формируемые части оперативного назначения. И не было пока парня, который бы при объявлении ему такого решения призывной комиссии схватился бы за голову, отказался.

Вообще надо отметить вполне определенно — авторитет ваших войск заметно повысился. Люди понимают, что «крупные береты», как стали теперь называть спецназовцев, защищают простых людей от разгула националистического террора. А это миссия благородная, хотя и чрезвычайно опасная. Миссия настоящих мужчин, стоящих на страже Отечества.

Полковник С. ЛЕОНОВ,
городской военком г. Череповца.

Расти, малыш!

Прапорщик Е. Лысенина обращалась по команде во все инстанции с просьбой помочь ей так перераспределить ее должностные обязанности, чтобы по субботам быть дома — сыну, которого воспитывает одна, три года, и хоть ходит он в садик, да вот беда — по субботам сады не работают и ребенка оставить не с кем. Как

сообщила она в редакцию, ее начальники помочь обещали и... ничего не сделали.

На наш запрос пришел ответ за подписью подполковника Г. Гусева — вопрос решен положительно, Е. Лысениной предоставлено два выходных дня. Расти, малыш, и пусть твоя мама служит спокойно.

Глас вопиющего... в пустыне?

Уж и не знаю, куда писать, кому пожаловаться. Просто нет у меня никакого выхода. Дело в том, что невероятно трудно мне, женщине, добираться от дома до места моей службы: расстояние слишком большое для пешего перехода, по пустыне надо одной идти, а расписание рейсового автобуса не совпадает с окончанием смены. Вот и мучаюсь уже не один год, иногда частник подбросит за немалые деньги, а больше пешком или на службе остаюсь до следующего автобуса. И так получается, что домой добираться поздно, не успею своих детишек голодных, беспризорных обиходить, как уж и обратно на службу надо.

Куда я только по команде не обращалась! Обнадеживали до 90-го года, а потом: «Трудно — увольняйтесь». Но я же служу с 1977 года и все в Богом забытых уголках! Почему же, когда меня уговаривали сюда идти, когда трудно было с укомплектованием штатов, обещали золотые горы, а как мне стало тяжело — увольняйся, и всем на мои беды наплевать?!

Ну что же остается мне делать, ведь нет больше человеческих сил терпеть эти мытарства!

Прапорщик М. АРЗЫЕВА.
г. Чарджоу.

«ИЗЯЩНАЯ» СЛОВЕСНОСТЬ И... «СЕМЕЧКИ»

Мат — неприличная брань.

Из словаря С. И. Ожегова.

Нередко бывает так. Соберутся солдаты в круг и начинают «травить»: в ход идут всевозможные истории, байки, где правда переплетена с вымыслом. Хорошего рассказчика слушают, зажав дыхание. Попробуйте его прервать: возмущенно зашикают, а если будешь настаивать, то ненавязчиво предложат «добровольно» покинуть посиделки.

...Рядовой В. Вулич был доволен. Не всякому удастся безраздельно завладеть вниманием аудитории. Вдохновенно, сочными мазками украшал солдат картину повествования и не заметил, как вылетело непотребное словцо. Видно, другого, более подходящего, в лексиконе не нашлось.

Эта «залепуха» прозвучала, как удар хлыста. Многие невольно покраснели, словно Владимир разом отвесил им звонкую оплеуху. Лица слушателей вытянулись, поскучнели. Но никто не сделал сослуживцу замечания. Когда он вторично «хватил» нецензурным словом, один, затем другой, третий выбрались из тесного кружка и незаметно исчезли.

Вот так, молчаливо протестуя, рядовому В. Вуличу дали понять, что он явно «переборщил». Смутившись, тот смолк, растерянно озираясь по сторонам.

Все правильно, произошла обычная человеческая реакция на пошлость и цинизм. Удивляло другое: вслух никто так и не осудил товарища. Почему?

— Здесь армия, а не пансион благородных девиц, — считает, например, рядовой А. Сергеев. Но тут же уточняет: — Хотя неприятно, конечно, слышать похабщину. Тем более, когда о женщине такое брякают.

Не скажу, что наши солдаты сплошь и рядом народ щепетильный, измененный, воспитанный на сентиментальных, выдавливающих из глаз слезу романах (хотя и такую литературу брать в руки весьма полезно). И все же в большинстве воинских коллективов к похабщине отношение, как правило, негативное. Вот и в подразделении, где служит наш «герой», немало людей, от которых грубой брани не услышишь. Взять тех же сержанта А. Лациса, ефрейтора В. Грунина, рядового Т. Велиева. Эти военнослужащие по-разному объясняют неприятие распространенного здесь казарменного общения. Сержант Лацис вообще старается по-русски реже говорить — в основном лишь команды подает. Задушевные же беседы ведет с земляками чаще всего на родном языке. Ефрейтор Грунин занял своеобразную позицию пас-

сивного наблюдателя. Владимир — выходец из семьи потомственных интеллигентов, учился в одном из престижных столичных вузов. Переубеждать в чем-то неведь считает ниже своего достоинства. Ну а рядовой Велиев — глубоко религиозный человек. Каноны ислама не допускают оскорбления ближнего, будь то с умыслом или нет. И юноша свято выполняет этот запрет.

Зато немало других представителей ротного населения трудолюбиво культивируют буйную поросль матерщины, не задумываясь о нормах морали и не сознавая, что тем самым демонстрируют собственное убожество души.

Недавно с одним из хорошо знакомых мне офицеров поделился своими размышлениями, что весь «негатив» в войсках идет прежде всего от бескультурья, и борьба с нецензурщиной должна занимать в воинских коллективах одно из главных мест. А он мне в ответ: «Да пусть лучше матом ругаются, чем семечки грызут». В переводе на общедоступный язык это означает примерно следующее: «Пусть лучше матом ругаются, чем ходят в самоволки, устраивают пьянки, завоевывают кулаками место под «дедовским» солнцем».

Неужели непонятно, что все начинается с малого? Неуважение к себе, к товарищу, попрание общепринятых норм поведения — прямой путь к «семечкам». Разве это не так?

Старший прапорщик И. БОЛДИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ознакомившись с публикацией, читатель вправе спросить: а где же конкретные рекомендации по борьбе со сквернословием? Ответим: корреспонденция старшего прапорщика И. Болдина и не претендует на конструктивизм, как модно сегодня говорить. Редакцией журнала ей отводится другая роль — привлечь внимание читательской аудитории к одной из самых насущных, и в то же время весьма запущенных проблем воинского воспитания. Что касается конкретных рекомендаций по искоренению «изящной» словесности, они есть. Это инициативные группы в воинских коллективах, цель которых — учреждение общества по борьбе со сквернословием в войсках. Месячники культуры общения. Экспресс-школы культурного общения при женсоветах частей.

Возможно, на местах есть другие интересные формы работы в этом направлении. Мы с готовностью расскажем о них на страницах журнала. Дето за вами, дорогие читатели! Ждем ваших писем!

БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Существовало в годы Отечественной войны необычное по характеру деятельности и интереснейшее по кадровому составу формирование — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Это уникальное соединение было создано в октябре 1941 года на базе возникшей в начале войны Особой группы НКВД СССР. Оно стало учебным центром подготовки и заброски в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп. Пополняясь за счет населения оккупированных территорий, они выростали в мощные партизанские формирования.

В 1975 году родилась идея подготовить и издать сборник документов и воспоминаний, целиком посвященный бригаде. За дело взялись сами омсбоновцы. И вот такая книга* вышла. Ее авторы — бывшие бойцы спецотрядов «Решительный», «Молот», «Грозный» — использовали фонды Центрального архива Советской Армии, Центрального музея внутренних войск, литературные источники, личные воспоминания.

Сейчас библиография работ о легендарной бригаде насчитывает более ста пятидесяти книг, очерков, статей. Но это первый научно-популярный труд, охватывающий все многообразие деятельности ОМСБОНа, показывающий самоотверженность, патриотизм и героизм ее людей. Они — цвет советского спорта, замечательные бойцы и командиры пограничных и внутренних войск, воины-интернационалисты, уже получившие закалку в борьбе с фашизмом в странах Европы. По комсомольским путевкам в бригаду влилось большое число студенческой молодежи, составившей, как верно отмечено в книге, живительную и неповторимую интеллектуальную силу. Бригада была пронизана атмосферой дружбы, товарищества, взаимовыручки вплоть до самопожертвования, духом подлинного интернационализма. Как нам всего этого сегодня не хватает! Дети

разных народов были сплочены любовью к общей Родине и ненавистью к врагу, «ненавистью, спрессованной в тол». В книге это великолепно показано. Она дает читателю представление о суровых буднях воинов-партизан, не скрывает трудностей, ошибок.

Одна из самых ярких страниц боевой летописи бригады — участие в обороне Москвы, когда бригада оперативно подчинялась 2-й МСДОН войск НКВД. Мало кому известно, что именно омсбоновцам была поручена защита сердца столицы в самые критические дни. Бригада участвовала в знаменитом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года. Книга рассказывает о боевых действиях многих спецотрядов, партизанском быте, о выполнении боевых заданий командования на фронте, деятельности разведывательно-диверсионных групп и разведчиков на территории стран Европы на завершающем этапе войны. Приводятся итоговые данные деятельности бригады, даются биографические сведения о некоторых командирах, рассказывается о войнах-интернационалистах, спортсменах, женщинах бригады — радистках и медсестрах. Такое построение книги расширило описание, но не позволило избежать повторов. Книга весьма содержательна, информативна, написана хорошим литературным языком, ее интересно читать. Правда, не обошлось и без некоторых недостатков. Например, ничего не говорится о роли четвертого управления НКВД СССР, чьи задания выполняла бригада. Авторы перечислили боевые заслуги ОМСБОНа, но не назвали потери. А погибло и пропало без вести более шестисот человек, причем эти жертвы не всегда были оправданы (как в районе боевых действий десятой армии в начале 1942 года, когда ее командующий генерал Ф. Голиков фактически загубил отряды, предназначенные для выполнения спецзадания в тылу врага). В книге в ряде случаев по-разному даны фамилии одних и тех же лиц (см. с. 118 и 228, 112 и 114), Сухумская дивизия войск НКВД неправильно именуется 40-й (с. 179), Л. Д. Картошкин, проведший с В. Я. Корзенковым большую поисковую работу по установлению имен погибших в районе Юхова омсбоновцев, ошибочно назван ветераном ОМСБОНа (с. 94), искажена фамилия главного редактора газеты «Победа за нами» А. Труманова (с. 29), постановление ЦК ВЛКСМ о мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР датируется 4-м, а не 3-м сентября 1941 г. (в книге «Войска называются внутренними», на которую ссылаются при этом авторы, допущена аналогичная ошибка).

Однако эти замечания несколько не снижают общего впечатления от книги. Издан хороший, полезный труд, и он, бесспорно, вызовет интерес широкого круга читателей.

* Зевелев А., Казизкий А., Курлат Ф. Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991.—334 с.

Полковник в отставке С. ШТУТМАН,
старший научный сотрудник
Центрального музея внутренних войск

ЗАСЛОН

КРЫЛАТЫЕ КОММАНДОС АЛЬБИОНА

«Побеждает отважный!» — слова эти — девиз соединения, справедливо считающегося одним из лучших на Западе — специальной авиадесантной службы (SAS) Великобритании. Но прежде чем рассказать о людях, которые с гордостью носят береты типа «бельгийка», с кокардой «серебряный кинжал на фоне крыльев самолета», сделаем краткий экскурс в историю.

Своим появлением SAS во многом обязана премьер-министру Уинстону Черчиллю, который еще в 1940 году потребовал незамедлительно создать подразделение парашютистов «леопардов» численностью в 20 тысяч человек. По стечению обстоятельств в это время в Лондоне находился французский генерал Шарль де Голль, приступивший к формированию «роты воздушной пехоты» под командованием капитана Бэрже. Совместная подготовка английских и французских коммандос проходила в парашютной школе в Рингвее и в спецшколе под кодовым названием «17-я станция». Преподавательский состав этих первоклассных учебных заведений состоял из асов различного профиля — криминалистики, психологии, снайперской стрельбы, борьбы джиу-джитсу, а также военных и экономических дисциплин. И базовый принцип подготовки формулировался достаточно громко — обучающийся должен знать все. Конечно, применительно к своей профессии. И прежде всего — стать хорошим стрелком и спортсменом. Средства и времени на это не жалели, потому что солдаты ежедневно расходовали огромный коли-

чество боеприпасов и занимались приемами нападения и самообороны до седьмого пота. Всего же в годы второй мировой войны школы выпустили 60 тысяч коммандос.

Основой успеха их будущей деятельности считали две составляющие: точное выполнение боевого приказа и личную инициативу. И для воспитания этих взаимосвязанных качеств в учебных центрах практиковали хорошо зарекомендовавшую себя систему последовательных учений. После очередной, учебной по форме и боевой по содержанию, операции командование сообщало время и место следующей, скупко выделяя 15—20 часов на сто-сто пятидесятикилометровый марш в новый район. А уж далее каждому солдату предоставлялась полная свобода действий. Он знал лишь конечную цель, средства достижения которой избирал самостоятельно, в соответствии с быстро меняющейся обстановкой. Бывало, команде приходилось покрывать до ста километров в сутки с полной выкладкой, чтобы с ходу вступить в «бой». Нередко занятия длились по восемнадцать часов кряду, без привалов и перекуров. И на все это время о солдатах как бы «забывали», снимая их с любых видов довольствия: хочешь не хочешь, а рассчитывай только на то, что имеешь при себе. И не уповай на то, что о тебе командир позаботится. Классика: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Но именно так вчерашние новобранцы становились профессионалами, которым сам черт был не страшен.

Позднее этот опыт переняли в учебном центре английских коммандос в районе Джохор (Малайзия). Характерно, что в ходе всей пятидневной подготовки воинские звания, даже офицерские, в расчет не брались и ни в грош не ставились: командовал группой тот, кто предлагал наилучшее решение боевой задачи. Он и вел за собой остальных, вместе с ответственностью взваливая на плечи обычный багаж тягот и лишений. А их хватало. К примеру, коммандос брал примерно 40 кг груза.

Первый полк SAS в 1941 году сформировал подполковник Дэвид Стерлинг, имея главной целью проведение актов саботажа и разведывательных операций в тылу врага. Второй полк возглавил брат Стерлинга — Уильям.

Сегодня же силы SAS составляют три полка (1 500 человек) с самыми широкими боевыми возможностями. В зависимости

от планируемых акций видоизменяются и методы их действий. Так, для обеспечения внутренней безопасности в стране применимы карательные операции и рейды по изоляции повстанцев и террористов, выслеживанию и пленению их руководителей. Солдаты SAS прекрасно подготовлены и к выполнению задач по освобождению заложников, вербовке агентуры, созданию подполья, развертыванию партизанского движения на территории противника, ведению психологической войны.

Срок службы — три года, но в случае необходимости он может быть продлен. Средний возраст кандидатов — 27 лет. Все они приходят из армии, причем каждый третий — бывший парашютист. Солдату дано право самому выбрать личное оружие в «пределах разумного», и, как правило, предпочтение отдается короткоствольным автоматам и высокоскорострельным пистолетам.

На снимках: на операции в боевой раскраске; альпинистская подготовка; на рубеже открытия огня; рукопашный бой.

Конкурсные испытания новобранцев проходят в пять этапов. В ходе первого (10 дней) проверяются физические данные, кроссовая подготовка в полевой форме (2,4 км за 12 мин), знание топографии и умение ориентироваться на незнакомой местности. На втором этапе (10 дней) — экзамены на выносливость при совершении марш-бросков в трудных условиях и с ежедневным увеличением нагрузок. Занятия начинаются в четыре утра и завершаются дотощным разбором около полуночи. Венчает курс марш-бросок по пересеченной местности на 64 км за 20 часов с полной выкладкой.

Третий этап (98 дней) выявляет подготовленность кандидатов в вопросах тактики, разведки, огневого дела и военной топографии. Четвертый этап (40 дней) посвящен парашютно-десантной подготовке, главный упор в которой делается на прыжки с малых высот. И, наконец, на пятом (21 день) — оценивается способность к выживанию и четким действиям в экстремальных условиях (рейды в глубокий тыл противника, преследование, организация побегов из плена и т. д.).

Надо ли говорить, что лишь лучшие из лучших благополучно добираются до заветного финиша. Обычно четверым из пяти кандидатов приходится расстаться с мечтой о службе в SAS. Счастливых же ждет еще 205 дней интенсивного обучения на базе 22-го полка SAS. Причем время это распределяется следующим образом. Первые 42 дня — огневая подготовка с весьма жесткими нормативами. Например, надо, ворвавшись в комнату, тринадцать раз выстрелить в шесть манекенов, всадив каждому из них как минимум по две пули в грудь. Случается, манекены упорно «отстреливаются» или же их «поддерживают» огнем лазерные установки, имитирующие выстрелы. Да и появляются они крайне внезапно — в окнах, дверных проемах, на лестничных маршах, на балконах.

Подобные тренажеры эффективно шлифуют реакцию и точность поражения противника на слух или по вспышке выстрела из любого положения. Этой же цели служат специальные полигоны, где созданы все условия для отработки самых неожиданных вводных. Допустим, таких: на солдата с огромной скоростью мчится легковая автомашина. Расстояние сокращается катастрофически быстро, и лишь меткий выстрел по передним скатам или радиатору способен изменить направление ее движения. Другой вариант: словно из-под земли появляется автомобиль, из окон которого «террористы» поливают солдата огнем автоматического оружия. Вот уж где, действительно, вырабатываются и выдержка, и быстрота реакции, и профессиональ-

ная сообразительность на выбор наиболее приемлемых естественных укрытий и использование их для отражения нападения. В ходу и стрельба друг в друга восковыми пулями, дабы солдаты умели столь же отлично стрелять, сколь и защищаться.

Следующие 21 день целиком посвящены технике выживания в любое время года и суток. Затем обучающиеся три месяца занимаются радиосвязью и без малого месяц — разведкой, минно-взрывным делом, топографией, каратэ, альпинизмом и основами медицинской помощи. И завершает курс двадцативосьмидневная парашютная подготовка (40 прыжков днем и ночью с грузом в 50 кг).

Забегая вперед, отметим, что именно методика обучения сил SAS на базе 22-го полка взята за основу подготовки группы «Дельта» — спецподразделения США по борьбе с терроризмом. Надо учесть и такой факт, что в годы войны во Вьетнаме немало солдат SAS было откомандировано в центр подготовки «зеленых беретов». И поделиться им, стоит признать, было чем. Вот как, к примеру, они закаляют психику по методу Опладена. Рассказывает участник занятия: «Нас, восемь-десять человек, выводят на открытую местность, приказывают лечь на землю — головой к центру воображаемого круга диаметром четыре метра. Все — в касках. В центре устанавливается ручная граната, из которой выдергивается чека. Мы считаем секунды, взрыв, и осколки летят над нами».

Специалисты SAS тоже не гнушаются чужим опытом и активно берут на вооружение эффективные методы обучения. Так, приглянувшись им тест на психическую закалку из арсенала турецких «Серых волков»: кандидат в эту группу должен лечь на рельсы перед идущим железнодорожным составом и вскочить по команде инструктора за 10 метров от поезда. Главное — не оплошать солдату и не зазеваться инструктору. Англичанам понравилась эта идея, и они ее усовершенствовали, чтобы не подвергать жизни солдат смертельной опасности: кандидату в SAS на голову надевают мешок, а стереоаппаратура имитирует грохот проезжающего состава.

Спецгруппа SAS по борьбе с терроризмом обычно малочисленна и состоит из четырех человек: командира, эксперта по взрывным устройствам, радиста и санитара. Что она может? Практически все. Например, проникнуть в пилотскую кабину самолета с земли без лестницы за 3 секунды (!). Вряд ли мечтал о таком профессионализме полвека назад «крестный отец» SAS подполковник Дэвид Стерлинг.

С. ДРЕСВЯНИН

116

ДЕЛО ЛЕНИНА ЖИВЕТ? И ПОБЕЖДАЕТ?

«Великий разрушитель», «бешеный революционер», «липовый теоретик».
(Н. Бухарин о Ленине)

Чем более погружается наше общество по милости своих «перестройщиков» в пучину хаоса и анархии, чем сильнее проявляют себя деструктивные антигосударственные силы, присвоившие себе титло «демократических», тем более частыми становятся призывы к защите ленинизма и апелляция к наследию вождя трудящихся всех стран и мирового пролетариата.

Феномен Ленина, как бы мы к нему ни относились, — это колоссальное явление истории, трагической истории нашей страны.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом хулы в адрес Ленина исторгаются нынче в основном теми, кто является прямыми наследниками его слов и дел — русофобами всех мастей, безбожниками и антигосударственниками. Защищают же Ильича сегодня те, кто более всего пострадал от ленинизма. Воистину «чужды дела Твои, Господи!»

Однако, прежде чем объяснить, как и почему это могло случиться, попытаемся проследить, что же дали нашей стране ленинизм и «ленинская гвардия».

1. Перестройщики и реформаторы

А впереди большевики — гвардейцы Ильича

ТВОРЦЫ и вдохновители октябрьского переворота 1917-го были, несмотря на свою практическую хватку по части «где чего разрушить», носителями вполне утопического сознания. Казалось, все идет как по Марксу и вот-вот грянет мировая революция. Из этого мироощущения и вытекала мысль об исторической миссии России как материала для растопки мирового революционного пожара. В 1923 г. Зиновьев (по кличке Ромовая баба) еще грезил, что в 1930 г. большевистские коммунары «бок о бок с иностранными рабочими» будут «драться на улицах европейских сто-

лиц» (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.—С. 28.)

Трудно сказать, чем была обусловлена эта уверенность — верой ли в правильность своих прогнозов или животным страхом перед необходимостью решать задачи государственного устройства без помощи европейского пролетариата. А ведь необходимо было заново отстраивать то, что было единожды ими же разрушено, притом отстраивать без каких-либо чертежей (не удалось их обнаружить ни в «Капитале», ни в «Анти-Дюринге»).

В общем было от чего стухнуть.

Однако мировая революция почему-то закапризничала, явиться на авансцену Истории не возжелала, и вожди октябрьского переворота, со знанием дела докружившие вдалие Российской Империи, оказались в том весьма щекотливом положении, когда патронов нет, а воевать тем не менее приходится. Итогом этого исторического казуса и явился феномен так называемого «коммунистического государства».

В современной западной терминологии «коммунистическое государство» определяется как некий симбиоз ГУЛАГа и неизбывных очередей за всем. Однако мы будем понимать под коммунистическим государством нечто более определенное.

По мысли известного морского историка В. Н. Чистякова, «коммунистическое государство» есть «временная форма устройства, в которой бывшая Российская Империя собиралась, по замыслам вождей злополучного переворота, просуществовать до мировой революции».

Однако, оказавшись далеко впереди паровоза Истории, зачинщики и творцы тогдашней перестройки зооцино убежились, что «коммунистическое государство», осуществившее-таки лелеемую ими политику военного коммунизма, оказалось абсолютно нежизнеспособным. За три года проело все ресурсы, накопленные Российской Империей за 300 лет (истекшие после последней Смуты), а производить и развиваться в соответствии с требованиями времени оказалось решительно не в состоянии. И господа революционеры впали в «разброд и шатание».

Поворот к реалиям и разгром революции — так называемый «термидор» — был неизбежен. И вопрос состоял лишь в том, кто осуществит его: некто из «этих» или кто-то другой?

К сожалению, переворот совершил человек из «этих»: «чудесный грузин», а в просторечии — Пахан. Думается, уголовная терминология здесь как нельзя более подходящая, ибо товарищ Сталин был человеком с уголовным (весьма удачным) прошлым. Превосходное знание преступного мира, его непреложных законов, изнанки человеческой души позволяли успешно грабить банки, убивать стражей порядка и уходить от погони.

Совсем иными были оппоненты товарища Сталина — троцкисты, зиновьевы, каме-

невы и прочие «бухарчики», являвшие собой тип недоучившихся как бы интеллигентов (весьма охочих до русской крови деклассированных аптекарей и портных). В их мозгах рисовался некий образ будущего, весьма далекий от реальности, а гордыня заставляла видеть в себе «сверхчеловеков» и «демонов революции» (очень удачное выражение: не повернется же язык сказать «ангел революции»). Но настал миг, и все вдруг узрели, что никакие они не сверхчеловеки, а обыкновенные, пользуясь уголовной терминологией, «шестерки».

Поучителен и финал, к которому закономерно пришли они, «бухарчики», ставившие себе, как сам Бухарин, в заслугу «массовое уничтожение беззащитных людей вместе с их женами и детьми» (Лит. газета, 22.03.89). Да и то сказать: разве мог Пахан пережить, что эти «шестерки» из числа «ленинской гвардии» оказались такими нехорошими людьми? И «бухарчики», готовые истребить весь мир, пошли под нож «унылыми покорными козлами и блеяли все, что было приказано, и блевали на себя, и раболепно унижали себя и свои убеждения», и выходили перед судом «облитые собственной мочой» (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 1989, № 9, с. 128).

Товарищу Сталину досталась роль величайшего антикоммуниста всех времен и народов: никто не станет отрицать, что больше всех коммунистов истребил именно он.

Из всей тараканьей своры Иосиф Виссарионович был единственным, кто осознал необходимость восстановления державы. Однако разумел он это по-своему. Ведь в случае восстановления «нормальной», т. е. «докоммунистической», государственности в ней не нашлось бы места ни самому товарищу Сталину, ни его подручным и уж тем более бойцам ленинской гвардии.

Идея державности, хотя и весьма своеобразно понятая, все же таки перемолола идею Третьего интернационала.

За подозрение в патриотизме вдруг перестали ставить к стенке. Начали проявляться зачатки исторического сознания — был подвергнут критике специализировавшийся на поношении русской истории и православных царей М. Покровский. На смену фильмам о героях гражданской войны пришли исторические фильмы «Петр Первый», «Минин и Пожарский», «Александр Невский», «Иван Грозный». Во время войны открылись храмы, из ГУЛАГа были выпущены — факт неслыханный — православные священники. Бывший семинарист осознал: без Бога нет Победы.

К сожалению, державная идея уместна вместе с тов. Сталиным. Менее кровавый и более мелкотравчатый, но шустрый премьник — малограмотный авантюрист Н. Хрущев окончательно угробил его де-

117

тище. Вместо того, чтобы действительно строить государство на разумных основаниях, «преодоление» «сталинизма» пошло по пути «преодоления последствий культа личности» путем «восстановления ленинских норм партийной и государственной жизни» (теперь-то мы, слава Богу, знаем, что это были за нормы!). То, с чем боролся тов. Сталин, издавая «краткий курс», расцвело махровым пустоцветом. Идеологическая интоксикация общественного организма достигла предела и разразилась анекдотом о коммунизме. В пожарном порядке были созданы кафедры научного коммунизма и начали читаться курсы.

Хрущевщина ознаменовалась также новой вспышкой антирелигиозного мракобесия — вновь закрывались и уничтожались храмы, начались гонения на верующих, о каких при тов. Сталине стали забывать.

Уже одно то, что всерьез предполагалось построить материально-техническую базу коммунизма за 20 лет и, соответственно, догнать и перегнать Америку, говорит о весьма сильном помрачении рассудка тогдашнего руководителя страны. Причем не о том помрачении, когда человек вдруг осознает себя чайником или шлангом, а об идейном помрачении, продиктованном содержанием самой идеологии. Правда, первым догнать и перегнать Америку вознамерился Ленин, однако весьма своеобразным способом. Необходимо «возможно скорее и всяческими мерами подгнуть, разложить, разрушить ее экономическое и политическое равновесие, подточить его и таким образом раздробить ее силу и волю к сопротивлению. Только после этого мы сможем надеяться практически «догнать и перегнать» США» — так говорил Ильич, позируя художнику Ю. Анненкову. (Сельская молодежь, № 10, 1989, с. 36).

Детище тов. Сталина рухнуло, и варианты подлинного оздоровления государственной жизни оказались нереализованными.

2. Оргмероприятия нового режима

*Отпадение от источника жизни
есть смерть*

КОГДА октябрьский переворот оказался неожиданно для всех успешен, вожди его, составлявшие по всем параметрам, в том числе и национальным, абсолютное меньшинство населения бывшей Российской Империи, встали перед весьма непривычной для них задачей управления огромной державой, к которой они относились весьма враждебно.

Враждебность эта носила, правда, скрытый характер, однако дальнейшие события показали, что вряд ли человеколюбивое руководство, любящее свой или тем более

чужой народ и свою страну, пошло бы на создание ГУЛАГа.

Захват власти осуществлялся благодаря неслыханной доселе демагогии, разжиганию в народе самых низменных чувств и инстинктов (один лозунг «грабь награбленное» чего стоит), обещаниям райской жизни на земле в 24 часа и т. д. Понятно, что эйфория разрушения, на гребне которой выплыли вожди октябрьского переворота, не могла продолжаться долго и должна была быть подкреплена долгосрочными и краткосрочными организационными мероприятиями.

Какие же условия должны были быть выполнены с целью подчинения себе враждебной страны?

Должна была быть создана жесточайшая система террора, а чтобы таковая была оправданна, необходимо было создавать «врагов», причем таких «врагов», которых можно было бы выдавать за «врагов» покоряемого народа и тем декларировать единство интересов завоевателей и завоеванных. Что и было создано.

Нужны были помимо собственных еще и иноземные карательные вооруженные силы для особо кровавых поручений. И они были сформированы из числа сотен тысяч военнопленных стран австро-германской коалиции. Бела Кун вместе с бравым солдатом Швейком и неразговорчивым латышским стрелком исправно делали свое кровавое дело, сжигая деревни и расстреливая стариков, женщин и детей. По подсчетам историков, численность «новонаемников» достигала полумиллиона человек. Любопытно, что охрану Кремля, в котором засело большевистское правительство, осуществляли латышские стрелки. И действительно, не преобращенцам же или семеновцам было доверить охрану правительства, стреляющего в «вверенный» ему народ?

Разумеется, все это могло иметь место лишь при соответствующем идеологическом обеспечении. Так, для того, чтобы поставить над собой вместо православногo царя кровавый интернационал, необходимо было пресечь на корню всякие попытки консолидации национально-патриотических сил, что и было с успехом сделано.

За подозрение в патриотизме ставили к стенке, так как патриот не мог не быть противником мировой революции и, следовательно, сторонником бандитизма и сатанизма в мировом масштабе. Впрочем, и сейчас слово «патриот» звучит подозрительно. С легкой руки левой прессы, «патриот» означает вяжуче «шовинист» и, натурально, «антисемит». А посему «патриотов — к стенке!»

Именно в те годы и родился глубокомысленный анекдот: что есть интернационал? «Интернационал — это когда на русских кораблях под занзибарским флагом в финляндских водах на немецкие деньги играют французский гимн».

Населению бывшей Российской Империи следовало внушить через все возможные

информационные каналы, что оно как народ — дрянь, что история его весьма сомнительная, впрочем, свинская, что страна отсталая и убогая и лишь под руководством товарища Ленина и Троцкого оно (население) может причаститься к мировой революции и преодолеть свое полуживотное состояние.

Однако деморализация народа и разрушение его исторического национального и нравственного сознания были бы невозможными без разрушения Церкви, включавшего в себя и физическое уничтожение духовенства.

Мыслимое ли было дело взрывать храмы в деревнях, скажем, в середине прошлого века? Да за одну такую мысль посадили бы на вилы, а то и на кол.

Стало быть, вера была крепка. Увы, невозможное стало возможным, неммыслимое — явью, коммунистическая сказка — былью ГУЛАГа.

3. Компоненты комидеологии

*Мы раздуем пожар мировой.
Церкви и тюрьмы сравняем
с землей*

(Из популярной некогда песни).

*Нам бы только день простоять
да ночь продержаться*

(А. Гайдар. Военная тайна).

ХРУСТАЛЬНУЮ мечту большевиков — управлять государством и наслаждаться выгодами этого процесса, не прилагая труда и не обременяя себя знаниями, — лучше и ярче всех выразил Лейба Давидович Бронштейн (Троцкий), говоря о том золотом времени, когда «колеса промышленности и сельского хозяйства будут вертеться, повинувшись электрической кнопке в руках ЦК нашей партии» (Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960, с. 395). Ну прямо-таки «Незнайка в Солнечном городе».

Бесспорно, идея коммунистического государства могла возникнуть лишь в воспаленном мозгу явно недоучившихся теоретиков.

Не будем забывать, что и само понятие «коммунистическое государство» являет собой некий противоестественный парадокс. Коммунизм отрицает государство и провозглашает его отмирание, правда, через построение государства диктатуры пролетариата.

Надо сказать, что, пытаясь определить, чьим интересам служит коммунистическое государство и кто им правит, «господа марксиды», в впоследствии товарищи марк-

систы попадали в весьма щекотливое положение.

Сказать, что правит рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством, можно было лишь скороговоркой, не вдаваясь в конкретный социологический анализ.

Но тогда неминуемо встает вопрос, кто же правит в общенародном государстве? «Сам народ во главе с рабочим классом и правит», — следовал мудрый ответ.

Прямо как в том самом анекдоте: «У нас все для человека, все во имя человека, и вы все знаете, кто этот человек».

В общем, теоретического туману было подпущено много.

Ни Веры, ни Царя, ни Отечества как такового не дозволено было иметь нашим дедам и отцам: вместо всего этого — Ленин, а позже Сталин.

Разумеется, все это стало возможным лишь в обезбоженной стране, где вместо Бога в душах несчастных людей поселяются идолы. Ужасно и то, что Ленин стал не для одного поколения людей символом всего того, чему во все времена учили с детства: веры в добро, патриотизм, нравственный идеал. И было это не чем иным, как извращенной формой язычества, но вполне искреннего и бескорыстного.

И вот когда идол опрокинут в грязь, а жрецы его наперегонки соревнуются в его оплевывании, получив предварительно все возможные материальные и нематериальные блага за служение ему, то что воскликнет честный безбожник и патриот-государственник? А вот что: «Защитим Ленина!!!» Несмотря на то, что уже самыми ортодоксальными журналами напечатано о Ленине такое, что волосы становятся дыбом. Но прислушаться к этому честный безбожник неспособен, ибо таким образом он, по его мнению, становится в один ряд с так называемыми «демократами» — разрушителями государства.

А отречься от антигосударственного по своей сути большевизма мешает ему недостаток исторического знания, ибо он убежден, что история России и ее государственности началась в 1917-м («Ленин — основатель НАШЕГО (чьего «нашего?») государства»).

Оттого-то путь безбожника-патриота в историю заказан, а противодействие «демократам»-антигосударственникам связывается с идеологией коммунизма, похеренной, кстати, товарищем Сталиным, превратившим марксизм-ленинизм в род катехизиса «для дураков», коль уж не было возможности покончить с ним сразу.

И не кто иной, как товарищ Сталин, покончил с тараканьей сворой «бухарчиков» — «ленинской гвардией».

Так что отречение от ленинизма — это вовсе не потрафление «демократуре», как полагают честные безбожники, а необходимый момент очищения сознания.

Б. КУРКИН,
кандидат юридических наук

«ОН НАШ ВПОЛНЕ»

«Идейно мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души».

(Патриарх ТИХОН)

«Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие чуждые пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариата всех стран».

(М. ГОРЬКИЙ)

ЛИЧНО мне Б. Куркин не известен. Посему о мотивах, которыми продиктована его статья, судить не берусь. Смысл статьи мне ясен. Он обозначен уже в ее первом абзаце. Если я ошибся, автор меня поправит.

Итак, речь идет о крахе «перестройщиков», о самодискредитации «демократов», погружающих наше общество «в пучину хаоса и анархии», разваливающих тысячелетнее государство. Казалось бы, это и есть главное зло сегодня. Но не против него, понимая и вроде бы осуждая все с ним связанное, острит перо Б. Куркин. Он искренне опасается, что подлинно демократические и патриотические силы вновь обратятся «к наследию вождя трудящихся всех стран и мирового пролетариата», и с размаху обрушивается на Октябрь и большевиков, Ленина и ленинизм.

Во всей послеоктябрьской истории автор не видит ничего, кроме козней «пахана» (Сталина), «шестерок», «тараканьей своры», «бандитизма и сатанизма в мировом масштабе», «дьявольского искушения» и прочих прелестей, давно приписываемых советскому строю его противниками у нас и за рубежом. И хотя автор внешне и отмежевывается от западного определения «коммунистического государства как «некоего симбиоза ГУЛАГа и неизбывных очередей за всем», его позиция, увы, не отличается новизной, и разбирать ее малопродуктивно.

Одна из любимых идей Б. Куркина — якобы осуществленное большевиками «разрушение исторического сознания». Но на соиздание ли исторического сознания ра-

ботает он сам, заявляя, что возникшее после Октября Советское государство «оказалось абсолютно нежизнеспособным»? Абсолютно нежизнеспособное государство не смогло бы в считанные недели создать народную армию и затем победить в жестокой гражданской войне. А ведь против него выступала высокопрофессиональная военщина реакции, призвавшей на территорию своей родины войска нескольких иностранных держав. С переходом от гражданской войны к гражданскому миру «абсолютно нежизнеспособное» государство сразу же отказалось от вынужденной фронтовыми условиями политики военного коммунизма и в течение полутора лет (полутора!) добилось стабилизации экономического положения валюты до конвертируемости рубля. Ничего подобного не в состоянии сделать самые популярные вожди «перестройки», немало потрудившиеся над разрушением Советской власти. Не являются ли подлинным разрушением исторического сознания, мягко говоря, неточности в оценке деятельности государства рабочих и крестьян тех далеких и славных лет?

СОВЕТСКОЕ государство, утверждает Б. Куркин, «за три года проело все ресурсы, накопленные Российской Империей за 300 лет (истекшие после последней Смуты), а производить и развиваться в соответствии с требованиями времени оказалось решительно не в состоянии». Здесь все, как говорится, «с точностью до наоборот». «До того» проело ресурсы как раз царское и сменявшее его

буржуазное Временное правительство. Весна и лето 1917 года проходили под знаком нависшей национальной катастрофы. Факт страшной хозяйственной разрухи, усугубленной трехлетней захватнической войной, признавали все партии, и только большевики, получившие тяжелейшее наследство, сумели предотвратить распад и уничтожение Российского государства. Я уж не говорю о последовавших восстановлении народного хозяйства, его электрификации и индустриализации, подлинном культурном возрождении, превративших нашу страну в мировую державу, позволивших ей одержать победу в Великой Отечественной войне...

До сих пор я не упоминал о Ленине, с именем которого прежде всего связаны перипетии рождения новой власти. Думаю, что в историю он войдет как величайший зиждитель отечественной государственности, предотвративший надвигавшийся, уже спланированный за границей империалистический раздел России. От этой участи Россию мог спасти лишь союз рабочего класса и трудового крестьянства, коллективистский общественный строй. Сейчас, когда в результате чудовищного предательства капитализаторов во главе с Горбачевым такая угроза вновь маячит над нами, следует твердо помнить этот урок.

«Парадоксальным, на первый взгляд, образом, — пишет Б. Куркин, — хулы в адрес Ленина исторгаются нынче в основном теми, кто является прямыми наследниками его слов и дел — русофобами всех мастей, безбожниками и антигосударственниками. Защищают же Ильича сегодня те, кто более всего пострадал от ленинизма. Воистину «чужды дела Твои, Господи!»

Однако парадоксального тут ничего нет. Ленин никогда не был русофобом. Он был патриотом и интернационалистом, причем именно интернационализм поднял русский народ в XX веке на такую морально-политическую высоту, на которую не мог претендовать ни один народ в мире. Не случайно «архитекторы» провальной «перестройки», захватив монополию в средствах массовой информации, использовали в качестве своего главного идейно-психологического оружия демагогическое внушение советским, в первую очередь русским, людям своего рода комплекса неполноценности, который совершенно несовместим с ленинским представлением о национальной гордости великороссов. Разумеется, в окружении Ленина подвизались и такие деятели, которые не разделяли многое из его взглядов (достаточно напомнить о Троцком, прямо повинном в гибели цвета казачества, и о циничном Бухарине), но, во-первых, на грамотных и политически активных людей революция испытывала настоящий голод, во-вторых, названные лица постоянно вели против Ленина упорную, доходящую до травли борьбу. Я уже не говорю о Троцком (благодаря стараниям Сталина его антиленинские «художества» широко известны), но и «Бухарчик» постоянно вста-

влял палки в колеса вплоть до последнего спора о монополии внешней торговли.

Неважно к Ильичу обусловлена в первую голову тем, что в его лице гигантская угнетенная рабочая масса впервые за тысячелетия обрела совершенный орган самосознания, ясный мозг и всевидящее око. Уничтожить этот орган, убить этот мозг, выколоть это око — мечта всех буржуа, всех паразитов, всех ими обманутых, так или иначе заинтересованных в эксплуатации, по возможности скрытой, людей физического и умственного труда.

Кому из протерывающих темные делишки нужен зоркий и неусыпный разоблачитель? Кому из обогащающихся нужен тот, кто выворачивает наизнанку, пользуясь беспощадной логикой научного анализа, весь неприглядный механизм обогащения за чужой счет? Ленин и мертвый страшен «рыцарям» наживы потому, что просветляет умы их жертв, что является величайшим заступником массы, которую те стараются держать в темноте, сбивая с толку, одурманивать ложью и алкоголем, сексом и «шопом», мистикой и роком, словом, всеми фабрикатами той псевдоцивилизации, которая увековечивает всевластье денежного мешка. Я отнюдь не хочу бросить здесь тень на Б. Куркина лично. Он наверняка осуждает весь этот «сатанизм». Но независимо от чьих-либо благих намерений объективно всегда поднимается поставленный еще М. Горьким крупнейший вопрос: с кем вы, мастера культуры?

«Большой силы был Владимир Ильич, — писал сормовский рабочий Петр Заломов Н. К. Курпской 25 января 1924 года, — но он взвалил на свои плечи весь мир и, вытянув из буржуазного болота пролетарский воз, надорвал свои силы... На протяжении десятков лет Ильич неуклонно шел к намеченной цели и был выразителем всех наших дум и стремлений. Мы не можем найти у него ни одной фальшивой ноты — он наш вполне. Если бы среди нас нашелся рабочий, равный гению и научным познаниям с Владимиром Ильичем, то он не смог бы лучше выразить глубину нашей души, не смог бы лучше отстаивать дело мирового пролетариата...

Вы понимаете, какой восторг охватывает нас, когда мы видим вождя, составляющего с нами одно целое?

Мы схоронили всех старых богов и никогда, никогда не создадим себе новых! Мы вовсе не думаем обожествлять товарища Ленина — мы с ним равны! Мы заслужили такого вождя, и он, достойный нас, вправе гордиться нами. Понимаете ли Вы?!.. Товарищ Ленин — часть нас самих. Он органически связан с нами, и эта связь будет крепнуть по мере большего знакомства с его работами, с его личностью...

Мы, старые рабочие, начавшие борьбу против капитализма десятки лет тому назад, не создаем себе иллюзий и знаем, что еще много, много лет будет длиться самая напряженнейшая, жестокая борьба труда с капиталом, и мы готовы на все.

Со всех сторон сыплются нападки на коммунизм, на коммунистов, и в последнем случае нередко заслуженные. Можете ли Вы понять нашу радость? Радость возможности показать действительно безупречного идейного коммуниста, перед именем которого умолкает всякая клевета...»

Но вернемся в наши дни.

КОГДА в первых числах сентября 1991 года по Москве поползли слухи о намерениях «демократов» упрятать прах Ленина в пригрозенную Собчаком могилу, стала подниматься, сурово оцетинилась трудовая Москва. Появились ночные пикеты у Мавзолея. После затянувшегося «перестроечного» безвременья в ней начали пробуждаться те же, что у Заломова, глубоко укорененные чувства, и она в одночасье поняла, что реставраторы капитализма отнимают у народа наряду с хлебом насущным также духовную опору, делают его во всех отношениях бессильным и беспомощным перед наступлением рыночной рати.

Мы переживаем сейчас такое время, когда большинство общества ощутило тяжелое похмелье после кошмара разрушительной «перестройки», которую взялись проводить люди, не умеющие и не желавшие ничего строить. При этом наиболее действенным способом вызволения страны из кризиса может быть лишь энергичное творческое обращение к ленинскому наследию, донные из всех многочисленных концепций наиболее полно учитывающему исторические реальности России, ее психологический и интеллектуальный облик, соединение исключительной терпеливости, духа казацкой волиницы и державной воли Петра, — естественно, с обязательным учетом всего прогрессивного, наработанного за истекшие десятилетия и у нас в стране, и за рубежом.

Но какие только чудеса не выделываются, чтобы отвратить соотечественников от этого единственно разумного решения! Газетка «Красная Пресня» недавно дописалась до того, что стала воспевать как утраченную «надежду» скандально знаменитого любимца последних Романовых, монаха Григория. «Я и сейчас вижу лицо Распутина и верю этому лицу, — умиленно вещает автор. — И я не могу не ощущать, что, если бы он не был убит, все было бы иначе, лучше. Все было, как у людей...» (1992, № 2, с. 3). Всякого мы насмотрелись и заслушались за годы горбачевщины... Но такое юродство, согласитесь, все же редкость!

Позволю себе парадокс. Сейчас многие патриотически настроенные люди, начитавшиеся очернительской литературы о большевиках и большевизме и практически незнакомые с другой, видят единственное спасение в возврате к православию. Многих из них можно понять. Особенно это относится к девочкам и мальчикам, застигнутым «перестройкой» в десять-двенадцать лет и отброшенным от традиций Просвещения и революционного демократизма

бессовестной яковлевской пропагандой американизма и космополитизма. Куда тут податься, за что зацепиться истой и цельной душой?

Было бы странным с моей стороны упрекать Русскую Православную Церковь в том, что она во всю старается воспользоваться этой ситуацией. Марксистская мысль придушена и официальными властями, и захваченной «демократами» прессой. Научное обществоведение становится по сути невозможным. Формирование диалектико-материалистического, реально-гуманистического мировоззрения подрастающих поколений по большей части пушено на самотек, а во многих случаях пресекается самими же занявшими рептильную и безнравственную позицию попами-расстригами марксистского прихода. Очевидно, в этой скабрешной обстановке увлечение душ православным священством является иногда единственным средством духовного спасения. Ибо между истинно христианской (неханжеской) нравственностью и нравственностью общинно-гуманистической нет антагонистических различий.

Констатируя эти житейские явления, я не могу, однако, не выразить удивления узостью позиции, занятой официальным православием. Разумеется, сужу здесь далеко не обо всем клире, а, возможно, даже об одном, но весьма влиятельном его представителе. Имею в виду отказ от должного покаяния за великий грех освящения антинародной власти, доведшей россиян до социального иступления трех революций, за позорные факты поддержки белого террора в годы гражданской войны, изменничества отдельных священнослужителей в годы Отечественной. В этой войне Русская Православная Церковь в целом, за изъятием немногих отщепенцев, совершила акт духовного подвижничества. Она повинилась перед народом и по бессмертному примеру Сергия Радонежского и Гермогена приняла вдохновляющее участие в общепатриотической борьбе. Почему же нынче многие пастыри «зациклены» на былые обиды, полны жажды реванша и не в состоянии перешагнуть, подобно патриархам Сергию и Алексию I, через собственную гордыню? По-христиански ли это? Не готовит ли себе близорукое духовенство, перепутавшее мирскую суетность со Служением, новый отрыв от народа, упорно толкаемого властями в бездну нищеты?

Что церковь была гонима после революции, поскольку утратила доверие в толще народной, отрицать почти невозможно. Однако многие нынешние публицисты обильно валят все на «зловредное» безбожие большевиков. Да и причины наказания церковников нуждаются в серьезном трезвом освещении. Не кто иной, как предсудитель святейшего синода митрополит Евдоким, в интервью 25 января 1924 года заявил следующее: «В заграничной, главным образом белогвардейско-эмигрантской прессе Ленин изображался как неистовый гонитель и ненавистник православной церк-

ви и религии вообще. Это в конце концов неверно. Ленин относился к верующим в высшей степени справедливо-беспристрастно и боролся только с преступниками в рясе».

ЛЕНИНУ частенько противопоставляют заново подрубленный и отлакированный образ «царя-мученика» Николая II. Поговаривают о его «святости», впадая, с истинно христианской точки зрения, в зловещее кощунство. Прощают ему даже 9 января 1905 года — «Кровавое воскресенье», когда, повелев (или позволив) стрелять в народ, он предопределил собственную участь. Принято разглаживать о том, что царь-де «ничего не знал» и его не было в этот день в Петербурге. Но он, несомненно, был предупрежден и после трагедии отнесся к происшедшему как к должному. Вот письмо к Николаю священника Г. Гапона, отвезенное двумя доверенными лицами в Царское Село 8 января:

«Государь, я боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице. Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа.

Если ты, колеблясь душой, не покажешься народу и если прольется неповинная кровь, то порвется нравственная связь, которая до сих пор еще существует между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет.

Явись же завтра с мужественным сердцем перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию.

Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем неприкосновенность твоей особы».

Что было потом, мы знаем. По милости «особы», как указывает тот же Г. Гапон, в мирной столице было убито до 900 и ранено не менее 5 тысяч человек. Царь ничего не понял и ничему не научился. Об этом свидетельствует циничный прием им 11 января поддельной депутации из 30 рабочих, перед которой он, не отрывая глаз от листка бумаги, прочел бездарную назидательную речь и, абсолютно не интересуясь реакцией слушателей, немедленно удалился. Так была осуществлена «обратная связь» с потерпевшим народом, после чего народное терпение лопнуло.

— Ну, и к чему все это? — спросит читатель. — И где обещанный парадокс?

А парадокс вот в чем. Все поведение Ленина, его подвижническая жизнь, жизнерадостный аскетизм, социальный оптимизм и самопожертвование, его слитность с миллионами угнетенных и обездоленных куда больше соответствуют общечеловеческим заповедям Христа (если, конечно, брать их в престолярной первоизданности, без обработки и испорченности цер-

ковной догматикой), чем деятельность любого из политических и государственных мужей прошлого. Не случайно научный коммунизм (естественно, в неталмудическом понимании) называют светской формой христианства, так же, как христианство, взятое без привнесенной в него проповеди рабской покорности, с поправкой на конкретно-исторические условия, может быть признано изначальной, во многом мифологизированной, донаучной систематизацией стихийно-коммунистических идей.

Исторический опыт показывает, что эти идеи, в религиозной ли, утопической, или какой-нибудь другой форме, всегда неразлучны с человечеством, несмотря на раздражающий его частнособственнический индивидуализм и национальный эгоизм. По временам церковь выступала их носителем, но чаще прислуживала власть имущим, какой бы неправедной эта власть ни была. Именно прислуживание, слишком усердное, и подорвало духовность российского священства на перевале XIX—XX веков, унизило его до уровня обычного чиновничества, выявило его паразитарные замашки. Кто спас дело духовного просвещения масс, которое выпустили из своих рук церковники? Коммунисты. Благодаря их усилиям, ленинским идеям народ не опустился, не распался на местнические уделы, а, наоборот, поднялся до глобально-космического самосознания, утвердил себя как гарант мира на планете. Почему бы Русской Православной Церкви, если она определяет праведников не по формальной религиозности, а по делам их, не причислить к лику святых Владимира Ульянова (Ленина), положив тем самым благое начало не противопоставлению, а, наоборот, соединению национальных святынь? Почему бы? Уверен, это дало бы мощный импульс патриотической консолидации и сделало бы всех нас крепче перед лицом разрушителей, ненавистников и клеветников России. Почему бы?..

Уже упомянутый митрополит Евдоким, воздавая должное памяти Ленина, отмечал: «Прагматизм и практицизм гуманитарных идей по преломлению их в живом строе социальных отношений, живая игра бриллианта душ человеческих — вот тот, я сказал бы, не памятник, а живой лик Владимира Ильича, который будет постоянно смотреть на нас, а мы, всматриваясь в него, будем чувствовать долг — живой неослабный долг исторической конкретизации его».

Не спешите хоронить Ленина и его дело. Оно бессмертно, ибо жив народ. Никакая «перестройка», никакой рынок, что бы там ни продавалось, не смогут убить в нем тягу к человеческому единению, к гуманному общежитию, в котором только и возможен расцвет каждой личности. Россия всей своей историей, всей своей судьбой придвинулась к такому общежитию ближе других. Не заставляйте ее отказываться от самой себя.

Р. КОСОЛАПОВ,
доктор философских наук

СПАСЕНИЕ В ПОДЛИННОЙ ДЕМОКРАТИИ

События октября 1917 года в России при всей противоречивости оценок и сегодня остаются эпохальной вехой не только отечественной, но и мировой истории. И по непосредственному воздействию, и по благотворному влиянию на судьбы многих стран и народов.

Этого не признают только недруги Великого Октября. Они сознательно его опошляют и дискредитируют.

На такой, с позволения сказать, основе пресса, телевидение и радио чернят и извращают историческую правду об Октябрьской революции, «отлучают» Октябрь, Ленина, партию большевиков, а заодно и миллионы их сторонников — трудящихся от демократии, чтобы разобщить и деморализовать людей, живущих на зарплату — это в их сознании подлинная демократия ассоциируется с идеалами, начертанными на знаменах Великого Октября. Именно их точка зрения на демократию наиболее демократична. «Демократия» для меньшинства за счет громадного большинства трудящихся — бессовестный обман, пародия на народовластие.

Напомню — именно Ленин, большевики, идя навстречу Октябрю, четко выразили в своих программных требованиях волю народов России, ее населения: мир — народам, власть — Советам, фабрики и заводы — рабочим, землю — крестьянам, право на самоопределение — угнетенным нациям.

Все наиболее важные победы большевиков в послеоктябрьский период были тесно связаны прежде всего с претворением в жизнь демократической платформы и политики, так же, как неудачи и поражения в период гражданской войны, массовой коллективизации — с проявлениями догматизма и левачества, с попытками решать труднейшие социально-экономические и политические проблемы путем «кавалерийских наскоков» и «красногвардейской атаки на капитал».

Перестройка, начало которой положил апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, развертывалась как продолжение и развитие дела Октября, осуществление лозунга «Больше демократии — больше социализма», восстановление ленинских традиций в партии и обществе. Не имея под собой солидной научной базы, к лету 1988 года она зашла в тупик.

Во время августовских событий 1991 г. возвращение к тоталитарной модели социализма не состоялось. Естественно было ожидать, что в результате подавления антидемократического заговора в стране произойдет упрочение конституционных основ, укрепится народовластие. Оптимисты полагали, что уж теперь-то перестройка обретет второе дыхание, что будет новый рывок к подлинному демократизму. Тем горше разочарование от того, что произошло, происходит и еще произойдет в России...

Разве это не попятное движение, не поворот от социалистического выбора к господству, говоря ленинскими словами, «верхних десяти тысяч», к господству капитала? Отсюда понятно, кто и почему заболтал перестройку, надругался над ее девизом «больше демократии — больше социализма», почему вдруг стали «без надобности» Советы и многое другое, что хотя бы отдаленно воскрешает в памяти народа октябрьские «мотивы». Более удобно, оказывается, не в демократию играть и не заботиться о силе права, а без страха и сомнения пользоваться правом силы вплоть до применения практически диктаторских полномочий. Зачем тревоги и волнения насчет возможной негативной реакции демократической общечеловечности, если в интересах «нового» курса надо как можно скорее изничтожить саму идею социализма и коммунизма.

Между тем последние события наглядно показывают, что народ начинает остывать от эйфории в связи с «победой» под стенами Белого дома. Он не приемлет «демократии», провозглашенной от его имени, но ему не служащей. Такая «демократия» неизбежно ведет ко все большему отчуждению людей друг от друга, к социальным конфликтам и катаклизмам. А нашему обществу, чтобы подняться на ноги, крайне необходимы мир и гражданское согласие, что требует удовлетворения жизненных потребностей всех трудящихся. Это возможно только на основе выбора, который сделан в октябре 1917 года, на основе социалистических принципов, которые приобрели в наше время поистине общечеловеческое значение.

В. ЗАНИН,

доктор исторических наук, профессор.

КТО РУЛЕВОЙ?

Не далеко ушло от нас то время, когда, включив радио или телевизор, мы могли услышать торжественный, величавый распев:

Партия наши народы сплотила
В братский единый союз трудовой.
Партия — наша надежда и сила.
Партия — наш рулевой! Партия — наш

рулевой!

Давно ли мы все пели эти песни. И никому — ни ребенку, ни взрослому не нужно было объяснять, о какой это партии идет речь, кому воздается всенародная хвала. Она была у нас одна, потому и писалась с прописной буквы — Партия, а Бог, например, уже шел с буквы строчной.

В этом месте я хочу предостеречь от искреннего заблуждения тех, кто подумает, что мой этимологический этюд направлен исключительно против КПСС. Это не так. Кто-то, возможно, согласившись с моими наблюдениями, дополнит их своими и решительно подведет итог: «Нужна многопартийная система!»

Но ведь система такая у нас уже была, можно возразить заочному собеседнику. И она будоражила страну ни много ни мало — целых 12 лет, с 1905 по 1917-й год. Два ее главных достижения — это кризисы российского общества, разрешившиеся сперва Февралем, а потом Октябрем 1917 года.

Крушение монархии и с нею национального государства стало возможным из-за утраты народом своей цельности. Сначала духовной (появился новый идеал — социализм) и моральной (появилась новая мораль — классовая, партийная), а затем и материальной (отчуждение крестьян от земли, подавление государственной собственностью всех остальных видов собственности).

Идея партийности, занесенная в народный организм, породила несколько политических партий, которые можно сравнить с корнями дерева, растущего на крепостной стене. Проникая в тончайшие щели, залезая в широкие трещины, ослабевающие, выветрившиеся швы, корни постепенно расшатывали и разрушали прочную кладку, рвали, делили ее на части. И этот принцип разделения, дробления государственного тела (с целью последующего его захвата), лежащий в основе происшедших и происходящих социальных катаклизмов, является принципом всех партий, некогда зародившихся в глубинах тайных обществ розенкрейцеров и иллюминатов, вышедших на свет и крещенных кровью в эпоху Французской революции и распространившихся по всей земле.

Глубинный смысл самого понятия «партия» прослеживается и на лексическом (словесном) уровне.

В латинском языке существительное имеет следующие значения: 1. часть (партия льна от общей массы урожая); 2. участие, доля (партия изыскателей направилась в горы); 3. сторона (встать на партийную точку зрения); 4. партия (современное значение); 5. роль (отсюда выражения: партия тенора в опере; или сыграть партию во что-либо. Например, в коммунизм).

Производный от *pars* глагол *partio* уточняет нашу мысль: 1. делить, разделять; 2. распределять, раздавать; 3. быть причастным, получать свою долю. Отсюда: *partiarus* (партиец) — участвующий в чем-либо, имеющий долю. А существительное (партийность) — разделение, расчленение, распределение — наповал бьет наших демократов и радикалов. Народ они уже разделили, теперь остается расчленить Россию и начать распределять ее богатства. Целая программа действий, вырастающая из одного лишь слова, происходящая от одного корня!

Потому-то основной предмет моего этюда вовсе не КПСС и не многопартийность.

Главная моя мысль в противопоставлении идеи партийности идее соборности, идее не дробления, а собирания, единства подлинного, природного, а не словесного, плакатного; единства всенародного, а не группового. Партия не может объединять, это противоречит ее сути, и если нам доказывают, что в годы Великой Отечественной войны партия была объединяющим началом, то это говорит лишь о том, что жизненные обстоятельства, логика объективных исторических событий принуждали ее подстраиваться под народный дух, а не бороться с ним, принуждали забыть на время бесполезные, отвлеченные партийные догмы, решения конференций и съездов.

Ни моно-, ни многопартийности не удержат Россию на краю пропасти. Это сможет сделать только соборность — внеклассовое, внепартийное единение вокруг высших духовных ценностей: патриотизма, любви к Отечеству и ближнему, верности заветам предков. Соборность — это ответственность за Родину перед Богом, а не перед собратями по партиячке, не перед молодой женой и друзьями по сауне или бильярдной, не перед Интерфронтм или междепутатской группой. Соборность — это честь и совесть, не аршинными буквами намалеванные на бетонном заборе, а огненными словесами горящие в сердце.

Р. БАЛАКШИН.

ПРОРУБИМ ЛИ В ЕВРОПУ ДВЕРЬ?

Россия всегда отличалась плохими дорогами. Однако наиболее опасно сейчас социальное бездорожье к рынку. Оно чревато невиданными авариями.

Первые жертвы уже есть. Предприятия увольняют пожилых, слабых, не успевших получить квалификацию. Некоторые чуть ли не злорадствуют: пришел, дескать, конец гигантскому дому призрения. Однако давайте заглянем под крышу дома общеевропейского, где все мы не прочь стать подселенцами...

В ГЕРМАНИИ, например, каждый предприниматель обязан 6 процентов рабочих мест оставить инвалидам. Или обеспечить им полноценное содержание. Досрочный выход на пенсию здесь приветствуется (есть соответствующий закон), при этом будешь иметь не менее 65 процентов от заработка. Если на освобождаемое пенсионером место приходит ювчинок, то федеральное ведомство компенсирует хозяину 35 процентов затрат.

Не надо путать все это с благотворительностью. Перед нами прагматизм — характерная черта западноевропейского функционального социализма. Эффективность экономики и ее нравственность — две стороны одной медали. Золотой медали под названием «процветание». Это стоило бы познать и нам, бредущим через социально-правовые ухабы к рынку.

Итак, начинаем разгосударствление. И здесь возникает первый из ухабов. Каково происхождение капиталов, радостно зашелестевших купюрами и газетными статьями по поводу приватизации?

Задавать подобные вопросы некоторые считают неприличным. Однако нам стоило бы знать, например, что в Японии подготовлен проект по переводу всех сбережений граждан на единые счета. Что в Италии при внесении вклада обязательно проверка документов, удостоверяющих личность клиента. В конце концов, во всем мире знают своих миллионеров едва ли не наперечет. У нас они, кроме А. Тарасова, «по-социалистически» скромны.

Сомнение, возникающее по поводу будущих хозяев заводов, не только морального, но и сугубо рационального плана. Мы заклеямили застойщиков и «коопиратов». Однако на суперукупционе, где выставляется уже едва ли не вся страна, к их купюрам, достойным портрета Брежнева, призываем относиться с уважением. Но ни у посредников, ни у коррупционеров, ни у явных теневиков опыта управления современными предприятиями нет. Значит, вып-

лывают те из них, кто сумеет нанять грамотных менеджеров. Так не лучше ли нанять их государству? В противном случае неизбежны социальные потрясения. Безнравственный капитал никогда не принесет обществу успеха.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ бизнесмены сейчас озабочены ускорением первоначального накопления капитала. Это обещает не только более жадное присвоение прибавочного продукта трудящихся, чем во всех цивилизованных странах. Предпринимаются периодические атаки на налоговую шкалу — не самую жесткую по сравнению с европейскими странами. Что будет означать успех этих попыток?

Госбюджет вряд ли сможет поддерживать убыточные предприятия. Не станет приобретать многие из них и частный капитал, стремящийся к немедленному обогащению. Не случайно речь уже идет о десятках миллионов безработных. Ими станут не просто «слабые», но и те, кому когда-то не повезло: поступил на хилый завод-дишко или родился в трудоизбыточном регионе. Несправедливо? Значит, не будет и эффективно.

Еще с конца прошлого века известен принцип швейцарского ученого Парето. В нашей ситуации он означает, что экономическая система страны развивается только до той поры, пока не будет ущемляться какой-либо ее элемент.

Одним из таких элементов — убыточная угольная промышленность. В шахтах у нас все чаще взрываются не только газ, но и страсти. Повод для новых, разорительных для всей страны забастовок весомый: возможная отмена дотаций, превышающих ныне 6 миллиардов рублей в год. Потребители вряд ли смогут покрыть эту сумму из своего кармана. Между тем и на Западе добывающие отрасли в силу своей специфики не обходятся без поддержки государства. Мы же, кажется, снова хотим «догнать и перегнать», став самыми рыночными в мире.

А ведь в развитых странах Европы давно говорят о социально-рыночной системе. Она предусматривает, в частности, в Швеции не столько выплаты пособий, сколько профилактику безработицы (до 70 процентов общих субсидий по этой статье). Крупные вложения в тщательно планируемую переподготовку кадров окупаются с лихвой. Иначе уж больно велики экономические и нравственные потери.

Согласно исследованиям американского социолога Харви Бреннера, при увеличении безработицы только на один процент в тюрьмах оказывается на 4 процента больше преступников; на 5,7 процента возрастает число убийств; резко увеличивается количество психических заболеваний.

Впрочем, нам далеко ходить не надо. «Вынужденная незанятость» в Азербайджане, например (она выше в 2—2,5 раза, чем в среднем по стране), отнюдь не подстегивает производство, как надеются рыночные мечтатели.

ЭКОНОМИЧЕСКИ неоправданная дифференциация доходов и закономерно связанный с ней рост преступности — еще одна кочка, о которую мы спотыкаемся уже давно. Пора ее заметить хотя бы в виде такой статистики.

Пик преступности вплоть до 1990 года (абсолютный рекорд при Советской власти) у нас приходится на 1947 год — 809 судимостей на 100 тысяч человек. А затем, после проведения денежной реформы, сгладившей доходные различия, этот показатель стал снижаться. В 1954 году он составил 399. Итогом мер в пользу социальной справедливости, предпринятых при Н. С. Хрущеве, стало снижение судимостей к 1965 году до 249. Зато за последнюю треть века средние темпы прироста преступности равнялись 9,8 процента. А в 1989 году (когда сработали «перестроечные» механизмы «борьбы с уравниловкой») — достигли 31,8 процента.

Как не дивиться борьбе с уравниловкой в обществе, которое уже к «перестройке» подошло с колоссальным материальным расслоением? Сейчас восемьдесят процентов сбережений — у трех процентов вкладчиков, а внутри этой прослойки есть свои лидеры и отстающие.

По подсчетам профессора А. Сергеева, экономической неравенство у нас выше, чем даже в США. (По данным объединенного экономического Комитета конгресса США, 0,5 процента населения страны владеют 35 процентами национального богатства).

Безмерная дифференциация порождает преступность. Она же превращается в перманентную гражданскую войну за передел материальных благ. В этих условиях государство вынуждено наращивать свой контролирующей, карательный аппарат.

Реальны ли надежды бывшего советского рабочего или инженера на увеличение доли зарплаты в объеме произведенного им национального дохода (сейчас она при-

мерно вдвое ниже, чем в законопослушной Швеции)? Нет! Все дополнительно производимое будет и впредь проедаться двумя мускулистыми борцами — схватившимися государством и преступным миром. Даже если противоборство будет лишь имитироваться.

Законопослушность — не черта национального характера шведов. Дело в трех принципах «шведской модели». Это полная занятость, справедливое распределение благ и наименьшая дифференциация доходов. Кстати, по последнему параметру шведское общество различается не более, чем в соотношении 3:1. То есть, у предпринимателей заработка в среднем всего втрое выше, чем у рабочих. Действуют фискальные механизмы. Налог на личный доход достигает 75 процентов. Значит, выгоднее помогать прирывать в развитие производства (налог порядка 50 процентов), решение социальных и экологических проблем (еще ниже).

Об этом стоило бы задуматься тем нашим «западникам», которые на реальный опыт Запада смотрят как-то очень избирательно. С одной стороны, пугаются высоких налогов, а с другой — завидуют таковым социальным программам. Второе невозможно без первого. Не случайно министерство здравоохранения Швеции получает более четверти госбюджета, министерство образования — почти седьмую часть, а обороны — лишь двенадцатую. Не это ли, кстати, слагаемые чрезвычайно высокой продолжительности жизни шведов? А ведь она — показатель, суммирующий как эффективность экономики, так и ее нравственность.

И в нашей небогатой стране госналоги — единственный реальный стройматериал для преодоления социального бездорожья. Кучки склонных к благотворительности богатеи ничего не решат.

Умение тех же скандинавов регулировать все основные процессы — урок дня. Его необходимость подтвердили и наши собственные шаги по рыночной дороге. Взять хотя бы кооператоров.

У нас столько говорили о засилье административно-командной системы и западных свободах, что на первых порах разрешили им все мыслимое и немыслимое. Вспоминаю недоумение работников правоохранительных органов, получивших тогда негласный приказ: «Предпринимателей не трогать!» Офицеры пожимали плечами и многозначительно показывали пальцами куда-то наверх.

Итак, сначала разрешили все, а потом под злые крики опьяневших от экономического беспредела «бизнесменов» стали ограничивать. Цивилизованные рамки надо было предложить им с самого начала. И не поленились заглянуть в устав Международного кооперативного альянса. Он ведь ограничивает размер прибыли по внесенному паю. Так общество мягко, но решительно направляет производителя в нужную нишу. Заставляет решать экологи-

ческие, социальные и другие «нерентабельные» проблемы.

Обращает на себя внимание не только странная очередность разрешительных и ограничивающих мер (они должны бы приниматься одновременно), но в трудное прохождение грамотных поправок к Закону о кооперации. Назрела необходимость принятия антилоббистского закона (в США он датирован 1947 годом). На вещи надо смотреть трезво: теневая экономика порождает теневую политику.

ЧТО ЖЕ произошло в условиях практически полного отсутствия фискальной системы? Когда в 1989 году в Москве наконец проверили 1723 кооператива, то в 933 из них были установлены нарушения в определении облагаемых налогом доходов. Это преступление, на которое у нас по-прежнему смотрят едва ли не сквозь пальцы, на Западе считается одним из наиболее серьезных.

В наших специфических условиях оказалось, что наибольшую прибыль предпринимателям приносит не рост производства, а именно дефицит. Ведь при колоссальном расслоении общества всегда есть клиенты, способные купить необходимые им вещи по любым ценам. Коренная причина этого — невероятный разрыв между товарной и денежной массой.

Здесь в пору обратиться к опыту западных зон Германии, когда, поднимаясь из руин, здесь только начинали путь к социальному рынку. В 1949 году была проведена денежная реформа. Каждый гражданин получил по 40 новых марок. Остальные сбережения (по предъявлении декларации о доходах) помещались в банк и замораживались. Разморозка этого финансового холодильника происходила по мере того, как насыщались прилавки. Денег в обороте стало мало. Спекулянты, размышлявшие о миллионных барышах, потерпели крушение. Ведь цены на хранимые ими товары резко упали.

Многое проясняют слова Гельмута Коля по поводу 40-летия «перестройки» в Западной Германии — экономической и денежной реформ. Канцлер однозначно заявил, что политика социальной рыночной экономики подразумевает отсутствие очень богатых и очень бедных людей. Увы, у нас же всеми теми механизмами, которые стоят на пути нездорового расслоения, принято пугать народ. И прогрессивным подоходным налогом, и высоким налогом на наследство, и декларациями доходов... Все это, дескать, лишит несчастную старушку накопленной на черный день тысячи рублей. Между тем для старушек черные дни уже наступили. Только спекулянт, сочинивший поговорку «куй железо, пока Горбачев», пометил их в своем календаре красным цветом.

Увы, в обществе, уставшем от неразумных запретов, страшные сказки про старушек имеют успех. Однако ограничения, накладываемые никем не контролируемой бюрократией, — это одно, а ограничения

в интересах демократического общества — совсем другое. Мы уже говорили о налоговом регулировании деятельности «свободного» предпринимателя, о предписаниях ему брать на работу инвалидов. Этот перечень можно продолжить.

Во Франции треть товаров массового спроса заказывается производителям через каталоги, которые утверждаются обществами потребителей. Так они успешно борются с исходящей от предпринимателя и направленной на безудержное потребление рекламой. Буквально на глазах преодолевается ненормальное положение дел, о котором еще несколько лет назад французский социолог М. Бесказ писал: «С точки зрения технических возможностей сейчас нет проблемы, чтобы производить ткани, практически не знающие износа, обувь, которую можно носить годами, автомобили, которые легко ремонтируются... Однако эта проблема не может быть решена в условиях, когда каждое предприятие ориентировано на рынок, на максимализацию своей прибыли...»

В преодолении подобной тенденции есть колоссальный нравственный заряд. В мире полно нищих (кстати, вполне рыночных) стран, значит, богатые должны разумно ограничивать свое потребление.

В этом также состоит урок для отечественных поклонников рублевого тоталитаризма.

Еще одна узда для зарубежного бизнесмена — устанавливаемый с участием профсоюзов довольно высокий минимальный уровень зарплаты. Если ты не способен обеспечить его няетым людям, следовательно, не умеешь эффективно вести хозяйство. Посторонись!

«Свободный» предприниматель, получающий импульсы со всех сторон, становится лишь формальным собственником. Он скорее превращается в менеджера на службе общества.

Никуда не деться от ассоциации с мыслью З. Фрейда о том, что история человеческой цивилизации — это история все новых разумных ограничений...

ИТАК, раз уж мы делаем шаги к рынку, сначала стоило бы обустроить дорогу к нему. Иначе рискуем получить тот же результат, что и в случае с кооперацией. Только в гораздо большем масштабе. И вместо западной свободы эффективно действовать к своему и общему благу снова получим свободу плохо работать и нечестно жить.

Необходимые механизмы, о которых я говорю (и многие другие), в цивилизованных странах давно известны. А в нашей? Пора прорубить в Европу не только окно, чтобы любоваться через него блестящим магазинным витрием. В общеевропейский дом нам нужна дверь. Для нормальной обстановки.

Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ,
политический обозреватель,
специально для журнала
«На боевом посту».

Игорь ДРУЖИНИН

Игорь Александрович ДРУЖИНИН начал войну в сорок первом солдатом, а закончил ее в сорок пятом сержантом, участником разгрома милитаристской Японии. После демобилизации окончил педагогический институт и всю жизнь посвятил школе, детям. Заслуженный учитель школы РСФСР, автор пятнадцати книг об учительском труде и педагогике. Живает и трудится в Сякит-Петербурге.

НА ПОСТУ

*Вновь забайкальская зима
Пуржит и вьюжит,
И на ресницах бахрома
От лютой стужи.*

*На сопку, на тропу легла
Седая грива.
Не рассчитаешь шаг — и мгла
Столкнет с обрыва.*

*В такую ночь суровой взгляд
И лица строже,
И снеговых лавин раскат
Всегда тревожен.*

*Пусть сопки спрячутся во тьму,
Пусть вьюга воеет,
Но знает часовой — ему
Быть зорче вдвое.*

ОСКОЛКИ

*Иду вдоль самой кромки Волги —
И мирный небосвод высок.
Но вдруг снарядные осколки
Сыпучий выбросил песок.*

*Держу их молча на ладони
В горячем половодье дня,
Как будто снова в Пантеоне
Стою у Вечного огня.*

*Стою, как в строгом карауле
Присягу помнящий солдат,
И, как в том огненном шюле,
Осколки в сердце мне летят.*

ГРИГОРИЙ

*Луга забелели ромашкой,
В рост буйные травы пошли.
Над светло-сиреневой кашкой
Жужжат деловито шмели.*

*Подкралась неслышно дремота,
И снова, как будто во сне,
Я вижу — отходит пехота
И гибнет деревня в огне.*

*Под росами травы белёсы,
Дымится нескошенный луг.
Лежит у подножья березы
Григорий — мой сверстник и друг.*

*Клубит огневая завеса,
Осколки срезают листву...
Мой сон прерывая, из леса
Несется ребячья: «Ау!»*

*Сыниска некошеным лугом
Бежит — и счастлив, и удал...
Я в память погибшего друга
Григорием сына назвал.*

* * *

*«Все это — было, было!»
Твердят порою мне.
Но в строчках — не чернила,
А правда о войне.*

*И повторяешь снова
Весь путь солдатский свой...
Из класса выпускного
Лишь я пришел домой.*

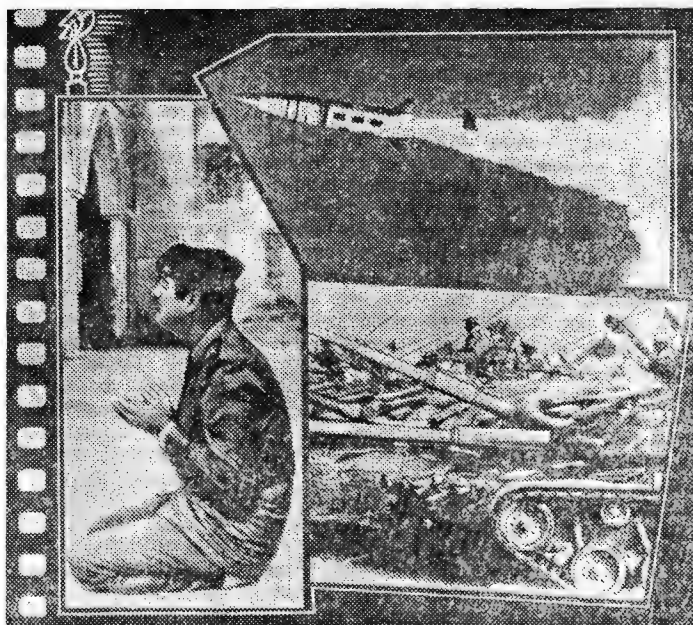

ГДЕ-ТО я читал, что политика — грязное дело. Теперь, после того, как мне удалось побывать в горячих точках Афганистана, Азербайджана, в Корее и Ираке, со всей уверенностью добавляю: «И кровавое». Начинается эта политика внешне уважаемыми господами за столами и на трибунах, а имеет продолжение, как правило, на полях сражений. Но там уже политиков нет, там отдувается за их расчеты простой народ, оторванный от своей привычной мирной жизни.

Поездки, встречи, разговоры, все увиденное и услышанное настолько перегружают, что, по всей видимости, в душе срабатывает некий клапан и гонит сон напрочь, чтобы обилие всех впечатлений при всей их сумбурности пришло в какую-то систему и принесло облегчение.

ПРОЗА

Итак, снова ночь, снова бессонница на далекой земле. Давно затих наш коттедж, стояла великая тишина поздней ночи. Не зажигая света, оделся и стал выбирать из номера. Сосед, Герман Назаров, безмятежно спал... В небольшом садике сонно обвисала сырая от росы листва. Где-то в траве нежно журчал ручеек. С невысокой лампы в конце садика хорошо виден поблескивающий под поздней луной купол недостроенного музея. Почти у самых ног плотной стеной стоял самый обыкновенный камыш, за ним мирно переливалась стремнина Тигра.

И занесло же, в самом деле! Древняя земля шумеров, Ассирия, Вавилон, легендарное Двуречье... Как далеко отсюда мой родной Иртыш!

Какую-то невыразимую тягу ощущаю я всю жизнь к Древнему Востоку. Любая пагода притягательнее самого знаменитого небоскреба. Сколько мечталось о поездке в Индию, однако пока не удалось. А годы ушли. Глаза мои выдели кипучую суету деятелей самых проверенных, самых выездных. Обыкновенные спекулянты, жулье, они бессовестным образом использовали эту несчастную Советскую власть, словно податливую портовую девку, и теперь на все лады ее же и кланют. Теперь они нашли корыто пообильнее.

Ущербный месяц веторопливо и устало закатывался вдали от Тигра, повеяло прохладой.

Восток... Ленивое созерцание человеческой суеты и глубокие размышления над смыслом самого существования.

Какой кладезь мыслей в стихах древних поэтов! Они, как правило, коротки, почти афористичны. Эта же характерная примета отличает поэзию Японии и Китая.

Надгробие, обнаруженное в песках Мангышлака, представляло изваяние круторогого барана. Его равнодушная морда напоминала знаменитого Сфинкса в египетской долине фараонов. Тонули в пучинах вод материка, поднимались острова, рушились империи и возникали новые, сотни веков пронесли над нашей дряхлеющей планетой, а пустые глаза каменных изваяний все так же равнодушно взирали на царившую среди людей суету. «Все суета сует...»

Жизнь человека чрезвычайно коротка. К концу земной дороги ум способен лишь постичь, что нет под луною ничего нового, все уже было, происходило, все повторяется, двигаясь по какому-то вечному кругу.

Оттого-то самое мудрое — оглянуться назад, в пролетевшие века, и вслушаться в слова тех, кто некогда существовал.

Пробыть нам в Ираке пришлось совсем недолго и многого увидеть не довелось. Но думалось много, думалось бесконечно. Разумеется, трудно поручиться в том, что обо всем, о чем я собираюсь сейчас поведать, думалось именно в тот бессонный час на берегу великой древней реки, многое ведь и узналось, и наслоилось гораздо позднее, уже дома, однако я прошу принять мой рассказ именно в таком порядке,

ЕСЯТКИ веков пролетели над песками Аравийского полуострова. Много воды утекло в Тигре и Евфрате. Сменялись режимы, исчезали царства, народы. Многие, очень многие увековечено в насыщенной пророческими предсказаниями Библии. Эта книга — документ исчезнувших эпох с именами деятелей, с названиями городов, рек и долин.

Ислам возник на полуострове уже в нынешнем тысячелетии. Он быстро укрепился и стремительно распространил свое влияние далеко окрест. Корни ислама уходят в песок этой древней земли.

Восток древен, как сам сотворенный Всевышним мир. Древнее, а следовательно, и мудрее. Над государствами Аравия веет та же аура, что и над Китаем, Индией, Японией, Кореей.

Мир помнит волны диких нашествий с Востока: Аттилы, Чингисхана. Эти кровавые завоеватели устрашали покоренных горам отрубленных голов... В наши дни вся дикость исходил с Запада. Вспомним крематории Гитлера, атомную бомбардировку японских городов по распоряжению Трумэна, американский напалм, сжигающий землю Вьетнама, пепелища корейских городов и селений.

Соединенные Штаты всю свою недолгую историю построили на самой беспардонной демагогии. Что бы они ни творили, выдавали, что все делается якобы для блага демократии. Более полувека назад они самозабвенно убивали тысячи жителей Малайи и Никарагуа, добываясь для своей промышленности дефицитнейшего каучука. Затем эпоха моторов потребовала океаны горючего, и взоры политиков США обратились к песчаным просторам Ближнего Востока. В недрах древних пустынь геологи нашли богатейшие запасы нефти, и «черное золото» принесло одним великие богатства, другим же — страдания и гибель...

В Ираке недалеко от Багдада находятся два священных города: Кербела и Неджеф.

Дело в том, что ислам, едва возникнув и укрепившись, тотчас, если так можно выразиться, раздвоился: на суннитов и шиитов. Это связано с борьбой за наследство умершего Пророка.

Чтобы полнее вникнуть в подоплеку векового противостояния различных религиозных групп Ближнего Востока, следует помнить, что из всех нынешних руководителей здешних государств только двое являются прямыми потомками давно умершего Пророка. Это король Иордании Хусейн и король Марокко Хасан. Богатейшая Саудовская Аравия управляется нуворишами. К тому же за жителями этой страны шииты числят чудовищное кощунство: в свое время они совершили налет на Кербелу и разрушили этот священный город со всеми его почитаемыми святынями шиитов.

У нуворишей Саудовской Аравии в руках мощнейший козырь: на их земле находятся самые почитаемые святыни ислама —

города Мекка и Медина. Всякий правоверный мусульманин обязан хотя бы раз в жизни посетить эти священные города (совершить хадж). Правители Саудовской Аравии всячески пользуются этим для усиления своего влияния в мире ислама.

Ближний Восток подобно Балканам давно уже напоминает пороховую бочку. Фундаментальный ислам имеет обыкновение рассматривать собственные проблемы в масштабах поистине мировых. Ход рассуждений примерно таков. Поскольку после смерти Пророка мусульмане смогли завоевать Персию и большую часть Римской империи, а это были величайшие державы того времени, они могут (и обязаны!) сделать то же самое в отношении нынешних великих держав. Что для этого необходимо? Очень немного: всего лишь вернуться к истинным ценностям истинного ислама!

Вся загвоздка, таким образом, в выявлении и наказании тех, кто изменил истинной вере и впал в кощунственный соблазн. Грехи правителей Саудовской Аравии перед мусульманским миром составляли внушительный список. В священных городах Мекке и Медине снесены многие исторические памятники ислама: разрушен дом Аль-Акрам, служивший местом встреч первых мусульман, оскверняется кладбище, где покоится Хадиджа, первая жена Пророка и первая женщина, принявшая новую религию, уничтожаются гробницы многочисленных соратников и родственников Пророка. Святотатцы словно задались целью исказить облик духовной столицы ислама, лишить мусульман их исторических корней.

Велики, слишком велики преступления королевской династии перед истинными мусульманами! В их лице мир ислама столкнулся со своеобразным феноменом: с убежденнейшими мусульманами-сионистами. Надо ли говорить, что накал внутрисламских распрей достиг предела, едва по соседству, буквально рядом, на небольшом клочке берега обосновался крохотный, однако нахрапистый Израиль. Получая мощную подпитку из распухших от золота США, государство иудеев принялось умело стравливать старых соседей. Древний, как сам мир, прием: разделяй и властвуй.

Такова примерная канва событий накануне тех, что вскоре потрясут весь мир.

Ну и запомним еще, что сам Саддам Хусейн — суннит.

ПОМЯНУВ о многих веках древней истории Ближнего Востока, я хотел тем самым как бы оттенить наглость американских политиков, сунувшихся диктовать в этом регионе свои порядки. Что за спиной Соединенных Штатов? Всего два века истории. Но вот поди же — подобно национал-социализму в Германии США принимаются рьяно диктовать всему миру свой и только свой порядок!

Ирак не проповедовал ни коммунизма, ни капитализма, ни сионизма. Это исламская страна. Опустив свою карающую руку на спекулятивный Кувейт, Саддам объявил, что нефть арабам дал сам Бог и это богатство грешно отдавать в руки жалкой кучки расточителей. (Весь мир знает, что эмир Кувейта известен главным образом тем, что в его дворцах заперты 80 жен всех рас и народностей и что в банках на его счетах имеется около ста миллиардов долларов). Гигантское богатство, подаренное арабской земле самим Аллахом, должно принадлежать всем арабам!

Понимал ли Саддам, «на что он руку поднимал»? Саудовская Аравия и Кувейт держат в банках Америки и Великобритании сотни миллиардов долларов. Только в Соединенных Штатах эти инвестиции обеспечивают рабочими местами десять миллионов американцев (а там и без того постоянно прозябают без работы девять миллионов человек). Таким образом, правитель Ирака замахнулся на самые основы ведущих стран западного мира.

Однако главный грех Саддама в ином. Словно внезапно лишившись всякого рассудка, он совершенно забыл о «богоизбранном народе». Точнее, он не забыл об Израиле, он лишь запечатывал о его богоизбранности и вдруг резко повернулся в его сторону своим воинственным лицом. Международный сионизм мгновенно ударил в колокол тревоги. В Ираке и в его патристическом руководстве увиделась главная арабская сила, заявившая решительную позицию.

В качестве доказательства рокового расчета Саддама сошлемся на его извнутрительную войну с Ираном. Пока Хусейн воювал с Ираном (а это продолжалось более восьми лет), в его адрес раздавались словословия, ему шло всевозможное оружие. Но стоило ему замричься со своим соседом и обратить взгляд в противоположную сторону, как все «мировое общественное мнение» завопило о фашизме, об антисемитизме.

Выходит, друг дружку можете колотить сколько угодно (и чем больше, тем лучше), но Аллах вас сохрани косо взглянуть в сторону Израиля!

И всемогущий сионизм преподавал Саддаму кровавый урок. На Ираке, как на мальчике для битья, все страны, все народы мира убедились в том, что их ждет в случае даже малейшего ослушания. Это было грозное предостережение всем строптивым.

Поразительна позиция Организации Объединенных Наций. На глазах всего мира Израиль, поправ все законы, употребил оружие против своих ленивых соседей. Он согнал их с давно обжитых территорий и объявил эти земли своими. Причем налет совершен был кровавый, с многочисленны-

ми человеческими жертвами. Что же ООН? Она, правда,отреагировала, приняв резолюцию, в которой обязала агрессора уйти с занятых земель. И на этом все! Всякий здравомыслящий человек поневоле сравнит вину Израиля с виной Ирака. Там захват и тут захват. Но Израилю лишь погрозили пальчиком, на Ирак же собрали силу из 30 самых развитых государств.

Снова современный кровавый водораздел: свои и чужие.

Мир еще не забыл кровавых преступлений турецкой солдатни, вдруг захватившей половину Кипра. Эта наглая агрессия также сошла туркам с рук без всякого наказания. Причина? Очень простая: Турция обеспечивает самый южный фланг НАТО. Словом, своя в доску. А для сердечного дружка — и сережку из ушка!

Несчастный Кипр, как известно, до сих пор разделен надвое, и никакие мольбы изнывающих под гнетом киприотов не могут достичь слуха «управителей» ООН. Уши этих господ устроены весьма своеобразно: они слышат с поразительной избирательностью.

Наивные люди, наблюдая за поведением Израиля, порою всплескивают руками: да как же так, да почему же ему не дадут как следует сдачи? Вы только гляньте, его же буквально от земли не видно!.. В ответ расскажу один давний анекдот.

Поздней темной ночью одинокого гражданина на мосту останавливает мальчишка ростом с вершок и пищит: «Дяденька, а ну, снимай пальто!» Гражданин возмущен таким нахальством: «Да как ты смеешь, шкет?» И вдруг из-под моста раздается густой пропитой бас: «Снимай, снимай, не обижай ребенка!»

Разве посмел бы ничтожный Израиль творить бесчинства, не имея за своей спиной (под мостом) могучего пособника в лице Соединенных Штатов?

В случае с Ираком американцы повторили «корейский вариант». К этому времени они вновь господствовали в Совете Безопасности. Из пяти его постоянных членов трое (Великобритания, Франция и Советский Союз) являлись сердечными союзниками. Китай же в этом случае по-пилатовски умыл руки. Необходимое Израилю и США решение было гарантировано.

При этом самым поразительным было, конечно же, поведение Советского Союза.

С августа до середины января сионисты всего мира смыкали ряды и без утайки точили карательный топор для иракской шеи. Плацдармом для нападения была избрана Саудовская Аравия. Туда плыли самые могучие корабли, слетались тучи самых современных самолетов, прибывали подразделения самых подготовленных войск специального назначения. Соединенные Штаты расположены от Ирака на расстоянии 12 тысяч километров. Однако государственный секретарь Бейкер объявил аме-

риканским солдатам: «Вы здесь защищаете духовные ценности Америки!»

Итак, почти полгода объединенные силы современных крестоносцев готовили расправу. Все происходило открыто, да и мудро было скрыть подобные грандиозные приготовления к небывало массивной акции. А что же Ирак? Как реагировал очевидя, какая туча саранчи собирается на его границе?

И вот тут никак не отделаться от многих недоуменных вопросов.

Прежде всего не укладывается в рассудок, что Саддам предпринял захват Кувейта, не имея мощной поддержки со стороны. Но на кого же он понадеялся? На нас, как на страну, с которой у него давние дружеские отношения? Или на своих воинственных соседей, братьев по исламу? А может быть, и на США? Днее же ясно: в одиночку такие акции не проводятся. В современных условиях это равносильно самоубийству.

Весь ход событий показывает, что Саддам познал подлещую измену, предательство обещавших помощь. Его, как говорится, «подставили».

Это убеждение подкрепляется и тем, что даже, видя гигантскую военную силу, собирающуюся по его голову, Саддам не ухватился за возможность уйти из Кувейта мирно, без боев, — так сказать, восстановить статус-кво. Нет, его все время поддерживали в его надеждах. До самого последнего часа. И — обманули!

На что, спрашивается, была надежда Саддама? Как ему объясняли небывало массовые военные приготовления?

Любой военачальник на его месте без колебаний нанес бы упреждающий удар. Саддам мог бы бросить свои танки на Дакран и сбросить передовые части агрессоров в воды залива. Однако он этого не сделал и с покорностью, простите, барана ждал, пока мясник отточит свой нож. Он же знал (да и все это знали!), что американцы собирают на берегах Персидского залива треть своих сухопутных сил, половину морской пехоты и половину авианосных группировок. Силы страшная!

Что скрывается за бездеятельностью Саддама, за этим обреченным ожиданием?

Вопросы, вопросы... Пока на них нет вразумительных ответов, одни догадки.

Однако еще там, в Багдаде, в ноябре, у меня неволью складывалось убеждение, что какая-то неведомая сила ведет дело таким образом, чтобы соединенные силы агрессоров без особенных помех исполнили задуманный план: сокрушили военную силу Багдада, исключили Ирак из числа стран со своей самостоятельной политикой.

Подоплека любого крупного международного конфликта таит немало секретного, скрытого. Однако — до поры до времени.

Так вышло и с «персидским кризисом». Внешне американские политики весь конфликт свели к восстановлению справедливости: дескать, Ирак оккупировал Кувейт, его попросили уйти оттуда, он не послушал увещаний, и вот пришлось применить военную силу... Однако совсем недавно увидела свет весьма интересная книга П. Салинджера и Э. Лорана «Война в заливе». Авторы приводят ряд настолько потрясающих подробностей, что от всего мифа о миротворческой деятельности США не остается камня на камне.

Прежде всего искушенный мир с самого начала плохо верил в «святые» намерения военищины США. Совсем недавно на глазах изумленной публики американская солдатня нагло и безнаказанно вторглась сначала в Гренаду, а затем Панаму. Впервые в истории (обратите внимание: в первый раз!) главу государства заковали в наручники и отправили за кордон для суда над ним. До того дня ни одна страна не допускала подобного беззакония.

Теперь что-то похожее затевалось и с Ираком.

Как известно, войска Ирака перешли кувейтскую границу 2 августа 1990 года. В этот день Кувейт исчез с карты мира и стал 19-й провинцией Ирака. Немедленно американская печать, а с нею и так называемое мировое общественное мнение подняли оглушительный ор о внезапной агрессии, о попрании прав кувейтского народа.

Но вот любопытнейшие факты. Еще в ноябре 1988 года, т. е. за 18 месяцев до иракского вторжения, генерал Шварцкопф на базе Макдидил в штате Флорида на сложных вычислительных машинах проиграл весь сценарий войны с Ираком, о которой мир и не подозревал в то время. Военщина готовила эту бойню и просчитывала все варианты. Закончив расчеты, Шварцкопф представил президенту окончательный план вторжения на Ближний Восток. Теперь в оставшиеся месяцы должны были действовать политики. Искушенные дипломаты США исполнили заказ и обеспечили военным их кровавую работу. Любопытно отметить, что при уверенно решенном плане вторжения Соединенные Штаты до последних дней продолжали поставлять Ираку всевозможное вооружение, кроме того, ЦРУ снабжало иракское командование последними разведанными о Кувейте.

Вольно или невольно, но получается, что Саддам Хусейн выполнял американский план!

Сейчас-то уже стало ясно, что в те роковые дни американцы, образно говоря, держали на огне два утюга.

Двурушничество? Да. Подлость? Безусловно!

Но не забудем, что во главе Америки стоит бывший удачливый глава Центрального разведывательного управления, иными словами, разведчик, специалист самого широкого профиля в этой сугубо специфической области. Стремясь узаконить едино-

личное мировое лидерство США, Буш настойчиво искал нового «сатану» и нашел его в Ираке. Все остальное было делом техники.

12 ноября 1989 года в Вашингтоне состоялась тайная встреча руководителей ЦРУ и кувейтской разведки. О чем там говорилось, доподлинно пока не известно, однако кое-что проясняет зашифрованная телеграмма, улетевшая в тот же день кувейтскому эмиру:

«Мы договорились с американцами о том, что следует использовать экономические трудности Ирака для оказания давления на правительство этой страны с целью вызвать напряженность на иракско-кувейтской границе. ЦРУ предложило нам разработанные им методы, которые будут способствовать этому давлению».

Второй утюг, как видим, накаливался осознательно.

Помня о всемерной поддержке американцев, Кувейт нагло превышал квоты на добычу нефти. На все соглашения со странами ОПЕК он плевал. Потери Ирака от этого пиратства составляли более миллиарда долларов в год.

Занимательно читать официальные документы той поры. У меня на руках стенограмма беседы самого Саддама Хусейна с послом США в Ираке. Абсолютно мирный разговор, ни намека на близкую войну. Состоялась эта беседа 25 июля, за неделю до иракского вторжения... А 30 июля, т. е. буквально накануне вторжения, заместитель государственного секретаря Дж. Келли, выступая в палате представителей, на весь мир объявил: Соединенные Штаты гарантируют свое невмешательство при любом развитии событий в зоне Персидского залива. Иными словами, администрация США дала Саддаму официальное «добро» на применение силы. Вперед, Саддам, никаких помех не будет!

И через два дня Хусейн отдал своим войскам приказ на вторжение.

Итак, основная задача политиков США выполнена: Ирак проглотил Кувейт. Но это был всего лишь первый акт задуманного спектакля.

В последующие недели президент Буш больше всего опасался так называемых мирных инициатив. Он уверенно режиссировал весь ход событий таким образом, чтобы привести к кровавому финалу. Ему была необходима только война!

АЗМЫШЛЯЯ обо всем, что произошло на берегах Персидского залива, я невольно вспоминал не такой уж далекий «Суэцкий кризис». Какая буря поднялась, едва Египет заявил о своих природных и юридических правах на Суэцкий канал! Звон карательного оружия раздался на весь мир. Но в те годы у всех униженных и оскорбленных имелись мужественный вахитник — Советский Со-

юз. И Страна Советов твердо объявила, что на любое покушение на честь и достоинство Египта последует самый мощный удар. Помнится, тогда в Каир срочно полетел министр иностранных дел СССР Д. Шепилов (да, тот самый «...и прикинувший к нему»). И наглые агрессоры моментально поджали хвост. Правильно заявлял Ким Ир Сен: «На шакалов действует только дубина!»

Совсем другая картина теперь: Руководители нашей страны покорно заняли униженное место в кильватере притязаний США на роль мирового лидера. Карающая для шакалов дубина исчезла.

29 ноября Совет Безопасности ООН дружно проголосовал за применение к Ираку военной силы.

Как и в войне с Кореей, американцы быстро сколотили военный блок. Под флагом ООН на этот раз выступило 30 государств. На небольшую страну с населением около 17 миллионов навалилась мощнейшая орда с применением всех родов войск и новейшего оружия.

До этого американские деятели развили бешеную деятельность.

Прежде всего, необходимо было всеми силами избежать любых мирных переговоров. И здесь очень загадочна деятельность тогдашнего иракского министра иностранных дел Тарика Азиза. Этот человек никогда не принадлежал к близким друзьям Саддама. И все же именно на него были возложены все контакты с политиками США. В том, как он исполнял свою роль, еще предстоит разобраться. Чего стоит, в частности, его телеграмма из Женевы, которую он послал Саддаму после разговора с Д. Бейкером 10 января (за неделю до начала военных действий): «Американцы не хотят воевать. Они очень слабы, они нас боятся». Иными словами, он до последнего часа сохранил иллюзии, что американцы сумеют собрать в Саудовской Аравии гигантские силы, все же не осмелится воевать!

Американские стратеги распорядились в глобальном масштабе: Англия и Франция обеспечивали военную поддержку, Япония и Германия — финансовую, СССР — идеологическую и дипломатическую.

Особо следует отметить в намечавшемся кровопролитии роль печати. Мощная газетно-журнальная подготовка напоминала артиллерийскую перед решительным штурмом. Причем снаряды и ракеты летели исключительно в одну сторону. За очень короткое время Ирак был представлен всему миру новоявленной империей зла. Представители второй древнейшей профессии в те дни доказали, что «они ничем не уступают представительницам первой. По натиску, по наглости, по результатам обольщивания читателя печати с полным правом следует отнести роль специфического рода войск. Журналисты вступили в сражение первыми.

Прежде всего, откуда вдруг появилось утверждение, будто небольшой Ирак обладает четвертой по мощности армией мира? Из мухи явно сделали слона. Следовательно, мир был испуган угрозой со стороны

Ирака. Вдвое было преувеличено и количество иракских войск в Кувейте. Но это сыграло свою роль: США со своими сателлитами сумели стянуть в зону Персидского залива более полумиллиона солдат, их преимущество в авиации стало двойным.

Советская печать была полностью завоевана американской и полностью повторяла все измышления разбойников пера. Советскому читателю вдалбливалось и о «фашистских устремлениях» Саддама, и о зверствах иракских войск, и об угрозе «цивилизованному миру». Заодно живописалось, что личный самолет Хусейна стоит наготове, чтобы увезти хозяина за рубеж, что старший сын Саддама уже погиб, что убит и первый заместитель Хусейна, что и сам Саддам ранен в правую руку, наконец, всячески муссировались слухи о многомиллиардных вкладах Хусейна в зарубежных банках и о том, что семья его уже давно находится на Западе.

Словом, на страницах мировой и советской прессы гремел хорошо спретированный хор.

Наиболее дотошные «мастера пера» сумели раскопать библейские пророчества относительно ожидаемых событий. Так, пророк Исайя еще 2700 лет назад предупреждал жителей древнего, тогда процветающего Идумейского царства и его столицы Восоры (нынешнего города Басры): «И превратятся реки его в смолу, а прах его — в серу, и будет земля его горящею смолою. Не будет гаснуть ни днем, ни ночью, вечно будет исходить дым ее».

А через сто лет после Исайи пророк Иеремия предсказал Вавилонскому царству, нынешнему Ираку: «Вот, идет народ от севера, и народ великий, и многие цари поднимаются от краев земли». И — далее: «И зажгу огонь в горах его, и пожрет все вокруг его». Напоминание, к слову, что в отношении Чернобыля в точности сбылись пророчества апостола Иоанна Богослова.

Само собой, безжалостные «бомбовые удары» журналистов обрушивались и на нас, Советскую страну. За что? На первых порах, за наше вооружение. Что тут возразить?

Да, мы поставляли Ираку оружие. Но Ирак снабжали им и многие другие страны, в частности, иракская армия вооружена американскими самолетами «Кобра», французскими «Миражами», французскими же системами ПВО, бразильскими системами залпового огня. ФРГ не скупилась на поставки химического оружия (семерых торговцев этим бесчеловечным средством массового уничтожения пришлось даже посадить на скамью подсудимых). По справедливости, их судьбу должны разделить и американцы. Именно они и никто другой снабдили иракскую армию биологическим оружием. Из секретнейших лабораторий США на берега Персидского залива привезли штаммы холеры, сибирской язвы

и другой заразы для солдат и населения. А судя по тому, что 50 иракских ученых прошли соответствующую подготовку в тайных центрах Америки, этому чудовищному виду оружия планировалось длительное и массовое применение.

О сложностях «плетения» политики можно было догадаться и по тому, что президент Буш то угрожал стереть Ирак с лица земли, то вдруг послал приглашение Азизу посетить Белый дом, а под конец даже захотел послать своего государственного секретаря в Ирак, к Саддаму.

Как видим, за кулисами событий шла напряженная работа.

В Ираке с первых же шагов приходилось сталкиваться со следами «газетных бомбежек». А если грубее — со смердящими «результатами» всевозможных «уток», запущенных бесчестными журналистами.

Генерал Банников возглавляет группу советских технических специалистов. Его крохотный кабинетик расположен в здании советского посольства. Размеры и убранство лучше всяких слов говорят о значении и назначении наших военных в Ираке. Они ремонтируют советскую технику, помогают ее осваивать. Ни к стратегическим, ни к тактическим планам иракского командования они не имеют, да и не могут иметь никакого отношения. Там потребны совершенно иные специалисты, иные умы.

А ведь чего только не нагорожено о ро-

ли советских генералов в создании конфликта на берегах Персидского залива! Причем особенно неистово обличала наших военных именно советская пресса. Сам слышал выступление депутата Старовойтовой, которая провозгласила на весь мир, что она будто бы чуть ли не своими глазами видела в Ираке генерала Макашова. Дескать, вот уже куда протянулись черные руки советских консерваторов и реакционеров! Бедная Америка, как же ей не защищаться? Да она просто вынуждена послать своих свободолюбивых солдат за 12 тысяч миль от родного дома. Иначе коммунизм погубит планету!

Генерал Банников смеется. Язык у наших народных депутатов явно без костей. И гласность они понимают сугубо по своему: мели, Емеля...

— Вы когда улетаете? — спрашивает он. — В четверг? А самолет будет?.. Ну так вместе с вами полетят и наши. Всех заворачиваем домой. Сейчас здесь всего несколько человек, с переводчиками. И все! Но и они улетят...

К началу военных действий в Багдаде осталось всего 13 человек. Это члены дипломатического корпуса, им выпало обеспечивать деятельность советского посольства.

Состоялась у нас и встреча с оставшимися сотрудниками посольских служб. Невольно бросается в глаза поразительная разница в умонастроениях двух возраст-

ных групп. Старшие, как правило, пытаются получить от свежего человека хоть какую-то информацию с Родины, они не могут взять в толк, что там происходит, почему такой резкий крен в направлении нашей политики. Буквально чуть ли не в один день повернули на 180 градусов! Молодые же сотрудники... этим все ясно и понятно, в их головах мощно хозяйничают «Комсомолка», «Собеседник», «Известия»...

В корреспонденции из Ирака двое репортеров «Комсомольской правды» заметили, что в советском посольстве в Багдаде ощущается неприятный запах: пахнет не благородным виски, а русскими щами. Что ж, правильно. Однако что стоит за этим? Женщины сотрудников посольства давно отправлены на Родину, мужчины ведут бивачную жизнь. Генерал Банников рассказывает, что сам варит по кастрюле борща. Если бы мы пожаловали вчера, быть бы нам с угощением. А так он дохлебал вчера с товарищами последнюю тарелку и сегодня у них обед всухомятку. Виски? Дороговато, знаете ли, да и не к месту, не ко времени. Все-таки, что ни говори, а война катит в глаза!

Будущее принадлежит молодым. Но кто станет к кормилу внешней политики нашей страны завтра?

Мне вспомнилась недавно прочитанная информация об очередном приезде в Москву З. Бжезинского. Этот деятель стяжал себе славу самого заклятого врага нашей страны. Так вот, когда он откликнулся на приглашение посетить нашу Дипломатическую академию, весь битком набитый зал при его появлении вскопился на ноги и устроил ему долгую овацию. А совсем недавно и тоже в Москве он уже без всяких обиняков чистосердечно заявил: «Я считаю, что ваша страна должна исчезнуть». Не удивлюсь, если и эти его слова были тоже покрыты бешеными аплодисментами.

Такие деятели направляют ветер в паруса нашего государственного корабля.

Впрочем, чему же удивляться? Простой обыватель в недоумении разводит руками: как же так, Германия, стало быть, объединяется, а Советский Союз разваливается?! И обращает свой взор на Кремль: как же это там сумели так управиться?

Сумели, еще как сумели!

Нас «доставали» долго, еще с тех лет, когда мы, истекая кровью в борьбе с фашизмом, умоляли своих союзников открыть второй фронт. Потом были события в Берлине (1953 г.), в Будапеште (1956 г.), в Праге (1968 г.), в Варшаве (1981 г.). И вот настала очередь Москвы. Все-таки «доставали» нас...

Эту главу мне хочется закончить словами русского писателя Ивана Васильева:

«Мы сошли с ума, если высшую степень бесчестия и безнравственности — предательство веры, идеала товарищества, присяги, клятвы — возводим в доблесть. Отброшены все великомученики, все распятые и сожженные, все павшие, но не предавшие, оклеветаны и оплеваны».

ИДАВНО, в сентябре, мировые информационные агентства передали заявление новоготца шефа ЦРУ Роберта Гейтса: «Становится очевидным, что нам следует подумать о вариантах будущего Китая». Понимать это наглое заявление следует так: с Советским Союзом покончено, на очереди Китай. Следовательно, наших соседей ждет то же самое, что и нас. Первую попытку внедрить в свою страну гибельную перестройку они отбили два года назад, и отбили довольно решительным образом, однако не следует забывать, что против них орудуют петики и терпеливые мастера.

Так что мир становится свидетелем новой дуэли, сюжет которой, убежден, будет куда завлекательней любого детективного сочинения.

Но что же ждет нашу страну, нас с вами? Неужели на нас поставлен окончательный крест и наше будущее теперь целиком и полностью зависит от чужой преступной воли?

Действительность пока что удручает. «Герои» путча сейчас, когда пишется эти строки, — в камерах «Матросской тишины». Ждут, какое наказание на них обрушится. На мой взгляд, главная вина их вовсе не в нарушении Конституции, а в сокрушении последних здоровых сил страны. Глупо «подставившись» сами, они подвели под обух всех, кому дороги свобода и независимость своего Отечества.

Кто-то утверждал, что человечество смеялся расстается со своим прошлым. Нашему же Отечеству уготовано расставаться со своим славным прошлым со слезами и кровью.

Соединенные Штаты уже без всякого стеснения заявляют, что они признают нас исключительно в границах 1933 года, т. е. без Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии, без Сахалина и островов Курильской гряды. Позвольте, но ведь были же Тегеран, Ялта, Потсдам! Бросьте, бросьте, говорят нам, забудьте об этом навсегда!

В наши дни с особенной болью вспоминаются провидческие слова императора Александра III, сказанные на смертном одре своему несчастному наследнику: «У России нет друзей... Нашей огромности бояться...»

Что ж, не было друзей, теперь не стало и огромности. Только что на наших глазах от Великой Руси отвалились сначала Русь Малая, затем Русь Белая, а Великое княжество Литовское обрело антирусский характер.

В самой России, вернее, в многоязычной и многоукладной Российской Федерации постепенно совершается тот же развал. Заявляют о себе республики: Сибирская (центр Новосибирск), Красноярская и Дальнево-

сточная (Хабаровск). А сколько национальных областей и краев!.. Недалек день, когда на карте мира, на одной шестой ее части, прежде выкрашенной в красный цвет, залестрят убогие лоскутки числом в несколько десятков.

Наше Отечество возвращается к своему разбитому историческому корыту: к Суздальской Руси.*

Ну, хорошо, люди в конце концов живут и в Гондурасе. Но вот вопрос: как живут? А живут они беднейшим образом, в ужасающей нищете. Хотя, казалось бы, у них все время рыночная экономика, и частная собственность, и совместные предприятия... да и богатейшие Соединенные Штаты совсем под боком, рядом! В чем же дело? Почему такой разительный контраст? О, вот об этом-то и следует задуматься всякому, кто связывает свои надежды на перестроечное улучшение своей судьбы! Почему, спрашивается, нам будет предоставлен режим более счастливый, нежели гондурасцам (или колумбийцам, гватемальцам)?

Утверждают, что умные учатся на чужих ошибках, глупые — на своих. Нас же, к сожалению, ничему не учат и свои! Иначе чем объяснить, что мы при жизни одного поколения пытаемся войти в реку Истории дважды? Приняв ленинско-сталинскую концепцию национально-государственного устройства, мы, полные энтузиазма и романтики, влетели в эту реку, что называется, не спрашивая броду. Река, однако, оказалась бурной, она вволю пошвыряла нас по камням. До желанного берега мы так и не добрались. Вместо того, чтобы, набив синяков и шишек, извлечь суровые уроки, мы вновь делаем вид, что подошли к знакомой речке впервые, и с умным видом рассуждаем, как двигаться дальше: на корабле, т. е. в федерации, на плоту, т. е. в конфедерации, либо плыть каждому на своем отдельном бревне. Зачем же забывать, что наши соседи вовсе не прочь всерьез попытать нас на непотопляемость? И они уже

** В последние недели все чаще поговаривают о том, что не нужны нам острова Курильской гряды, гораздо выгоднее отдать их за японские кредиты и товары. Так, скорей всего, и произойдет. А там на очереди Сахалин с Камчаткой, а там Карельский перешеек с берегами Ладожского озера, а там и Калининград (бывший Кенигсберг)... Неужто мы уподобимся спивающимся помещикам, которые продают на сруб заповедные рощи, закладывают и перезакладывают отцовские имения? Что ж, Россия — «пирог» огромный, в один год не промотаешь!*

Любопытно в этом отношении промелькнувшее сообщение, что сибирский Самолор отдается двум канадским компаниям. Половину нефти они станут забирать себе, половину отдадут нам. Как в Кувейте у мира!

приступили к этому, бросая подачки тем, кто облюбовал себе национальное бревнышко! Для нашего государства такое отношение особенно унижительно, ибо впервые за целые столетия политика кнута и пряника никак не камуфлируется. То грозят санкциями, то кидают кредиты. Но если кидают, то под жесткие условия.

Само собой на память приходят века Золотой Орды. Как ныне в Вашингтон, так и тогда наши князья отправлялись за ярлыками в державнейший Сарай и унижительно склонялись перед тронном владыки. Все решалось ханом. Сейчас все решается для нас там, за океаном: судьбы народов, границы республик, степень нашей вооруженности и внутренней безопасности, даже нашей экономики.

Словом, горе побежденным!

А сейчас я стану говорить слова, которые, несомненно, только прибавят мне врагов. И все же решусь, скажу.

Велико наше Отечество, и велики его страдания. Пожалуй, таких, как ныне, ему еще не выпадало. Так кто же в конечном счете виноват во всем? В чем причина, что наш народ, словно влывший в безумие Самсон, сам своими могучими руками обрушил на себя величайший свод своей тысячелетней державы? Помutilа ему разум презренная группа перевертышей? Тайная организация масонов? Происки всякого рода инородцев, всех этих Абрамов Терцев и иже с ними?

Все это есть, все, как говорится, присутствует, все внесло свою посильную лепту.

Но в этом ли все дело? Не продолжаем ли мы идти по облегченной дорожке, отыскивая виновников всех наших бед где-то на стороне? Не хватил ли шарить глазами по сторонам, высматривая очередного злоумышленника?

На мой взгляд, положение наше сейчас настолько гибельно, что пора подойти к зеркалу и хорошенько взглянуть в изображение. Да, да, вы видите главного виновника всех наших несчастий. Во всем, что с нами происходит, виноваты в конечном счете мы и никто больше.

Поэтому я говорю: взгляните в последний раз в свое изображение и можете отойти от зеркала. Помните же, пора нам стать народом, а не населением (русскоязычным населением). Вспомните освобождение от татарского ига. Пока на российских просторах жевало и сопело население, насильники татары благоденствовали. Однако стоило этому покорному рабочему быдлу стать народом, как он явился на Куликово поле, и Мамай на своей шкуре испытал его сокрушительную силу!

История, особенно наша, воистину уникальная, дает нам убедительные примеры как шаткости руководства, так и могущества народного. Триста лет назад в Смутное время так же, как и ныне, мутили народ отрепьевы и «тушинские воры», помогали им бояре-перебежчики, садившиеся с ними в осаду, так же лезли из-за рубежей доброты помощники с корыстными субсидиями. Только одолели эту лютую бе-

ду — накатила новая, стоявшая нам спаленной Москвы. Превзошли и это, поправились, отстроились — снова да ладом: немцы, Мазурские болота, распутищина, народное возмущение, тот самый русский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Последние 73 года стоили нам особенных сил и крови. Но мы все же шли избранным путем и оставались народом Сергия Радонежского и Дмитрия Донского, Толстого и Пушкина, Чехова и Есенина. Мы превратили свое Отечество в величайшую державу мира. Все переменялось...

Никогда не носил в кармане партийного билета, однако хочу молвить слово в защиту коммунистов.

Занимаясь архивными изысканиями, узнал по первоисточникам поразительные вещи. В гражданскую войну разведчики белогвардейцев старались разузнать не столько количество пулеметов и орудий у противника, сколько партийную прослойку среди красноармейцев. О чем-то же это говорит! А разве зря придумано, что коммуниста мало застрелили, его еще требуется и повалить? А в Великую Отечественную: разве не слышали солдаты на передовой отчаянные крики политруков, первыми рвущихся из окопов: «Коммунисты, вперед!» Было все это, было на самом деле, как бы сейчас ни изощрились всякого рода ниспровергатели. Зачем же так поступать? С какой, интересно, целью?

Не могу слушать рассказов о цветущем состоянии царской России, о благоденствии ее жителей. Редкий же год не вымирал от голода целые губернии. Почитайте Чехова, Толстого, Бунина. Что, все они присочинили? Загляните в тогдашнюю статистику. Урожайность на круг составляла меньше семи центнеров с гектара, надой на корову около тысячи литров. Заводской рабочий задыхался в цехах и грязных бараках и, как о лакомстве, мечтал о куске ситника и горячем блюде из рубца. А при коммунистах мы стали великой индустриальной державой, сумели сокрушить фашизм и первыми заглянули в загадочный Космос.

Не будем спорить, наши витрины и прилавки уступали зарубежным. Но вот в чем нам завидовал весь мир: у нас в стране любой человек был абсолютно уверен в своем завтрашнем дне! Что бы ни произошло, государство меня не оставит. Эта «лафа» кончилась.

Обратите внимание, что все наши успехи достигнуты без совместных предприятий и кооперативов, без унижительных займов и инвестиций.

Так почему, с какой целью нам теперь без конца долбят, что все это мифы, небывальщица, что мы давно гибнем, гнием и спасемся лишь тем, если посмачнее харкнем на все свое прошлое?

АКОНЧИТЬ хочется все же неча такой мрачной ноте. Давайте скажем так: партии приходят и уходят, но Отечество-то остается. Каким оно будет сейчас — никто не скажет. Однако нашей Родиной оно останется, ибо другого у нас просто нет.

«Духовное возрождение...» Что и говорить, святое дело. Однако в сегодняшней обстановке это всего лишь сладкозвучные слова. Как будто можно возродиться в неделю или в месяц! Задача эта в лучшем случае на десятилетия, а практически — на век. Работа кропотливая, на каждый день и главным образом с молодыми. А как, когда с ними работать, если дом наш уже охвачен пламенем, если наши юноши и девушки мечтают о профессиях сутенеров и проституток? Вспомните, в пятидесятых наша советская молодежь по уровню интеллектуального развития была на третьем месте в мире, сейчас же — где-то в седьмом десятке. И с таким вот пополнением возродить Россию? Смешно и горько. Однако никакой другой-то молодежи у нас тоже нет!

Главная сейчас задача — спасти то, что еще уцелело, что еще можно выхватить из пожирающего пламени. Какое возрождение в огне? Тонущему человеку всего спасительнее почуть твердь под ногами. А мы же тонем и горим...

Все теперешнее течение бурной жизни похоже на большую реку, в которую некто опрокинул несметное количество мазута. Вся эта зловонная масса движется, марая и омертвляя берега. Однако считать ли это настоящим течением реки? Нет и нет! Там, под толстым слоем гадости, еще жива и движется первородная вода, она не остановится и не замутится в своей самой сокровенной глубине, потому что питается из древних вечных родников. Ах, пробиться бы к ее чистым и прохладным струям, освежить иссохшую гортань, омыть исплаканные глаза! Но как пробиться к ним сквозь залившие всю ширь зловоние и мерзость? Способ один, единственный, иного просто нет: сгрести, убрать всю грязь. Но сия задача — работа не на одно поколение, ибо зараженность велика, что бросается в глаза хотя бы по развращенной молодежи. Поинтересуйтесь духовное у них полностью заменено карманным.

Но все же — будем тверды, будем мужественны.

Александр Невзоров ввел в обиход прекрасное словечко: «НАШИ». Наши — кто бил врага на поле Куликовом, кто штурмовал Берлин... Всякий раз, когда над Родиной клубились черные тучи, «наши» направляли плечи и шли на бой, на подвиг, на великий труд. Они были патриотами, — кто бы и как ни глумился сейчас над этим словом!

Патриотизм остается нашей религией, нашей единой, святой верой. Будем же ей служить!

о месте и противнике получается визуально, в ночном бою акцент зачастую смещается на слуховой, осязательный и другие анализаторы, работу которых мы сейчас кратко рассмотрим.

Сумеречное зрение. При переходе из освещенного места в темноту чувствительность зрения резко падает, зрачок постепенно расширяется, и через 20—30 минут глаз адаптируется. Внезапная яркая вспышка разлагает световой пигмент, и где-то на пару десятков секунд человек теряет возможность нормально видеть. Даже слабый свет в темноте снижает чувствительность ночного зрения в сотни раз. Поэтому, если надо увидеть лицо нейтрализованного врага, замочную скважину, ознакомиться с каким-либо документом, прикрывают один глаз или используют фонарик с красным светом (наименее раздражающим) светофильтром. Следует учитывать, что чувствительность сумеречного зрения понижает полный желудок, забитый пищей и наполненный мочевой пузырь.

Ускорению адаптации и улучшению чувствительности ночного зрения способствовали различные способы, например, такие, как подключение глаз к энергетическому центру огня, точечный массаж, специальные дыхательные упражнения и дыхание через мокрую тряпку, а также особые снадобья на основе женьшеня. Сейчас применяют еще и предварительную засветку глаз красным светом, обтирание лба, век, висков и шеи холодной водой, сосание леденца или жевание кисло-сладкой жевательной резинки, а некоторые бойцы употребляют перед акцией чернику или универсальный обостритель чувств — лимонник китайский.

Значительно меньшего времени — до нескольких минут — требует полная адаптация при переходе от темноты к свету, причем этот процесс можно ускорить, например, волевой установкой или легким нажимом на глазные яблоки.

Тренируясь для ночных акций, следует четко осознать индивидуальные особенности своего сумеречного зрения и периоды визуальной адаптации для трех основных ситуаций: при переходе от света к темноте, при замене темноты светом, после короткого светового ослепления ночью. Такой тест можно, допустим, выполнить, стоя в темноте перед зеркалом, засвечивая глаза фонариком и определяя время адаптации по секундомеру. В качестве индикатора здесь используют диаметр зрачка, отражаемого в зеркале, помня, что, приспособившись к свету, он сужается, а настраиваясь на темноту — расширяется.

Для развития ночного зрения ниндзя использовали разнообразные методы, включающие в себя длительное пребывание в затемненных помещениях с постепенным уменьшением их освещенности, словесное программирование подсознания, различные медитационные практики. Одно из упражнений этой серии выглядит следующим образом. Возьмите кусок черной бумаги или

материи размером 40×40 см, в центре его наклейте белый круг диаметром 10 см и, отступив на 10 см, равномерно разместите по окружности восемь белых кружков диаметром 2 см (рис. 1). Расположившись в трех метрах от закрепленного на уровне глаз большого круга, сосредоточьтесь на одном маленьком кружке, осознавая одновременно и большой. Упражняясь, можно заниматься или только одним кружком, или же переходить от одного к другому в самом различном порядке: по часовой стрелке или против нее, крестом, зигзагом. Время занятия — не менее 15 минут.

Наблюдая в сумерках предметы, следует не смотреть на них прямо, а как бы обскользывать периферическим зрением, причем обычно лучше всего виден левый верхний сектор визуального восприятия.

Слух, обоняние и осязание. При ограничении функции зрения большое значение приобретают возможности других органов чувств, позволяющие осознать наличие противников и их боевые характеристики, а также обеспечить хорошую ориентировку на задействованной площадке. Прислушиваясь к шумам движений и дыханию соперника, можно определять его местонахождение, степень усталости, моменты уязвимости для атак и готовности к контратакам. Обоняние позволяет выявлять появление новых противников, а иногда и определить их физическое и эмоциональное состояние. Тренинг развития этих функций входит в общую программу утончения чувств лазутчика, основанную на точечном массаже, диете, медитационных практиках, самопрограммировании подсознания, дыхательных упражнениях, подключении анализаторов к соответствующим энергетическим центрам, моделировании конкретных ситуаций и «подстегивании» себя специальными препаратами.

Большое значение в ночной схватке имеет кожное чувство (осязание), облегчающее ориентацию на боевой площадке (ощущение мест ухода, наличие предметов...) и позволяющее при касании противника

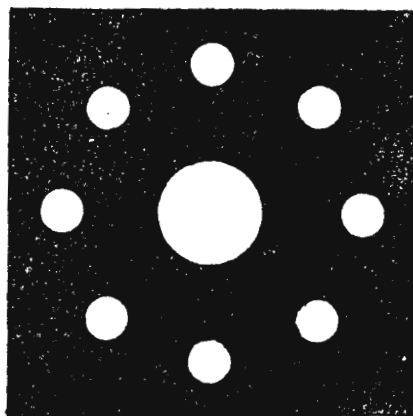

Рис.1

идентифицировать его анатомию. Последнее умение тренируют, касаясь (с завязанными глазами) партнера и отмечая вслух, с какой частью тела контактирует ваша рука, нога или корпус. Усложняя упражнение, следует не только осознать, чего вы коснулись, но и ощутить чужую позу, указывая рукой (в реальности—наноса удар) на подходящую уязвимую точку его тела.

Ориентация на месте и уверенность движений. Важный элемент любого ночного боя— уверенность в движениях, основанная на подсознательном учете расположения соответствующих объектов и других особенностей обстановки. Первичные знания об этом обычно извлекают из прошлой памяти о данном месте или учитывают стандартность некоторых помещений и площадок.

Тренинг в легкости движений включает в себя ходьбу по бревну с завязанными глазами, прыжки в темноте с пня на пень, игру в чистой одежде в пятнашки среди предметов, покрытых невысыхающей краской или с выпирающими гвоздиками, проход ранее изученной трассы с ловушками ночью, бег с закрытыми глазами к стене с остановкой непосредственно перед столкновением с ней, прыжки с отключенным зрением через яму с разбегом и т. д. (в последних двух случаях перед началом действия следует быстро визуальную оценить расстояние до опасного места).

Уверенность движений подразумевает и легкость ускользания от надвигающихся предметов. В одном из упражнений такого типа, завязав глаза, уклоняются от качающегося маятника-колокольчика, который запускает с различных направлений ваш партнер. В другой сходной практике с повязкой на глазах ловят (или пропускают мимо) мяч, бросаемый в обговоренный, а затем и в произвольный участок тела (ранее профессионал должен был уклоняться от бросаемых в него в темноте и с произвольного направления лезвий).

СПЕЦИФИЧНЫЙ тренинг в техниках ночной схватки требует творческого приложения общих принципов боя лазутчика с поправкой на ухудшение условий видимости. Вот лишь некоторые начальные рекомендации.

Обеспечение своей «нечитаемости». Учтивая, что ночью и противник может увидеть вас, услышать и «унюхать», следует действовать в темной одежде, затемнив кроме того кремом для обуви, землей или пеплом открытые поверхности кожи лица и рук, а также отвесивающие детали экипировки. Конечно, вас может выдать и подвижная тень, и темное пятно силуэта в полутьме, и неожиданное освещение места событий. Поэтому всегда будьте готовы к резкому уходу из поля зрения противника падением к земле с последующим откатыванием в сторону.

Чтобы не позволить врагу «вычислить» вас по слуху, избегайте шуршащей одежды и грубой обуви, развивайте выносливость и тренированное дыхание, отработайте тех-

Рис. 2

ники бесшумного перемещения с учетом типа покрытия площадки. При случайном неловком шумовом движении следует немедленно покинуть дешифрованное место. Помня про обоняние противника, перед ночной акцией никогда не употребляйте острую и пахучую пищу и обратите внимание на запаховую «чистоту» своей одежды.

Рациональность. Техники ночного поединка должны быть строго рациональны и применять следует только хорошо отработанные приемы. Нет смысла делать бесполезные в темноте маневры, которые не только утомляют, но и демаскируют вас. Встретив противника, лучше работать в корпус и лишь при прямом контакте— в голову; никогда не атакуйте наобум. Локализуя врага, делайте упор на «вырубающие» удары, а не на подготавливающие маневры. В прямом контакте широко используйте тычки и парализующие щипки в уязвимые районы головы и шеи.

Использование элементов обстановки. В ночном бою практичнее держаться спиной к стене (если ее поверхность не высвечивает вас), обезопасив таким образом хоть одно направление возможного нападения. Если на боевой площадке есть источник света, выгодно иметь его за спиной, чтобы он светил в глаза противнику. Держите в памяти особенности площадки, чтобы не оказаться в ловушке, но при случае заманить в нее неприятеля. Оказавшиеся под рукой мелкие предметы используйте как оружие или обманные средства. Очень перспективно затаивание на верхнем уровне, поскольку, действуя вслепую, противник обычно атакует свое подобие.

Трюки ошеломления и обмана. Как и любой вид боя, ночной его вариант изобилует стандартными и индивидуальными трюками

и уловками. Оберегая себя, можно, к примеру, ослепить врагов пиротехнической или электрической вспышкой, или, имитируя демаскировку (зеркальным отблеском, падением предмета), завлечь противника в ловушку, или, разыгрывая голосом ранение и подчинение, выманить недруга к себе.

Разработка позвоночника. Важное условие боевой эффективности ниндзя — гибкость позвоночника, неоценимая во многих вариантах ухода из сковывающих захватов (гяку-вадза), усложненных связываний (ходзэ-вадза) и в акробатической манере ведения рукопашной схватки (тай-дзюцу).

Кроме нужной, гибкости позвоночный столб предоставляет богатейшие возможности для разнообразных воздействий как на себя, так и на противника. В районе верхних позвонков находится «точка выхода жизни», используемая при волевом самоубийстве; массаж третьего грудного позвонка дает «ясность мысли», а на уровне середины лопаток располагается «точка ощущения опасности», которая также используется в технике смертельного касания. Постукивание по седьмому (первому выступающему) шейному позвонку оживляет при потере сознания, а удары по третьему поясничному — эффективны при травме яичек и паха. Очень уязвим позвоночник и для атакующих воздействий. Весьма

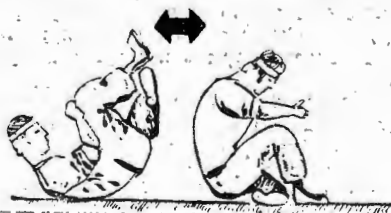

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

опасными считаются удары по первому и седьмому шейным позвонкам, точка между первым и вторым шейными позвонками отключает голос, ну а район напротив пупка — самое слабое место позвоночного столба (рис. 2).

Для разработки позвоночника существует довольно много эффективных упражнений. Один из возможных комплексов, обеспечивающий механическую (а есть еще и ментальная...) проработку позвонков, в основных направлениях представлен на рис. 3—8.

Упражнения следует выполнять, плавно переходя от одного к другому, фиксируя конечное положение и концентрируя внимание на размягчающей теплоте каждого позвонка. Начинают и заканчивают комплекс прокатыванием (туда и обратно) по дуге позвоночника, причем в первом случае (рис. 3) при смене направления движения положение ног, разведенных под прямым углом, меняется на противоположное.

Рисунки А. ЛЯХА.

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в межнациональных конфликтах.

130

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Бесспорно, рыбалка в начале апреля — увлекательнейшее занятие. Подводные обитатели меняют места стоянок, начинают передвигаться на кормные места. Улучшается подледный лов язя. Его можно поймать на поплавочную удочку и мормышку с червем, короедом, мормышом, бабкой, мотылем... Держится язь на тихом и умеренном течении у устьев рек. В больших реках — у мостовых свай, завалов на глубине до 5 м.

Все рыбы, за исключением самых теплолюбивых — сома, сазана, карпа, линя, карася и угря, постепенно выходят из зимнего оцепенения, идут к струям свежей воды и начинают поиски пищи. Голавль подплывает к промоинам у порогов, плотин, перекатов.

С появлением талой воды, стекающей в лунки, наступает пора лучшей подледной ловли леща. Он подходит к устьям потоков.

БЫВАЛЫЕ — МОЛОДЫМ

Как нередко бывает: кажется, все предусмотрел, собираясь на охоту, все учел, а вмешивается пустяк, такая мелочь, и все идет насмарку. Вместо радости, отдыха, удовлетворения — неприятный осадок, досада, огорчение.

Вот несколько случаев такого рода, и хочется мне, старому охотнику, рассказать молодым, дабы они постарались избежать возможных конфузов.

ПРИШЛОСЬ ИСКУПАТЬСЯ

Знакомый старый учитель доверил мне, тогда еще начинающему охотнику, свою подсадную, предупре-

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Держится только на глубине. Ловят его на донные с кивком, поплавочные удочки, на мормышки, наживляемые червяками или мотылем. Клев обычно начинается за час до рассвета, а оканчивается за час до полудня. Вечером бывает редким. Всякое похолодание, затяжное ненастье, сильные ветры, особенно восточный и северо-восточный, значительно ослабляют надежду на удачу. Не благоприятствует и яркое солнце. Надо в таком случае затемнить лунку. На водохранилищах и озерах лучше ловить на глубине 3—7 м.

В апреле чаще берет окунь, который нередко поднимается вполводы и к нижней кромке льда. Ловят полосатых красавцев на мелкие и средние блесны, мормышки. Предпочтительнее более резкая игра блесной. Можно обходиться без наживок. Но все-таки лучше ловить с мелким окуневым глазом на крючке блесны. Хорошо на него привязать красную шерстинку или перышко.

Фото В. СТЕРЛЕВА.

У промоин и закраин на блесны продолжает брать щука, а на глубоких местах у ключей и промоин нередки поимки судака. В ходу еще зимние жерлицы.

Улучшается в апреле клев хариуса, продолжает хорошо ловиться налим со дна на червей, мальков, живцов.

Полковник запаса
Ю. ПРОТАСОВ.

див однако: «береги как зеницу ока, ей цены нет!»

Высадил утку недалеко от берега и сел в шалаш. На реке идет лед, а здесь, в заливишке, чистая вода, солнце над горизонтом обещает ясную зарю. Неожиданно замечаю: утка как будто оказалась дальше положенного. Так и есть — плохо воткнутый в неоттаявшую землю кол не выдержал, подсадная получила свободу. Не стал даже раздеваться, сразу бросился в воду. Утка правильно оценила мои намерения и, отплывая от берега, выдерживала безопасную дистанцию.

Плыть не пришлось, но по грудь в воде побывал и побегал за птицей по мелководью, пока не поймал...

ДУПЛЕТ В БЕЛЫЙ СВЕТ

Подсадная дает резкую осадку, и я слышу, как с характерным звуком садится на воду кряквовый селезень. Просовываю в окошечко шалаша ружье. Мое движение не осталось незамеченным, осторожной птицей — селезень свечой поднимается. Дернул ружье вверх, только бы прицелиться и нажать на спуск, как на стволы: упала веточка, закрыл и мушку, и селезня. Дуплет-то дал, но впустую.

Ну разве не мелочь — не закрепил веточки в окошечке шалаша!

Ю. КАММЕРЕР.

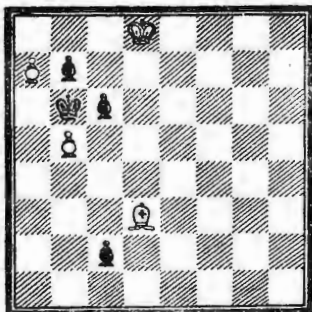
шахматный клуб

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

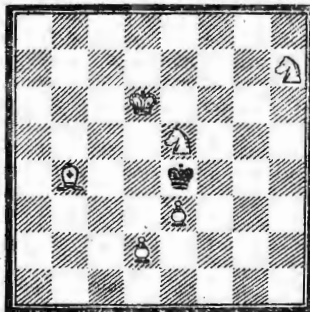
№ 4. С. Радченко, 1990

№ 5. В. Иванов, 1990

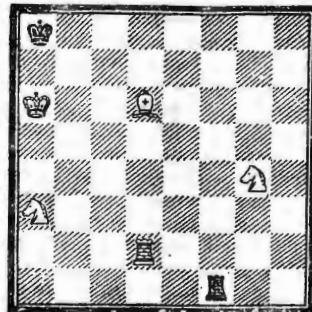
№ 6. А. Кременской
Публикуется впервые

Выигрыш

Мат в 4 хода

Мат в 4 хода

В прошлом году Центральный шахматный клуб ВС СССР провел X личное первенство по шахматной композиции. В нем приняли участие четыре мастера спорта, шесть кандидатов в мастера и четыре перворазрядника. Они представили судейской коллегии 166 произведений разных жанров. Приводим некоторые из них.

№ 4. Ничего не дает 1.a8Ф? с1Ф и ничья. Правильно 1.a8K+Кра7 2.b6+Кр: a8 3.Крс8 с1Ф 4.Са6! ба 5.b7+Кра7 6.b8ФX!

Предлагаем решить несложные, но красивые миниатюры № 5, 6.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В 1988 году ФИДЕ создала комиссию, получившую наименование «Джоконда» или «Мона Лиза». Дело в том, что в турнирах и матчах главенствует спортивный критерий, красивая же игра остается в тени, не отмечается и, следовательно, не стимулируется. Поэтому на новую комиссию возложена задача — выявлять красивые партии и отмечать их призами.

Вряд ли следует сомневаться в прогрессивности подобного шага, впервые обращено столь серьезное внимание на художественность практической игры. Председатель комиссии гроссмейстер Э. Гуфельд заявил: «Каждый шахматист стремится создать на 64 клетках черно-белого «холста» свою бессмертную партию, свою собственную «Джоконду». Комиссия, которой присвоено такое имя, и должна содействовать этому».

Первые два приза за красоту (по 500 долларов каждый) были вручены на Всемирной олимпиаде в Салониках в 1988 году. Один из них получила 12-летняя Юдит Полгар (Венгрия) за эффектную победу над Ангеловой (Болгария).

К сожалению, из-за финансовых трудностей деятельность «Джоконды» почти прекратилась. Жаль, красота заслуживает поощрения!

ШАХМАТЫ — ИГРА НАРОДНАЯ

С 16 по 30 июля 1991 г. в Бразилии проходили сразу четыре чемпионата мира: среди девушек и юношей до 16 лет, девушек и юношей до 18 лет.

Наши девушки и юноши выступили удачно: Нино Харцидзе стала чемпионкой мира среди девушек до 16 лет, Владимир Крамник — среди юношей до 18 лет. Остальные завоевали серебряные и бронзовые медали.

Приводим одну из партий-миниатюр, игранную юношами до 16 лет.

Х. Матиевич — Р. Клэй. Ферзевый гамбит. 1.d4 Kf6 2.c4d5 3.Кс3 e6 4.cd ed 5.Cg5 Kbd7 6.e3 Ce7 7.Фс2 0-0 8.Cd3 с6 9. Kf3 h6 10.h4 и тут черные допускают решающую ошибку: 10...hg? 11.hg Ke4 12.C: e4 de 13.Ф: e4. Черные сдались: на 13...g6 последует 14.Фh4, а на 13...f5 14.Фe6+.

Посмотрите эту поучительную партию.

Дорогие друзья! Соблюдайте, пожалуйста, правила нашего клуба!

1. Услуги клуба — платные: за публикацию объявления в журнале надо выслать 40 руб. в банк по адресу: 111250, Москва, Е-250, Коммерческий банк «Лефортовский», р/с 340616, МФО 201207, а затем ваше объявление вместе с квитанцией об оплате прислать в редакцию. За высылку одного адреса — 10 руб.

Военнослужащие срочной службы платят 20 руб. — за объявление и 10 руб. — за один адрес.

Подчеркиваем еще раз: деньги высылайте в банк по почте, а письма — в редакцию!

2. Для более оперативного ответа вложите в письмо чистый конверт с марками; четко и полностью указывайте ваш адрес, свои фамилию, имя, отчество, полный номер нужного вам абонента. Если через полгода или раньше собираетесь увольняться или менять место жительства, заранее сообщите нам ваш новый адрес.

000137—Л. М.

Мы — братья, оба армейские офицеры, капитаны. Были бы рады познакомиться с девушками или женщинами (можно с ребенком) примерно нашего возраста, которые хотят иметь близкого друга и готовы разделить с ним все радости и невзгоды военной жизни. Одному из нас 27, другому 28 лет. Жилплощадь, к сожалению, не обеспечены.

Леонид и Алексей.

000154—А. Е.

Я курсант высшего командного училища МВД, 20 лет, рост 186, курю, по характеру спокойный, веселый, не терплю ссор, подлости и измены. Люблю книги, фотодело, современную музыку, собак. Буду рад переписываться с красивой, веселой, умной девушкой. Хотелось бы, чтобы она была спортсменкой, ростом не ниже 175, не курила, могла бы работать по хозяйству, потому что намерения у меня серьезные.

Андрей.

000155—Н. Ш.

Мне 17 лет, рост 160, вредных привычек не имею, не пью, не курю, характер спокойный, но за себя постоять смогу. В веселых компаниях мне не очень уютно. Люблю современную

музыку. Хотела бы переписываться с военнослужащим старше на 3 года (рост 170), с характером твердым и решительным. И чтоб он не пил, ну если только по праздникам.

Наташа.

000156—А. Ш.

Хотел бы познакомиться с девушкой или женщиной от 18 до 22 лет, ростом не выше 160, спокойной по характеру, трудолюбивой, согласной на переезд. Не против, если у моей будущей знакомой есть ребенок. Мне 22 года, рост 160, работаю в воинской части, живу с родителями, есть квартира (живу в Свердловской области), материально обеспечен.

Александр.

000157—Л. О.

Мне 18 лет, рост 161, люблю читать, писать письма, не люблю ссор, предательства, эгоизма, скупости. Друзей много, но близкого человека нет. Вот и мечтаю о возможной встрече с военнослужащим в возрасте до 28 лет, обыкновенной внешности, можно курящим, но не пьющим (сама не курю, не пью), звание значения не имеет. Отвечу всем.

Любовь.

000158—А. Р.

По характеру я спокойный, общительный. Не пью,

не курю, занимаюсь спортом, люблю музыку. По национальности узбек, хорошо знаю русский язык. Была бы счастлива, если бы мне ответила девушка от 18 до 20 лет, симпатичная, женственная, умная.

Алик.

000160—Н. Р.

Где ты, моя половинка? Бродишь по свету или в пяти шагах от меня? Может, ты так же одинок, как и я? Не имеет значения, кто ты — военнослужащий или гражданский парень, лишь бы с открытой душой. Мне 23 года, серьезная и веселая. Люблю хорошую музыку и цветы, когда их дарят в знак любви и уважения. Откликнись, друг мой, без внимания и поддержки ты не останешься.

Наталья.

000161—С. Б.

Я — курсант выпускного курса военного училища, и, хотя в нашем коллективе всегда оживленно, я по-настоящему одинок. Может, потому, что никогда не умел познакомиться с девушками. Девочки, помогите мне! Вы мечтаете о своем принце, а я жду встречи со своей принцессой и не знаю, где она. Мне 22 года, рост 170, увлечения — психология, служебные животные, рукопашный бой.

Сергей.

000162—А. М.

Мне 20 лет, рост 170, характер спокойный, общительный, ссор не признаю, а верность и дружбу умею ценить. Работаю в органах внутренних дел. Очень люблю детишек. Рад был бы познакомиться с доброй и отзывчивой девушкой от 18 до 20 лет.

Анатолий.

000163—Т. К.

Надеюсь встретить в вашем клубе доброго человека, военнослужащего, который тоже одинок и хочет любить и быть любимым, умеет выслушать и понять другого. Мне 19 лет, рост 167, студентка, светленькая, с серыми глазами. Считаю, что способна на отзывчивость, верность, понимание и искренность.

Татьяна.

000164—А. П.

Служу срочную службу во внутренних войсках, мне 21 год, рост 180, русский, нормального телосложения, волосы русые. Люблю современную музыку, кино, книги, природу. Хотел бы переписываться с симпатичной русской девушкой, желательно до 20 лет. В людях ценю верность и чувство юмора.

Александр.

000165—Е. М.

Давно мечтаю о знакомстве с курсантом или офицером, потому что с гражданскими у меня разные взгляды на жизнь. Увлекаюсь художественной литературой, больше, конечно, на военную тематику, люблю природу, животных. Мне 19 лет, рост 160, внешность, думаю, обыкновенная. Учусь в медучилище и работаю. Домоседка.

Ленка.

000166—Э. Ш.

Живу под Санкт-Петербургом, а пока служу во внутренних войсках, сержант. Мне 19 лет, рост 179, спортивного телосложения,

волосы темно-русые, глаза зеленые, по национальности немец. Увлекаюсь хип-хопом и репом и люблю Баха. Занимаюсь культуризмом и боксом. Очень надеюсь встретить в клубе «ВВ» верную девчонку лет 20, которая захочет со мной переписываться.

Эдуард.

000167—О. З.

Буду рад знакомству с хорошей, доброй девушкой. Мне 21 год, рост 176, волосы светлые. Мой знак зодиака — Овен. По характеру спокойный, без вредных привычек. Увлечения — спорт, книги, музыка, очень люблю животных.

Олег.

000168—И. С.

В нашем сумбурном, неустроенном мире трудно одному. Хотел бы познакомиться с веселой, общительной девушкой, ценящей дом и семью. Мне 24 года, рост 164, родился под знаком Девы. По характеру спокойный, немного замкнутый, вредных привычек нет. Увлекаюсь спортом, люблю хорошую современную музыку.

Игорь.

000169—Н. К.

Читаю странички вашего клуба и с надеждой и грустью думаю: а где же мой добрый и заботливый друг? Если бы он откликнулся, мы с моим годовалым сынишкой подарили бы ему столько тепла и радости!.. Мне 20 лет, рост 164, разведена, по характеру сдержанная, немного стеснительная, люблю домашний уют, живу с родителями.

Не ненавижу ложь и эгоизм. Надеюсь на встречу с военным человеком 23—30 лет.

Наталья.

000170—О. Ш.

Я—студентка, 18 лет, рост 165, блондинка с серыми глазами. Мой идеал — курсант или офицер 19—25 лет,

рост от 170. В мужчине ценю умение защитить себя и честь женщины. Цель моего объявления — создание дружной, крепкой семьи.

Ольга.

000171—Д. Х.

Курсант военного училища, 20 лет, рост 175, темно-волосый, курящий, характер уравновешенный, хотел бы познакомиться с девушкой не старше 20 лет, ростом до 170, не лишенной чувства юмора и умеющей ждать.

Дима.

000172—А. К.

Курсант высшего военного командного училища, 21 год, рост 184, с чувством юмора и спокойным характером, по темпераменту сангвиник. Серьезно занимаюсь спортом (бокс), люблю музыку, книги, рисую. Через год стану офицером, а девушку, которая ждала бы меня, так и не нашел. Отвечу на письмо милой, симпатичной девушки от 18 до 21 года.

Алексей.

000173—Н. Ж.

Мне 18 лет, рост 170, шатенка с серыми глазами, родилась под знаком Ближнецов. Хочу переписываться с парнем, который в данный момент проходит службу в армии или избрал себе профессию военного.

Наташа.

000174—А. Л.

Мне 20 лет, рост средний, увлекаюсь спортом, люблю современную музыку, курсант военного командного училища. Рад был бы переписываться с веселой, милой девушкой, умеющей ждать — а это ведь главное для семьи офицера.

Алексей.

Внимание участников клуба! Абонент 000096—М. К. аннулирован — Марияна выходит замуж. Просьба на этот абонент заявок не присылать.

Вас ждет ЗИЛ

Уважаемые воины!

После службы в армии Московский автомобильный завод имени И.А. Лихачева (производственное объединение ЗИЛ) приглашает вас начать свою трудовую деятельность в его многотысячном коллективе. Здесь можно пройти обучение по избранной специальности в процессе работы.

Завод приглашает на работу наладчиков, слесарей-инструментальщиков и станочников-универсалов (токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков).

Кроме этого, предприятию требуются водители-испытатели, водители электропогрузчиков, станочники всех специальностей, слесари-ремонтники, электромонтеры, рабочие по специальностям литейного, кузнечного, прессового, термического, механосборочного и механообрабатывающего производства, а также рабочие строительных и других профессий.

Добро пожаловать на ЗИЛ, дорогие товарищи!

ПО ВОПРОСАМ ПРИЕМА
НА РАБОТУ ОБРАЩАЙТЕСЬ
ПИСЬМЕННО ПО АДРЕСУ:
109280, г. МОСКВА,
ул. АВТОЗАВОДСКАЯ, 18.
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ
КАДРОВ ЗИЛа.

Заработная плата временно-премиальная и сдельно-премиальная.

Принимаются одинокие иногородние граждане с предоставлением благоустроенного общежития квартирного типа с пропиской в г. Москве, согласно существующим правилам.

К вашим услугам филиал Всесоюзного заочного машиностроительного техникума, автомеханический техникум, автомобилестроительный институт с дневным и вечерним отделениями.

Для укрепления здоровья, активного отдыха автозаводцам предоставлены санатории, пансионаты, дома отдыха, спортклуб "Торпедо", физкультурно-оздоровительный комплекс с плавательным бассейном, саунами, тренажерными залами. Имеется Дворец культуры, многопрофильная больница, поликлиника, комбинат общественного питания.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ
277-87-58, 277-93-09, 277-80-27.

ВЫЕЗД К МЕСТУ РАБОТЫ —
ПО ВЫЗОВУ.

НАШ АДРЕС: 424013, ЙОШКАР-
ОЛА, УЛ. Я. ЭШПАЯ, 145.

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
6-75-75, 6-74-80, 6-43-87.

Научно-электронное управление научно-
производственной коммерческой фирмы
«Черный соболь» предлагает:

АППАРАТУРУ ЦИФРОВЫХ АБОНЕНТСКИХ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ УСТАНОВОК ЦАВУ

Аппаратура предназначена для уплотнения методом импульсно-кодовой модуляции абонентских линий городских телефонных сетей. Применение ее позволяет получить экономно дефицитного кабеля и возможность дополнительной телефонизации объектов.

Предусматривается как комплексная поставка аппаратуры на 225 номеров (комплект ЦАВУ), так и отдельных изделий.

АППАРАТУРУ СЕЛЬСКОЙ СВЯЗИ ИВА (ИКМ-15)

Аппаратура ИВА (ИКМ-15) предназначена для организации соединительных линий между сельскими декадно-шаговыми или координатными АТС по кабелям типа КСПП 1x4x0,9 или КСПП 1x4x1,2 или ВТСП.

Аппаратура обеспечивает связь на расстоянии 7,5 км. Для обеспечения связи на большие расстояния применяются промежуточные станции, питание которых осуществляется дистанционно с оконечного оборудования по фантомной цепи кабеля по схеме «провод — провод».

**МАРИЙ ЭЛ-
КРАЙ МАРИЙСКИЙ**

